

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 32.001(574)

На правах рукописи

БАЙПАКОВ МАРАТ КАРЛОВИЧ

Государство и партийная система независимого Казахстана

6D050200 – Политология

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный
консультант
доктор философских наук,
профессор
Р.К. Кадыржанов

Зарубежный научный консультант
профессор
С. Каплан
(Калифорния:
Университет Санта-Барбара)

Республика Казахстан
Алматы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА	11
1.1 Закономерности и особенности модернизации политической системы Казахстана.....	11
1.2 Возникновение и развитие партий в условиях политической модернизации Казахстана.....	22
1.3 Эволюция политических партий Казахстана сквозь призму теории социальных расколов	35
2 СТАНОВЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА	43
2.1 Партийные системы в современном мире: концепции и методы исследования	43
2.2 Партия-государство и однопартийность в Казахстане.....	64
2.3 Становление многопартийности в независимом Казахстане.....	80
3 ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ПАРЛАМЕНТА В КАЗАХСТАНЕ	92
3.1 Партийная система и парламентаризм в Казахстане	92
3.2 Суперпрезидентский режим и тенденции эволюции партийной системы Казахстана.....	102
3.3 Партийная институционализация парламента в рамках преодоления суперпрезидентского режима (2022-2023 гг.)	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	117

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования. В диссертации исследуется государство и партийная система независимого Казахстана в условиях политической модернизации. В работе определены основные научные подходы и особенности, ключевые тенденции и перспективы развития политических партий и партийной системы в условиях укрепления государственности современного Казахстана.

Актуальность диссертационной работы. Тема диссертации обладает высокой степенью актуальности в социально-политическом и научно-теоретическом аспектах.

В социально-политическом плане актуальность темы диссертации определяется важнейшей ролью, которую государство и политические партии выполняют в реализации программы Нового Справедливого Казахстана по трансформации общества. Программа реформ Нового Казахстана закономерно рассматривается как новый этап социально-политической модернизации общества после обретения страной независимости. Основная цель программы Нового Казахстана состоит в совершенствовании роли государства и социально-политических институтов для построения справедливого и демократичного общества.

Президент Касым-Жомарт Токаев, признавая решающую роль государства в реализации программы Нового Казахстана, выдвинул предложение по усовершенствованию основных ветвей власти стран по формуле «Сильный президент – влиятельный парламент – ответственное правительство» [1]. Раскрывая актуальность темы нашей диссертации, мы хотели бы обратить внимание на второй элемент президентской формулы в виде «влиятельного парламента». Практика социально-политического развития современных государств говорит о том, что без влиятельного парламента государство не может добиться успеха на пути модернизации.

Особенность парламента как органа государственной власти состоит в том, что его структуру составляют политические партии и вся деятельность парламента определяется партиями. В Казахстане, как и во всех других современных государствах, в структуре и деятельности парламента важную роль играют политические партии. Чем больше роль партий в обществе и государстве как посредника отношений между ними, тем более влиятельной является роль парламента в системе власти. Поэтому программа Нового Казахстана уделяет первостепенное внимание росту роли политических партий в реформировании политической системы.

Отсюда вытекает важность и актуальность научно-теоретического исследования политических партий в контексте реализации реформ Нового Казахстана. Изучение политических партий началось в Казахстане с начала 1990-х гг., когда в стране была отменена коммунистическая однопартийная система, в условиях социально-политической либерализации стали появляться политические партии, которые стремились выйти на политическую арену и

принимать участие в принятии политических решений. С тех пор изучение политических партий заняло важное место в политической науке Казахстана. Партийная сфера является подвижной, изменяющейся частью политической жизни казахстанского общества, требующей постоянного внимания к ней и ее изучения. Для этого нужно опираться на существующие в мировой научной литературе теории и методологию, разработанную на основе изучения партий и партийных систем в тех государствах и регионах современного мира, где партии играют ведущую роль в политической системе.

Степень разработанности исследования. В диссертации мы исследуем политические партии и партийную систему Казахстана в контексте его модернизации на разных этапах исторического развития. Поэтому мы рассмотрим степень разработанности политических партий и партийной системы Казахстана в работах отечественных и зарубежных ученых.

Многопартийность как политический феномен зародилась в Казахстане только с обретением независимости в результате распада СССР и всей коммунистической системы. Совершенно естественно, что казахстанские политологи, социологи, историки внесли большой вклад в изучение партий и партийной системы Казахстана. В частности, можно выделить работы Н. Кузьмина, А. Громова [2], Г. Адмонда [3], Д.А. Аманжолова [4], М.С. Ашимбаева [5], Г.Ж. Жумановой [6] Е. Бабакумарова [7], А. Бижанова [8], Ю. Булуктаева [9, 10], С. Коновалова [11], С. Дьяченко [12], Л. Кармазиной [13, 14], М. Машана [15, 16], Г. Насимовой [17], Е. Нечаевой [18], С. Сейдуманова [19], Uyama T. [20], Волобуев О.В. [21], Хазанов А.М. [22], Huntington S.P. [23], Dave B. [24], Duch R.M. [25], Heineman R.A. [26], Hough J.F. [27], Horowitz D.L. [28], Kitschelt H. [29], Kitschelt H., Mansfeldova Z. Markowski R. et al. [30], Lieven D. [31], Martin T. [32], McFaul M. [33], Schmidt S.W., Shelley M.C., Bardes B.A. [34], Seton-Watson H. [35], Shugart M.S. [36], Carey J.M., Sneath D. [37] и других.

В исследованиях казахстанских ученых большое внимание уделяется институционализации политических партий, в том числе вопросам политико-правовых основ их деятельности, раскрывается роль конституции страны, закона о партиях и других нормативных актов. Большое внимание уделяется участию партий в выборах в парламент Казахстана, в частности, анализируется электоральная система в ее отношении к партиям. Появление партий в парламенте актуализировало вопрос о партийной системе страны, ее характеристике с точки зрения типологий партийных систем. Наряду с этим казахстанские исследования большое внимание уделяют периодизации многопартийной системы в Казахстане с момента обретения им независимости. Важное место занимают вопросы взаимодействия партий с властью, а также связь партий с обществом в рамках президентализма. Имеются работы, в которых исследуются вопросы отношений партий с оппозицией.

Политические партии и партийная система Казахстана исследуется и в работах зарубежных ученых. Британский политолог Рико Айзекс (Rico Isaacs)

написал в 2011 году книгу по формированию партийной системы Казахстана [38], которая получила известность в научном сообществе. Исследование в книге ведется под углом зрения возникновения и функционирования партийной системы Казахстана в контексте ее взаимодействия с формальными, в частности, правовыми институтами и неформальными патрон-клиентными институтами в неопатримониальном обществе.

В течение пятнадцати лет с 2007 по 2022 гг. доминирующей партией в Казахстане была «Нур Отан» и поэтому она привлекала к себе внимание зарубежных ученых. Рико Айзекс в своей статье пишет о связи «Нур Отан» с неформальными сетями и о политике партии противодействия им, которая на самом деле только укрепляет неформальные институты и патрон-клиентные отношения в Казахстане [39]. Итальянский ученый Адели Дель Сорди, указывает, что «Нур Отан» действует в рамках президентской системы, а не открытой конкурентной политической системы, построенной вокруг партий в парламентской системе [40].

Большой интерес представляют работы итальянского политолога Риккардо Пелиццо (Riccardo Pelizzo), работающего в последние годы в Назарбаев Университете. Его научные интересы включают в том числе и изучение партийной системы Казахстана [41, 42]. С этой целью Пелиццо применяет методологический аппарат количественных исследований партийной системы, основанный на индексах фракционализации, текучести (fluidity), эффективного числа партий и других.

Проведенный нами обзор литературы отечественных и зарубежных исследований партий и партийной системы Казахстана подводит к заключению о необходимости применения теорий и методологии, разработанных в мировой литературе по данной тематике. При этом необходимо помнить о том, что многопартийность в Казахстане и ряде других постсоветских государств развивается в условиях президентской системы правления.

В настоящей диссертации предпринимается попытка применения теорий и методов анализа, разработанных в мировой научной литературе, к изучению партий и партийной системы Казахстана в контексте политической модернизации.

Объектом исследования являются государство и политические партии независимого Казахстана в контексте политической модернизации.

Предметом исследования являются процессы формирования многопартийности в независимом Казахстане в условиях возрастания роли партий в политической жизни общества.

Цель диссертационного исследования состоит в политологическом анализе взаимодействия государства и политических партий в условиях модернизации независимого Казахстана.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи:**

– раскрыть теоретико-методологическую значимость разработанных в мировой партийной литературе концепций многопартийности и политической модернизации для исследования взаимодействия государства и политических партий в независимом Казахстане;

– ввести в научный оборот понятие «партийная институционализация парламента», позволяющее раскрыть закономерности и особенности формирования многопартийности в процессе политической модернизации в Казахстане;

– разработать классификацию и периодизацию становления и формирования многопартийности в независимом Казахстане сквозь призму понятия партийной институционализации парламента;

– выявить две основные тенденции эволюции партийной системы, связанные с изменчивостью состава парламентских партий и возникновения полупартийной системы во главе с президентской партией»;

– раскрыть влияние программы «Новый Справедливый Казахстан» на формирование влиятельного парламента и устойчивой партийной системы на новом этапе политической модернизации Казахстана.

Научная новизна диссертации – в исследовании исторических и современных форм политических партий и партийной системы Казахстана с позиций методологической схемы их взаимосвязи с парламентом. В ходе проведенного исследования получены следующие новые *научные результаты*:

– раскрыта теоретико-методологическую значимость разработанных в мировой партийной литературе концепций многопартийности и политической модернизации для исследования взаимодействия государства и политических партий в независимом Казахстане;

– введено в научный оборот понятие «партийная институционализация парламента», позволяющее раскрыть закономерности и особенности формирования многопартийности в процессе политической модернизации в Казахстане;

– разработана классификация и периодизация становления и формирования многопартийности в независимом Казахстане сквозь призму понятия партийной институционализации парламента;

– выявлены две основные тенденции эволюции партийной системы, связанные с изменчивостью состава парламентских партий и возникновения полупартийной системы во главе с президентской партией;

– раскрыто влияние концепции «Новый Справедливый Казахстан» на формирование влиятельного парламента и устойчивой партийной системы на новом этапе политической модернизации Казахстана.

Теоретической и методологической основой диссертации послужили теории и методологические подходы, разработанные в мировой научной литературе по политическим партиям и партийным системам. Использование этих теорий и методологий позволило по-новому взглянуть на становление

политических партий в Казахстане, проследить эволюцию партий и партийной системы в период независимости.

Большую пользу при анализе теоретико-методологических оснований изучения политических партий и партийных систем принесла классическая книга Мориса Дюверже «Политические партии» [43]. Хотя книга Дюверже вышла более 70 лет назад, однако данный в ней анализ понятия партии, ранняя история партий и классификация партийных систем сохраняют свою важность и при исследовании современных партий и партийных систем.

В исследованиях партий и партийных систем непрерывным потоком идут новые исследования этих важнейших институтов современного общества. Тем не менее теоретическое и методологическое значение книги Джованни Сартори «Партии и партийные системы» [44] остается непреходящим. В диссертации мы обращались к книге Сартори при анализе советской однопартийной системы и исследовании типов партийной системы Казахстана после очередных парламентских выборов, используя его ставшую классической типологию партийных систем.

Важную роль в исследовании политических партий и условий их появления и дальнейшего функционирования до сих пор играет работа Сеймура Липсета и Стейна Роккана о политических расколах [45].

Для анализа партий и партийной системы Казахстана большое значение имеют работы по институционализации посткоммунистических партийных систем. Большую пользу нам принесла статья Джека Беласяка [46]. Он выделил два подхода к партиям в посткоммунистических обществах, которые назвал «чистый лист бумаги» и структурный, которые раскрывают отношения масс и элит к этим институтам.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных в работе целей и задач диссертантом был использован широкий круг источников.

Важную группу источников составили законодательные и правительственные документы, отражающие особенности политического процесса в государстве: выступления и труды Главы государства, Конституция Республики Казахстан [47], Послания Президента страны народу Казахстана [48, 49], Закон о политических партиях [50], Закон об общественных объединениях [51], Закон о выборах [52] и др. Они позволяют выявить основные тенденции и перспективы развития политического процесса в Казахстане.

Неоценимую помощь в раскрытии проблемы оказали такие источники, как: отчеты Агентства Республики Казахстан по статистике, результаты социологических исследований и опросов, монографии, материалы научно-практических конференций, сборники научных трудов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политологический анализ государства и политических партий в независимом Казахстане, проведенный в диссертации, опирается на широкое применение теорий и методов, разработанных в мировой литературе по

партиям и партийным системам. Применение концепций и понятий политической модернизации, теории социальных расколов, качественных и количественных методов исследования партийных систем позволили углубить понимание формирования и становления многопартийности в независимом Казахстане.

2. Исследование взаимодействия государства и политических партий в независимом Казахстане должно основываться на анализе взаимосвязи партий и парламента страны. В этой связи большую теоретико-методологическую эффективность должно иметь вводимое в диссертации понятие «партийная институционализация парламента», которое позволяет аналитически связать политические партии и парламента Казахстана в процессе политической модернизации страны. Применение понятия партийной институционализации парламента позволяет раскрыть логику формирования многопартийности в независимом Казахстане.

3. В диссертации предлагается классификация и периодизация многопартийности в независимом Казахстане на основе применения понятия партийной институционализации парламента, состоящая из пяти этапов:

Первый этап: внепарламентская многопартийность или беспартийный парламента (1990-1994) на начальном этапе независимости Казахстана.

Второй этап: неинституционализированная партийность парламента Казахстана (1994-1999), когда отсутствовала институциональная связь партий и парламента;

Третий этап: ограниченная партийность парламента Казахстана в рамках основной мажоритарной избирательной системы (1999-2007).

Четвертый этап: партийная институционализация парламента в рамках суперпрезидентского режима (2007-2022).

Пятый этап: партийная институционализация парламента в рамках преодоления суперпрезидентского режима (2022-2023).

4. В постсоветский период выявились две основные тенденции партийной институционализации парламента Казахстана, оказавшие решающее влияние на взаимосвязь партий и парламента и в целом на партийную систему страны:

1) высокий уровень изменчивости состава партий, представленных в парламенте в период 1994-2007 гг. и вновь проявившуюся после парламентских выборов 2023 г.;

2) появление партий власти и рост их влияния на политическую систему, в первую очередь на парламента страны. В своем наибольшем проявлении эта тенденция нашла выражение в формировании полуторопартийной системы во главе с президентской партией «Нур Отан».

5. После январских событий 2022 г. в Казахстане начался новый этап политической модернизации на основе выдвинутой президентом К.К. Токаевым формулы «сильный президент-влиятельный парламента-ответственное правительство» [53]. Парламентские выборы 2023 г. продемонстрировали высокий уровень политического участия, когда в

Мажилис было избрано шесть политических партий. В то же время эти выборы продемонстрировали высокий уровень политической конкуренции на основе смешанной избирательной системы, благодаря чему произошло обновление депутатского корпуса.

Теоретическая значимость диссертационной работы определяется тем, что изучение становления и функционирования политических партий и партийной системы Казахстана вносит вклад в формирование общей теории партий и партийных систем. Изучение партий и партийной системы Казахстана важно в плане подтверждения общих закономерностей развития политической системы посткоммунистических и, в частности, постсоветских государств. С другой стороны, применяя имеющиеся в современной литературе теории и концепции к Казахстану, важно исследовать культурно-исторические и институциональные особенности формирования партий и партийной системы в стране.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется исходными результатами и доказанными выводами в ходе проведенного анализа. Изученные в ходе работы данные и материалы могут стать основой новых научных исследований и предметов по проблемам взаимодействия государства и политических партий в контексте модернизационных изменений и становления гражданского общества. Результаты исследования могут быть использованы для научно-теоретического обоснования инновационной политики государства, совершенствования системы государственного и партийного строительства в РК, в разработке новых форм сотрудничества государственных органов и институтов гражданского общества. Положения и выводы диссертации могут найти применение при разработке и чтении курсов по политологии в вузах Казахстана, к примеру «Формирование и развитие политических партий и партийной системы современного Казахстана», «Гражданские основы патриотизма».

Апробация практических результатов. Диссертация обсуждалась на кафедре политологии КазНУ им. аль-Фараби (протокол №3 от 31.10.2023г.) и была рекомендована к защите. Результаты были апробированы в следующих публикациях: «Партийная система как элемент политической модернизации Казахстана» в журнале «Центральная Азия и Кавказ», входящем в базу данных Скопус, «Политическая модернизация и партийно-политическая система Республики Казахстан: Логика перемен» в журнале Известия НАН РК, «Политические партии и социально-экономическое развитие Казахстана: эффект отражения» в журнале «Казахстан Спектр», «Государство как главный социальный институт» в журнале «Адам элемі» и т.д.

Структура и объем диссертации. Структура диссертационной работы логически построена в соответствии с поставленными целями и задачами научного исследования. Диссертация состоит из введения, двух разделов, в

каждом разделе по три подраздела, заключения, списка использованных источников. Объем диссертации составляет 125 страниц.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА

1.1 Закономерности и особенности модернизации политической системы Казахстана

Происходящие изменения, как в мировом масштабе, так и пределах одного государства заставляют по-новому проанализировать процесс модернизации, его особенности и закономерности. В свою очередь, политическая модернизация представляет собой сложный, многоаспектный и не всегда однонаправленный процесс, который при этом характеризуется высокой степенью неопределенности. Совмещение парадигм социально-политического развития свойственно многим странам, в том числе и Казахстану. При этом необходимо иметь в виду то, что модернизация Казахстана обнаруживает особенности, отличающие ее от модернизации в других странах.

Лицо современного общества в значительной мере определяется процессом модернизации, которая охватила все регионы и страны мира. Модернизация является комплексным процессом, которые оказывают свое воздействие на различные сферы социальной жизни – экономическую, политическую, культурную, образовательную, профессиональную и другие. Один из ведущих специалистов теории модернизации Шмуэль Айзенштат определяет модернизацию в историческом контексте. Это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век, а затем распространились на другие европейские страны. В XIX и XX веках модернизация распространилась на южноамериканский, азиатский и африканский континенты [54].

Наряду с рассмотрением модернизации как комплексного, единого процесса социальной трансформации по модели западных обществ, специалисты различных областей знания выделяют также экономическую, политическую, культурную, правовую и иные виды модернизации. Особое значение среди этих видов модернизации имеет политическая модернизация, что определяется важностью политической системы в социальной системе современного общества.

Под политической модернизацией в современной литературе принято понимать «формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик и вообще современной политической структуры. При этом под современными политическими институтами и практиками следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности» [55].

В рамках модернизационных концепций основной целью политического развития является формирование нового типа взаимодействия государства и общества, создание социальных и политических механизмов, позволяющих большей части населения влиять на принятие основных решений, создавая при этом благоприятные условия для социально-экономического развития общества, поддержания его стабильности.

Теоретический анализ и осмысление накопленного опыта модернизации в мировом масштабе позволяет соотнести модернизационные установки нашей страны с общим направлением культурно-цивилизационного процесса, отыскать стержневой момент в конструировании и прогнозировании процесса демократизации общества.

В целом, понятие «модернизация» используется в западной политологии и социологии для характеристики социально-экономического, политического, культурного и общественного развития. Важно учитывать, что термин модернизация носит скорее собирательный характер, так как он в первую очередь отражает различные ступени развития современного индустриального общества, начиная с эпохи первой промышленной революции и далее процесс трансформации развивающихся стран из традиционных (или аграрных) в промышленно развитые. Исторические рамки этого процесса, согласно теории модернизации охватывают период - приблизительно от первых десятилетий XIX в. до 50-х гг. XX в. В рамках теории модернизации выделяются в первую очередь два типа общества: традиционное и современное (*modern society*). И сам процесс перехода от традиционного к современному называется модернизацией [56].

Возникновение ранних концепций политической модернизации можно отнести к 50-м годам, когда встал вопрос о разработке политики Запада по отношению к развивающимся странам, основой которого стала теория модернизации. Наиболее известными представителями теорий политической модернизации являются Ш. Айзенштат, G. Almond [57], D. Apter [58], С. Верба [59], Л. Пай [60], С. Хантингтон [61], Д. Дарендорф [62], Р. Даль [63] и многие другие. Их усилиями была создана общая модель глобального процесса социально-экономической и политической модернизации.

Одним из «родоначальников» теории модернизации является Самуэль Хантингтон, которого можно по праву отнести к числу самых влиятельных американских политологов. В соответствии с его концепцией стимулом для начала модернизации служит некоторая совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих политическую элиту начать реформы. Политическую модернизацию исследователь рассматривает как "демократизацию политических институтов общества и его политического сознания". В «третьей волне» демократизации между 1974 и 1990 гг. примерно 30 стран начали переход к демократии [64]. Т. Парсонс характеризовал это как «развитие эволюционных универсалий в ходе дифференциации, роста статуса, общности ценностей и включения» [65].

В рамках теории модернизации было определено:

а) *непосредственное направление (вектор) развития*. По сути, речь идет о переходе от традиционного общества к рациональному;

б) *пути реализации этого направления*. Если говорить более детально, то это – научно-технический прогресс, социально-структурные изменения, смена и преобразования ценностных и нормативно-институциональных систем.

Теория модернизации позволяет выделить стержневое направление в рамках общей глобализации. При этом учитывается специфика и особенности его проявления в различных социально-политических условиях. Такое фильтрование дифференцировало и обосновало два типа модернизации. *Оригинальная модернизация*, присущая странам, которые совершают переход к рациональным общественным структурам в результате постепенного развития внутренних процессов. *Вторичная (отраженная модернизация)*, свойственная странам, которые отстали в своем развитии и совершают «осовременивание» вдогонку.

Один из известных исследователей теории модернизации Вольфганг Цапф продолжил и дополнил вышеуказанную дифференциацию. Он рассматривает модернизацию в трехмерном временном плане. «Во-первых, как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа сегодня модернизированных обществ; во-вторых, как многообразный процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; в-третьих, как попытки модернизированных государств дать ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ» [66].

В историческом плане модернизация охватывает период с XVI века по настоящее время. Как правило, выделяются три эшелона модернизации: первый, начавшийся в XVII-XVIII вв. и захвативший страны Северо-Западной Европы, а впоследствии и Северной Америки [67].

Первоначальный импульс модернизации дали страны Запада, ставшие ее первым эшелонам. Остальные страны и регионы, в их числе и Казахстан, относятся к зоне так называемой запоздалой, или догоняющей, модернизации. Внутри этой зоны также выделяются два эшелона. Одни из них составляют крупные страны, осуществляющие модернизацию на независимой основе (Россия, Япония, Турция, некоторые восточноевропейские и латиноамериканские государства). Эти страны составляют второй, после Запада, эшелон модернизации. Наконец, третий эшелон составляют большинство развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Их развитие происходило через систему колониализма и зависимости в качестве сырьевого придатка Запада.

Модернизация стран первого эшелона проходила в процессе естественно-исторического развития государства и реализовывалась на собственной основе. Многие исследователи отмечают внутренний, органичный, эндогенный характер подобной модернизации.

Страны, составляющие второй эшелон модернизации, имели некоторые общие черты, среди которых можно отметить влияние внешних факторов;

использование опыта социально-экономического развития и технико-технологического прогресса, включая формы организации общественных институтов; сложности и в некотором смысле откаты назад. «Страны второго эшелона модернизации вступали на путь индустриального роста, развития промышленности, техники и массового образования, политической либерализации и верховенства закона, пусть даже весьма формального. Причем одной из стран второго эшелона, Японии, во второй половине XX века удалось войти в группу стран первого эшелона, оказавшись в состоянии перехода к постмодерну [68].

Модернизация стран третьего эшелона (большая часть Латинской Америки, Азии, Африки, а также наиболее отсталые в экономическом плане страны Южной Европы) в основном стартовала с колонизации и поставки различного рода сырья в систему мировой торговли. Особенности такой модернизации заключались в зависимости от Запада и как следствие неспособности самостоятельного определения параметров своего дальнейшего цивилизационного развития, неизменности привычного уклада жизни основной массы населения.

Системные глобальные изменения привели к формированию в западной политологии различных концепций и теорий политического развития. Вместе с тем, по мере углубления и расширения исследований в области процесса общественного развития стран «третьего эшелона», а также накопления эмпирических данных становится очевидным, что линейные и поступательные модели модернизации и вестернизации обладают низкой научной валидностью.

Несмотря на позитивное влияние традиционного уклада жизни общества, включая такие примеры как военные диктатуры в Чили и Аргентине, авторитарные модели «управляемой демократии» в странах Юго-Восточной Азии, амбициозный рывок Японии из традиционного общества в постиндустриальное, побудили многих исследователей иначе взглянуть на роль традиций в процессе общественного развития. Так, А. Турен, изучавший такое явление как «контрмодернизация» отмечал наличие революций, беспорядков и насилия в таких политических системах, которые выбрали путь модернизации по западному образцу, т.е. «вестернизации». Он называл этот путь «модернизацией в обход модернизи» и «антимодернизацией», что, по сути, означало открытое противостояние модернизации [68, с. 40].

Схожей позиции придерживается еще один исследователь политической модернизации В.А. Красильщиков. Он делает вывод о том, что «...модернизация развивающихся стран по западным рецептам могла привести к нарушению и без того слабой структуры их экономики, обострению социальных конфликтов, разрушению окружающей среды, монополизму крупных фирм со всеми его печальными последствиями. Фактически такая модернизация рассматривалась как «модернизация отсталости» [69].

Необходимо отметить, что модернизация в различных странах и регионах мира осуществляется различными способами с использованием

различных механизмов. Тем не менее, можно выделить универсальные составляющие политической модернизации:

- создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией политических ролей и институтов;
- создание государства современного типа, обладающего суверенитетом и другими характеристиками субъекта национального и международного права;
- усиление роли государства в различных сферах жизни общества, опирающееся на расширение сферы действия и возрастание роли права, связывающего государство и граждан;
- рост численности граждан (лиц с политическими и гражданскими правами), расширение включения в политическую жизнь общества социальных групп и индивидов;
- возникновение и увеличение влияния рациональной политической бюрократии, превращение рациональной бюрократической организации в доминирующую систему управления обществом и контроля над ним;
- сокращение функций и ролей традиционных элит и их легитимности, усиление модернизаторских элит [55, с. 249].

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что модернизация – это универсальный способ развития современного общества. При этом каждая страна имеет свои особенные, или специфические черты, различные временные и исторические рамки, собственную периодизацию этапов, содержание, характер и формы изменений.

Эти универсальные составляющие находят свое выражение и в политической модернизации современного Казахстана. Модернизационные процессы начались в Казахстане после обретения им своей независимости в 1991 году. Как и в других странах, модернизация в Казахстане направлена на формирование рыночной экономики, демократического режима, появление новых социальных институтов, изменение форм общественного сознания и образцов поведения индивидов и социальных групп.

Вопрос об отнесении Казахстана ко второму или третьему эшелону модернизации не является сугубо академическим. От ответа на него зависит определение реформаторами целей модернизации, приблизительных сроков и этапов их реализации, выявления социально-исторических, экономических, идеологических и прочих факторов, способствующих или препятствующих модернизации страны.

Провозглашение Казахстаном государственного суверенитета и связанные с этим политические реалии вызвали значительную трансформацию самосознания общества и его граждан, а также необходимость модернизации всех сфер социальной жизни, в том числе и политической.

Модернизация в политической сфере приняла в Казахстане форму политического транзита. В специальном понимании этого термина, «политический транзит представляет собой процесс перехода государственно-политической системы страны от менее совершенной в демократическом

отношении к более совершенной и развитой форме демократии, охватывающей политическую организацию общества и политическую систему государства» [5, с. 17]. В рамках политической модернизации в Казахстане произошла трансформация социально-политических институтов. Речь идет о современном состоянии таких социально-политических институтах как политические партии, система разделения труда, различные демократические институты, в том числе формирование неправительственных организаций, гражданского общества, института президентства, парламентаризм, судебная система и пр.

Одним из главных направлений политической модернизации является демократизация политической системы. При этом процесс демократизации сталкивается с проблемой преодоления сопротивления реформируемого общества. в традиционных, авторитарных и тем более тоталитарных режимах очень низкая степень структурно-функционального разделения политических институтов. Функциональная неразделенность в традиционных обществах проявлялась в том, что ключевые функции были сконцентрированы в руках одного человека.

Так ряд казахстанских политологов отмечают, что важно учитывать специфику восточных государств. Ж. Джунусова считает, что «...Для нашей республики, как и для многих азиатских государств, верховенство государства над гражданским обществом является главной трудностью демократии» [70]. Исследуя особенности государственности, К.Л. Сыроежкин «...Казахстан не явился исключением из общего правила, наследуя те общие закономерности, которые присущи переходным обществам стран Востока» [71].

Особенность политической модернизации Казахстана связана с переходом казахстанского общества от традиционного к современному, открытому. «Переходный процесс – это исторический временной отрезок, где происходят радикальные изменения общественных условий, старый общественный порядок меняется на новый. В связи с этим принципиально важно заранее знать, от чего к чему происходит общественный переход, какие качественные и количественные характеристики этих общественных альтернатив, какой примерный срок, временная протяженность этапа переходного процесса. И, во-вторых, уже из самой сути переходности ясно, что на данном этапе развития общества сосуществуют старое и новое. Поэтому нужно гипотетически представлять подвижную динамику соотношения старого и нового в политическом времени и пространстве» [72].

В современных условиях теория модернизации выступает обоснованием характера, масштабов и направлений политических и социально-экономических изменений в посттоталитарном мире. Стержневым вопросом теории политической модернизации является анализ политических систем переходного или так называемого транзитного периода. Особое внимание исследователей и широкой общественности к политической модернизации в нашей стране вызвано потребностью проанализировать весь комплекс

факторов, влияющих на специфику переходного состояния современного Казахстана [73].

Своеобразие процессов модернизации определяется совокупностью социально-экономических, политических факторов. Важно понимать и учитывать следующие моменты:

1. Какова стартовая модель экономических отношений? Иными словами, реализовано ли становление рыночной экономики до начала политических преобразований.

2. Как решаются задачи экономического и политического реформирования – одновременно или последовательно, поочередно?

3. Тоталитарный или авторитарный тип политического режима предшествовал демократии?

4. Каков способ перехода к демократии? Является ли это возрождением демократического режима или же происходит процесс становления?

5. Насколько процессы политической модернизации взаимосвязаны с содержанием национальных традиций и состоянием общественного сознания. Этот вопрос очень часто выпадает из поля зрения аналитиков, исследователей и политиков.

Одним из моментов, на который следует обратить внимание, является тесная взаимосвязь политических изменений в Казахстане с экономическими. При этом важно не упускать из виду процесс государственного строительства. Один из западных исследователей У. Пройсс, изучив проект Конституции Республики Казахстан 1992 года, отметил «... существенную составляющую одновременных процессов строительства нации, создания сферы рынка, установления законности и правопорядка и внедрения основных черт демократического правления» [74].

Закономерности и особенности модернизации политической системы Казахстана, как и любой другой страны тесно переплетаются с кризисами политического развития. В связи с этим, нам представилось уместным предложить собственную характеристику этапов политической модернизации, которая в дальнейшем ходе исследования будет дополнена в контексте взаимосвязи с партийно-политической системой Казахстана.

Условно, этапы политической модернизации можно разделить на:

Кризис авторитарного режима и его либерализация. Содержание этого этапа связано с расширением индивидуальных и коллективных политических прав при сохранении в политической системе авторитарных структур. Это в свою очередь, очень тесно связано с политическим участием основного населения в политической жизни страны.

Установление демократии. Этот этап политической модернизации связан с качественными изменениями в политической системе. Речь идет о формировании демократических политических институтов и структур, взаимодействующих на основе демократических процедур. Этот процесс включает в себя:

а) формирование конкурентной партийной системы;

б) институализация демократических механизмов государственной власти.

Консолидация демократии. Содержание этого этапа политической модернизации заключается в адаптации общества к новому политическому механизму, новой модели регулирования конфликтов.

При осуществлении политической модернизации неизбежно возникают противоречия, пронизывающие все сферы общественной жизни. Эти противоречия влияют на формирование политических интересов и способы их взаимодействия. Изучение сущности и проблематики противоречий модернизации позволяет выработать оптимальный вариант политической позиции, ослабляющей проявление типичных для переходного состояния кризисов.

При рассмотрении теории модернизации, мы считаем важным отметить социально-экономический, политический контекст развития мирового сообщества. В разработке теоретических и прикладных аспектов проблемы значимую роль играет отказ от осмысления модернизации как механического заимствования (имитации или подражания) универсальных стандартов без учета традиционной модели, свойственной конкретному государству.

Как правило, в дефинициях политической модернизации акцент делается на следующих моментах:

- способность политической системы адаптироваться и реагировать на вызовы времени, отвечать потребностям изменяющихся общественных условий;

- необходимость нового качественного уровня взаимодействия государства и гражданского общества для достижения социальных целей. По сути, речь идет об эффективном диалоге власти и общества;

- своевременность и результативность этого диалога обеспечивается созданием и эффективным функционированием новых видов институтов, дифференциацией политических структур, верховенством закона.

Среди указанных универсальных черт политической модернизации мы хотели бы обратить внимание на расширение политического участия масс в современном обществе. На Западе этот процесс начался еще в девятнадцатом веке, а в других регионах мира в двадцатом веке. Для политического участия масс требуются специальные политические институты - политические партии. Разнообразие политических интересов масс и элит влечет за собой разнообразие политических партий в рамках одного общества, которые в своей совокупности образуют партийную систему.

Политические партии играют в обществе функцию представительства, посредующих взаимоотношения между политической системой и средой, которая окружает эту систему. В этом смысле партии оказываются своего рода "привратниками" во входах в политическую систему общества. Эти организации и институты выполняют функцию артикуляции и агрегирования групповых интересов, их переноса на политический уровень. Благодаря партиям получают возможность интеграции в политическую систему те

социальные слои и группы, которые прежде были отлучены от политики. Именно эту функцию в политической системе выполняют политические организации, которые получили название массовых партий.

В этом ключе следует рассматривать появление политических партий в Казахстане в переходный период, который пришел на смену тоталитарному режиму советского периода с доминированием коммунистической партии не только в политической, но и во всех остальных сферах общества. На смену однопартийному режиму советского типа пришла многопартийная система демократического типа, благодаря которой отлученные прежде от политики социальные слои казахстанского общества получили возможность вхождения в политическую систему независимого Казахстана.

Становление многопартийности в Казахстане имеет общие черты и закономерности со сходными политическими процессами в других странах СНГ. Можно выразить согласие с рядом российских и отечественных исследователей в том, что практически везде, по сути, имел место не просто переход от однопартийной системы к многопартийной, а налицо был взаимосвязанный процесс устранения государственно-политической монополии КПСС, создания новой государственности и соответствующей ей партийной системы. В то же время необходимо иметь в виду, что развитие многопартийности в Казахстане имеет свои особенности, обусловленные спецификой исторического, демографического, политического характера, его этнокультурного своеобразия [8, с. 20].

В современных условиях теория политической модернизации служит обоснованием характера и направлений политических изменений в посттоталитарном мире. Центральной проблемой теории выступает системный анализ политических систем переходного периода. Обращение к теории политической модернизации в нашей стране вызвано потребностью осмыслить всю совокупность факторов, определяющих динамику и специфику переходного состояния современно Казахстана.

Опыт и практика многих развивающихся стран, в том числе и постсоветских республик, продемонстрировали, что провозглашение курса на демократию и социальные ориентиры рыночной экономики, включая увеличение количества элементов либерального устройства, не всегда являются достаточным основанием для политической модернизации «...такие режимы могут обладать многими конституционными характеристиками электоральной демократии, в них легально действуют оппозиционные партии, однако они лишены такого неперемного для демократии качества, как наличие поля для относительно честного (электорального) соперничества, способного привести к отстранению от власти правящей партии». По сути, речь идет о создании псевдodemократии, как обозначил этот процесс известный исследователь Л. Даймонд [75].

Поскольку модернизация, выводя общество на новый уровень, призвана включить Казахстан в общецивилизационный процесс, то закономерно возникают вопросы: «В каком качестве страна интегрируется в общую модель

развития? Будет ли Казахстан вписываться в современный мир на равных условиях или выполнять по отношению к Западу зависимую роль?» Ответ на эти вопросы будет определяться направленностью и результатами модернизационных изменений в обществе. Содержание же этих изменений зависит, в первую очередь, от выбора мобилизационной модели развития, и во вторую, от соответствия этой модели культурным, историческим факторам развития казахстанского общества.

Логика постсоветской политической трансформации свидетельствует о том, что речь идет об особой социально-политической и экономической модели развития. Эти процессы непредсказуемы и эклектичны. Внутреннее содержание политической трансформации более соответствует своеобразной форме адаптации к произошедшим социетальным изменениям внешней среды, нежели переходу политической системы на качественно новый уровень в сторону ее большей либерализации.

Результаты демократизации, демонстрируемые посткоммунистическими странами в целом, можно охарактеризовать следующим выводом известного исследователя А. Мельвиля: «На ранних стадиях демократических транзитов, по-видимому, большее значение имеют эндогенные факторы демократии и демократизации – выбор политическими акторами своих действий и системы взаимоотношений, оперативных подходов и институциональной стратегии. Однако такой выбор во многом обусловлен политико-культурными традициями, историческим и социально-экономическим контекстом, внешними и иными структурными обстоятельствами. Эти глубинные структурные – прежде всего, экономические и социокультурные – предпосылки и условия демократии начинают играть все более существенную роль на последующих стадиях транзита и особенно консолидации демократии. Другое дело, что в силу указанных структурных обстоятельств далеко не все страны, начинающие транзит в предположении, что в его исходе будет установлена именно демократия, имеют хорошие шансы пройти этот путь до логического завершения» [76].

Казахстан вступил в модернизацию с обретением независимости, хотя такие элементы модернизации как индустриализация, подъем сельского хозяйства, грамотность населения, урбанизация и др. были достигнуты еще в советский период. На протяжении многих лет независимости стратегия политических реформ формировалась, видоизменялась в зависимости от настоящих и перспективных задач политического и экономического развития страны, учитывался мировой опыт политической трансформации, происходил процесс адаптации к казахстанским реалиям и глобальным трендам.

Модернизация – это переход от того состояния страны, которое мы имеем в настоящее время к тому, каким оно должно быть для ее успешного и благополучного развития в высоко конкурентном мире. В этой связи цель модернизации Казахстана состоит в том, чтобы создать современную, сильную, процветающую страну. Таковую страну, которая способна конкурировать на мировых рынках, развивать современную науку,

здравоохранение, образование, массовую физическую культуру и спорт высоких достижений. Для этого правящая элита должна решить важнейшую задачу – это создать эффективное государство.

Эффективное государство – это государство, обеспечивающее соблюдение закона, своевременно и компетентно решающее возникающие проблемы в соответствии с требованиями времени. Благодаря этому в стране интенсивно развивается конкурентоспособная экономика, средний класс – социальная основа сильного гражданского общества, достигается высокий уровень жизни, обеспечивается защита людей и национальная безопасность.

Переход к модернизации такого типа всегда требует рационализации человеческого поведения на уровне социальных и политических стратегий. Но, к сожалению, период конца 1980-х и начала 1990-х годов напротив характеризуется закреплением мифологического подхода к переменам. Вместо старых мифов о коммунистическом обществе, где общественные богатства польются плотным потоком без особенного трудового вклада, возник другой стереотип, все отличие которого от прежних состояло в том, что вместо слова «коммунистическое общество» появилось слово «рынок».

С самого начала комплексных системных преобразований в Казахстане, исходной позицией являлся тезис о том, что экономическая модернизация должна объективным и естественным образом привести к политической модернизации. При этом под политической модернизацией понимается демократизация политической системы.

Как пишет в своей работе отечественный исследователь М. Ашимбаев: «...в Казахстане, как и в других странах СНГ, движение к демократизации не было предопределено высоким уровнем экономического развития» [5, с. 48]. В Казахстане становление государственности и поиска собственной модели государственно-политического развития совпал с форсированным переходом к рыночным отношениям.

Говоря о приоритетах и сути планируемых политических изменений, следует иметь в виду несколько моментов, в том числе и экономических оснований:

- реформы носят «продолжающийся» характер и имеют целью совершенствование, а не ломку существующей политической и административной системы;

- одинаковых и идеальных сценариев трансформации политических систем не существует. Новые реформы должны строго соизмеряться с заданными демократическими целями и своеобразием казахстанской политической системы. Политическая модернизация должна преследовать цель устранения потенциальных «линий разлома» внутри казахстанского общества;

- процесс политической модернизации должен соблюдать баланс между последовательным углублением демократии и ее «легитимизацией» в общественном сознании.

Основной итог модернизации – осовременивание до- и раннеиндустриальной социально-экономической структуры, лишение ее традиционных элементов способности к регенерации и саморазвитию. Усвоение массовым сознанием норм демократии, развитие секулярных элементов в культуре, нарастающие процессы восходящей социальной мобильности; все это ведет к расширению социальной опоры государственной власти, повышение маневренности и гибкости политической системы [11, с. 20-28].

Известно, что природа переломных моментов двойственна, противоречива. Наряду с проявляющимися чертами демократизации на современном этапе Казахстана имеются все признаки авторитарной власти, которые вместе с тем являются необходимыми в нынешних условиях социально-политического и экономического развития. Казахстану предстоит еще длительный этап экономических и политических преобразований. Их проведение определяется расстановкой политических сил, состоянием политической элиты, характером власти. И так, в осмыслении содержания современного этапа в жизни Казахстана необходимо учитывать всю совокупность факторов, определяющих отсутствие прочного гражданского мира и последовательность демократических преобразований.

1.2 Возникновение и развитие партий в условиях политической модернизации Казахстана

Партии и политическое участие масс в условиях модернизации общества

Анализ политических партий и партийной системы Казахстана мы связываем в данной работе с широкими и всеохватывающими процессами модернизации, в первую очередь, с политической модернизацией современного общества. Начиная с середины девятнадцатого века модернизация в социальной, технологической, экономической, политической, административной и иных сферах становится глобальным процессом, продвигаясь из Запада, то есть стран Западной Европы и Северной Америки, в другие регионы мира. Особенностью модернизации в политической сфере является появление и функционирование политических партий, занимающих важное место в социально-политическом процессе государства и общества. В зависимости от культурных и исторических особенностей модернизационного развития стран и регионов мира в них сложились различные типы социально-политических систем и соответствующие им политические партии и партийные системы.

В историческом плане модернизация является достаточно новым явлением, разворачивающейся в мире на протяжении последних 150-200 лет. Это же утверждение может быть отнесено и по отношению к политическим партиям, возникшим в процессах модернизации. «Еще в 1850 г., – указывает Морис Дюверже, – ни одна страна мира (за исключением Соединенных Штатов) не знает политических партий в современном значении этого

термина: мы обнаруживаем течения общественного мнения, народные клубы, философские общества, но отнюдь не партии в собственном смысле слова. В 1950 г. они функционируют в большинстве цивилизованных стран, все прочие стремятся им подражать» [43, с. 21].

В современном обществе политические партии выполняют разные функции, что во многом определяется типом и характером политической системы, в которой партии функционируют. Тем не менее, можно выделить некоторые общие функции политических партий, независимо от того, приходится ли им функционировать в демократических обществах или же в авторитарных и даже тоталитарных системах.

Среди общих функций политических партий в современном обществе можно указать на организацию общественного мнения и коммуникацию его требований в центры политической власти и принятия решений. Во-вторых, партия должна артикулировать своим последователям представление об обществе, в котором ей приходится действовать и которое она собирается изменить или даже разрушить. Наконец, партия является институтом политического рекрутирования, то есть отбора политического руководства, в руках которого должна находиться политическая власть и принятие решений [77].

Даже из этого первоначального описания функций политических партий можно увидеть, что партии как политические организации возникают на определенном этапе развития человеческого общества, а именно, когда общество становится массовым, то есть, когда большие массы людей вовлекаются в модернизационные, в том числе в политические, процессы. Модернизация, как отмечалось выше, является переходом от традиционного, аграрного по своему типу, общества к современному обществу, в основе которого лежит индустриальная цивилизация. Если традиционное аграрное общество является преимущественно сельским обществом, то есть основное большинство общества в нем живет и, следовательно, основные социальные процессы происходят в сельском обществе, то в индустриальном обществе центр жизни и население перемещаются в города, где и происходят основные социальные процессы.

Миграционные процессы из села в город в условиях модернизации приводят к тому, что города становятся отныне индустриальными, административными, политическими и культурными центрами. Городские индустриальные массы во все большей мере вовлекаются в политические процессы, в которые трансформируются в индустриальном обществе многие социальные и экономические процессы. Как отмечают Джозеф ЛаПаломбара и Мирон Вайнер, политическое развитие в условиях модернизации вызывает необходимость политического участия больших масс людей, не принадлежащих к доминирующей политической элите [77, р. 4]. Политическое участие масс обуславливается необходимостью защиты собственных экономических и иных интересов.

Включение больших масс людей в политику, особенно в странах с демократическим правлением, имеет большое значение для политического развития этих стран. Индивиды могут голосовать, приводя тем самым к власти те политические силы, которые отвечают их жизненным интересам. Люди могут участвовать в добровольных ассоциациях, ставящих своей целью воздействие на политику власти в той или иной социальной сфере, или же быть членами политических партий, чтобы оказывать воздействие на выбор кандидатов для органов власти [77, р. 4-5].

Модернизированное индустриальное общество представляет собой намного более сложное общество в сравнении с традиционным аграрным обществом в силу того, что человеку в нем приходится вступать в гораздо более многочисленные и сложные связи. Социальным механизмом, который позволяет человеку индустриального общества вступать в многочисленные и сложные связи с другими людьми являются социальные организации. Это могут быть компании и корпорации в сфере экономики, ставящие своей целью производство и распределение товаров и услуг в крупных масштабах; это могут быть бюрократические организации, главной задачей которых является административное управление на местном уровне и в национальном масштабе. В индустриальном обществе в образование вовлекается фактически все общество, поэтому для выполнения образовательных функций создаются школы, университеты и другие учебные заведения.

Политика, как мы сказали выше, становится в индустриальном обществе массовой сферой социальной жизни. Поэтому политика для своего включения в жизнь общества также требует создания политических организаций, среди которых одной из главных является политическая партия. Выше мы вкратце дали определение партии через важнейшие функции политического участия масс, формирования их политического сознания и политической рекрутации, которые партии выполняют в обществе. Теперь мы хотим дать определение политической партии как организации современного общества посредством анализа ее в этом, организационном, аспекте.

Определение политической партии как организации в современном обществе требует: 1) достаточно длительной временной протяженности ее существования, то есть организации, ожидаемая продолжительность социально-политической жизни которой должна превысить продолжительность жизни ее современных лидеров; 2) существование выраженной и явной перманентной организации на местном уровне с регулярными коммуникациями и другими отношениями между местными и национальными органами партии; 3) осознанное стремление лидеров партии как на местном, так и на национальном уровнях к взятию и удержанию власти самостоятельно или в коалиции с другими партиями, а не только ограничиваться оказанием влияния на осуществление власти другими политическими силами; 4) постоянное внимание организации к своим последователям в избирательных кампаниях и иных формах поддержки партии со стороны электората [77, р. 6].

Требование достаточной временной длительности и преемственности существования политической партии как социальной организации и института представляется нам весьма существенным для определения партии, на что указывает его первый пункт. При этом важно, чтобы длительность существования партии превышала продолжительность жизни ее основателей и лидеров. Иначе говоря, партия как политическая организация должна доказать свою жизнеспособность, которая является одним из важнейших доказательств соответствия этой организации своему определению политической партии. Сегодня во всем мире возникает множество организаций, претендующих на звание политической партии. Нередко эти организации получают регистрацию от официальных органов в своих странах как политические партии, поскольку за ними стоят олигархи и иные влиятельные лица, стремящиеся расширить с помощью партии свое политическое влияние. Если обстоятельства у этих людей в дальнейшем меняются, то меняется и судьба создаваемой ими партии, которая нередко перестает существовать.

Существование местных и иных низовых организаций, о котором говорится во втором пункте определения партии, является явным подтверждением партии как массовой политической организации. Как пишет Морис Дюверже, «партия – это не просто общность, но совокупность общностей, множество рассеянных по стране малых объединений (секций, комитетов, местных ассоциаций и т.д.), связанных координационными институтами» [43, с. 59]. Партия не может существовать только на высшем, национальном, уровне, и не быть представленной на местном уровне. Партия не может быть узкой закрытой организацией аристократии типа кокуса, как это было в Европе в прежние времена. Кокусы существовали в парламентах, которые не были органами представительной власти, как это имеет место в современном обществе. Партия в современном обществе должна охватывать всю территорию страны и в этом смысле быть национальной по своему масштабу организацией. При этом между высшим, национальным, и местным, низовыми уровнями партии должна осуществляться регулярная коммуникация, то есть партия должна быть живым функционирующим политическим организмом.

Партии создаются с целью прихода к власти в стране. В этом состоит значение третьего пункта определения партии как политической организации, которое мы дали выше. В современном обществе основным способом прихода к власти в стране в целом и на местном уровне являются выборы. Основной формой организации, которая допускается к выборам на национальном и местном уровнях, в соответствии с электоральным законодательством всех современных государств являются политические партии. Политика, отмечает Н. Янай, как специализированная сфера социального соревнования всегда будет нуждаться в политических партиях, дабы легитимно продуцировать соревнующиеся команды [78].

Большинство современных государств имеет форму правления в виде республики, в которой высшая политическая власть принадлежит парламенту

как законодательной ветви власти и правительству как исполнительной ветви власти. Приход к власти в современном государстве означает получение большинства депутатских мест в парламенте и министерских постов (включая пост премьер-министра) в правительстве. В этом случае партия может осуществить программу, с которой она вышла на выборы.

Чтобы партия победила на выборах, ее должно поддержать большинство избирателей. Следовательно, партия должна быть хорошо известна своим избирателям и постоянно поддерживать с ними связь. В этом состоит четвертый важнейший пункт определения партии как политической организации. Без такой работы партия не может претендовать на победу на выборах как на национальном, так и на местном уровнях. Как отмечает Морис Дюверже, «силу или слабость партии можно определить по количеству ее избирателей» [43, с. 142].

Мы рассматриваем данное определение политической партии как аналитически и методологически полезный инструмент для исследования партий и партийной системы в независимом Казахстане. Прежде всего мы будем обращаться к данному определению для того, чтобы выявить, насколько действующие в политической системе Казахстана организации соответствуют понятию политической партии. Кроме того, данное определение партии поможет лучше понять связь между политической и партийной системами Казахстана.

В данном разделе мы рассматриваем партии как показатель развития политической системы общества в условиях его модернизации. Мировой опыт политического развития, однако, показывает, что в разных регионах и странах политические партии имеют разные функции и различный уровень влияния на социально-политическую жизнь в обществе. Если в одних политических системах партии играют решающую роль в формировании органов власти на национальном и местном уровнях, то в других странах партии не играют сколько-нибудь заметной роли в этих вопросах, которые имеют важнейшее значение для политической системы.

В анализе партий как показателе политического развития важную роль сыграла книга «Политические партии и политическое развитие» под редакцией Джозефа ЛаПаломбары и Мирона Вайнера [79]. Книга была издана в 1966 г. и в нее вошли статьи ведущих политологов того времени, проанализировавших историческое развитие политических партий с середины девятнадцатого века до периода выхода книги в свет. Ценность книги состоит и в том, что в ней проанализировано развитие политических партий и партийных систем в различных регионах мира, кроме существовавших в то время социалистических стран. Хотя книга вышла почти 60 лет назад, однако целый ряд ее разделов вошли в классику исследования политических партий и партийных систем. В нашей диссертации эта книга является одним из важных источников исследования политических партий и партийной системы независимого Казахстана в условиях модернизации.

Если в стране существует более или менее развитая система власти в виде представительного правления, когда политические институты выступают в качестве представителей интересов различных социальных групп в национальном или местном масштабе, то роль партий в таком виде правления является совершенно незаменимой. На это указывает российский исследователь политических партий Кирилл Холодковский: «Партии – наиболее универсальная из политических форм общественной организации, специально приспособленная для политической деятельности в условиях представительной демократии и пока представительная демократия существует, без партий она невозможна. Именно партии расставляют на политическом поле те вешки, которые помогают ориентироваться избирателям. Они регулируют и структурируют электоральный процесс в деятельности представительных органов» [80].

Другие организации наподобие независимых избирательных комитетов или американских «комитетов политического действия» могут принимать важное участие в выборах, но только партии могут сформулировать общий политический выбор или предложить политическую альтернативу, обеспечить упорядоченный переход власти [81]. Группы интересов и новые социальные движения не без успеха осуществляют влияние на власть, но по определению не могут, в отличие от партий, претендовать на легитимное представительство большинства и тем самым – на превращение в правящую силу. В отличие от партий они не интегрируют, а расщепляют, фрагментируют общество, утверждает российский политолог Светлана Пшизова [82]. Мало серьезных доводов, указывает американский исследователь проблем демократии в современных условиях Дэвид Хелд, для предположения, что функциональное представительство действительно заменило партии и парламенты [83].

Партии внутреннего и внешнего происхождения

Анализ деятельности партий в политической системе показывает, что в нем большое значение имеет понимание генезиса и развития партий на ранних этапах модернизации общества. Задаваясь вопросом о том, что в 1850 г. в мире практически не было политических партий, а через сто лет в 1950 г. они присутствуют в большинстве цивилизованных стран мира, Морис Дюверже подчеркивает, что данный вопрос представляет не один только исторический интерес: все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства. Невозможно, к примеру, понять структурное отличие, разделяющее британскую лейбористскую и французскую социалистическую партии, не зная обстоятельств их рождения. Нельзя серьезно анализировать французскую или нидерландскую многопартийную и американскую двухпартийную системы, не обращаясь к происхождению партий в каждой из этих стран – именно здесь мы найдем объяснение тому факту, что в одних странах они множились, а в другой сокращались [43, с. 21-22].

В политической науке выделяют три типа теорий, которые раскрывают истоки партий, раскрывая разные формы партий и партийных систем и их

роли в политической системе разных стран и регионов современного мира. Три типа теорий зарождения политических партий включают в себя:

1) институциональные теории, раскрывающие взаимосвязь между ранними формами парламентов и возникновением партий;

2) исторически-ситуационные теории, исследующие взаимосвязь между историческими кризисами или связанными с ними задачами, с которыми сталкиваются политические системы в моменты, когда зарождаются политические партии;

3) теории развития, связывающие партии с более широкими задачами модернизации общества [77, р. 7].

Институциональные теории политических партий указывают на их парламентское и электоральное происхождение. По мнению Мориса Дюверже, в целом развитие партий оказывается связанным с развитием демократии, то есть с расширением народного волеизъявления и прав парламентов. Чем больше возрастают функции и независимость политических ассамблей, тем настоятельнее их члены ощущают потребность в объединении по признаку родства, чтобы слаженно действовать. Чем более расширяется право голоса и множится число голосующих, тем более необходимым становится организовывать избирателей с помощью комитетов, способных познакомить с кандидатами от политических партий и привлечь голоса в их пользу. Так, возникновение партий связано с возникновением парламентских объединений и избирательных комитетов. В то же время история некоторых из них не укладывается в общую схему: генезис их совершается вне электорального и парламентского цикла, общее лицо таких партий наиболее определенно формируют именно внешние по отношению к парламентам факторы [73, с. 22].

Придавая важнейшее значение способу происхождения партий, Дюверже разделяет их на два типа: партии внутреннего происхождения и партии внешнего происхождения [43, с. 21-38]. Партии внутреннего происхождения Дюверже называет также «партиями парламентского и электорального происхождения». Это более ранний тип партий, которые возникли в парламентах западных стран в более ранний период. Эти партии возникли из так называемых кокусов, объединявших в своих рядах знатных представителей аристократии и элитных кругов по общности политических интересов.

Политическая модернизация в западных странах вела к расширению участия масс в политической жизни общества, к росту народного волеизъявления и количества голосующих. Следствием этого стал рост числа избирательных комитетов во всех западных странах. Это оказало непосредственное влияние на трансформацию парламентов, которые во все большей мере стали зависеть от массового избирателя, следовательно, от избирательных комитетов. В этой политической ситуации парламентские кокусы и другие объединения стали превращаться в политические партии, все более зависящие от воли избирателей и избирательных комитетов, от которых

зависело возобновление парламентского мандата депутата от партии и самой партии в целом.

Как отмечает Дюверже, достаточно было постоянной координации и регулярных связей двух этих однажды возникших материнских клеток – парламентских объединений и избирательных комитетов, чтобы появилась настоящая партия. В ранний период существования парламентов отношения внутри кокусов носили преимущественно личный, нерегулярный характер. По мере превращения кокусов в политические партии эти отношения стали приобретать все более регулярный, опосредованный правилами и нормами, то есть институциональный характер. «И тогда достаточно превращения связей из личных в институциональные, чтобы акт рождения партии был официально признан; но эта юридическая констатация положения дел куда менее значительна, чем постепенный практический процесс их развития» [43, с. 28].

Понимание происхождения политических партий, их разделения на партии внутреннего и внешнего происхождения имеет не только историческое значение. Это понимание сохраняет свою актуальность, поскольку многие из партий, возникших в девятнадцатом-начале двадцатого веков, функционируют и сегодня, определяя повестку дня в своих странах. К числу партий внутреннего происхождения относятся обе ведущие партии США – Демократическая и Республиканская, в Великобритании – Консервативная и Либеральная партии, ведущие политические партии в Канаде, консервативные партии в скандинавских странах.

Говоря об условиях зарождения политических партий и партийной системы в США, один из крупных американских историков Ричард Хофстедтер указывает, что отцы-основатели США унаследовали политическую философию, отрицавшую пользу партий и подчеркивавшую связанные с ними опасности. Тем не менее отцы-основатели глубоко верили в необходимость контроля за властью, поэтому несмотря на свои теории, они развивали в Америке партийную систему [84]. Предубеждение Джона Адамса, Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона и других отцов-основателей США против политических партий состояло в том, что партии виделись им опасным средством разделения общества по политическим и иным интересам, что могло привести к расколу и дезинтеграции государства, за независимость и процветание которого они выступали. Однако потребности демократического развития этого государства, угроза деспотизма требовали от них формирования политических партий как института развития демократии и противостояния деспотизму.

Важно при этом отметить, что разграничение партий «внешнего происхождения» и партий, возникших на основе электоральных и парламентских структур, не является абсолютным и жестким. Как отмечает Дюверже, это разделение скорее характеризует общие тенденции, нежели резко очерченные типы. Но тем не менее нередко бывает, что весь строй партии сложился в основном посредством действия ранее существовавших

институтов, собственная деятельность которых протекала за пределами парламентов и выборов [43, с. 29].

Партии внутреннего происхождения исторически появились на политической арене западных стран раньше партий внешнего происхождения. Этому способствовало то, что партии внутреннего происхождения возникли в лоне парламентов, используя их структуру. Превращению парламентских групп традиционных элит в политическую партию способствовало соединение этих групп с избирательными комитетами.

Электоральный и парламентский путь создания партий, указывает Морис Дюверже, характерен для определенной фазы эволюции демократии, а именно стадии постепенного становления всеобщего избирательного права, прогрессирующего вовлечения масс новых избирателей. Но как только эта первая фаза закончилась и партии вполне конституировались, возникновение новых партий наталкивается на барьер уже существующих [43, с. 37].

Если массы ощущают необходимость создания новых партий, отвечающих их интересам, а места в парламенте заняты уже существующими партиями, то эти новые партии строятся внешним, непарламентским путем. В этом случае политическую партию могут породить различные организации, действующие вне парламента и выборов. Очень часто такой организацией оказываются профсоюзы, которые создали социалистические партии во многих европейских странах: Франции, Германии, Италии, Голландии, Бельгии, Великобритании (Лейбористская партия), а затем и в других регионах мира. Наряду с профсоюзами определенную роль в создании партий сыграли сельскохозяйственные кооперативы. Эти производственные объединения сыграли свою роль в создании аграрных партий в Европе, Канаде, Австралии, скандинавских странах. Необходимо также указать на большое влияние церквей и религиозных сект на массы. Католические организации, а то и само духовенство, непосредственно причастны к созданию правых христианских партий, возникших до 1914 г., а также к появлению современных демократических партий.

Появившиеся после партий, родившихся в лоне парламентов и выборов, партии внешнего происхождения привнесли в политическую жизнь западных и незападных обществ большое число и разнообразие новых типов и видов партий. Появление этих партий связано, как было сказано, с расширением избирательного права, но кроме того с зарождением различных идеологий, как секулярных, так и религиозных, с выходом на политическую арену националистических и антиколониальных движений [77, р. 10].

Партии внешнего происхождения отличаются от партий парламентского и электорального происхождения многими чертами и признаками. К числу важных отличительных признаков партий внешнего происхождения относят их более высокий, в сравнении с партиями внутреннего происхождения, уровень централизации. У партий внешнего происхождения комитеты и местные секции учреждаются по инициативе центра, который возник раньше и потому волен ограничивать свободу их действия. Наоборот, у партий

внутреннего происхождения уже возникшие местные организации создают центральный орган, чтобы координировать свою деятельность и поэтому ограничивают его полномочия, с тем чтобы сохранить себе максимум автономии [43, с. 34].

Раскрывая закономерность более централизованного характера партий внешнего происхождения, Морис Дюверже связывает ее напрямую с уровнем децентрализации внешнего фактора, создающего партию. Так, лейбористские партии менее централизованы, чем коммунистические партии. В то же время партии, созданные на основе капиталистических объединений, менее централизованы, чем лейбористские партии. Но при любых обстоятельствах правилом остается общее соответствие внешнего происхождения и централизованного характера партий [43, с. 34].

Среди признаков различия партий двух типов можно отметить большую сплоченность и дисциплинированность партий внешнего происхождения в сравнении с партиями внутреннего происхождения. Если первые располагают уже существующей организацией, которая естественно связывает все их исходные клеточки, то вторым нужно еще установить эту связь всех частей, имея в качестве отправного пункта лишь нескольких депутатов, пребывающих в лоне одного и того же парламента [43, с. 34-35].

Большую роль в жизни политических партий играет их отношение к парламентским группам. Парламентское и электоральное происхождение партий способствует глубокому воздействию их парламентских групп, потому что депутаты играют здесь первую скрипку, учреждают ли они коллективно центральный орган или фигурируют индивидуально в каком-либо руководящем комитете... И, напротив, в партиях внешнего происхождения, конституировавшихся без участия депутатов, их роль обычно бывает меньшей. Здесь всегда обнаруживаются более или менее выраженное недоверие к парламентской группе и более или менее явное стремление подчинить ее власти независимого от нее руководящего партийного органа [85].

Для Дюверже одним из главных объяснений различного отношения к парламентским группами и к парламенту вообще внутри партий является их генезис. Положение депутатов в партии служит частным проявлением общего соотношения электоральной и парламентской активности с другими формами ее деятельности. Партии, созданные вне парламента, гораздо более индифферентно относятся к нему, чем те, кто возник в нем. Для партий внутреннего происхождения завоевание мест в политических ассамблеях выступает основой жизни партии, оправданием ее существования и высшей целью бытия. Для партий внешнего происхождения парламентская и электоральная борьба хотя и остается весьма значимой, но она всего лишь один из элементов общей деятельности, одно из средств, которое наряду с другими используется для достижения политических целей [43, с. 35].

Эти утверждения Дюверже справедливы для всех стран, которые прошли через различные этапы политического развития, начиная с XIX в. Во

Франции, например, для партии радикалов, одной из старейших французских партий, возникшей в ходе парламентской и электоральной эволюции, основной заботой неизменно выступает завоевание максимума парламентских мест. Для Международной рабочей партии (МРП), существовавшей во Франции в 1930-40 гг., главным в деятельности было продвижение в политическую жизнь определенных духовных и моральных ценностей, поэтому она придавала воспитательной деятельности такое же значение, как и политическим битвам. МРП была ярким примером политических партий внешнего происхождения. Для коммунистической партии как общего для Дюверже названия различных политических организаций Франции довоенного и послевоенного периода, стоящих на позициях коммунистической идеологии, характерно еще меньшее уважение к парламенту и парламентской деятельности, чем у других партий, в том числе и партий внешнего происхождения. Коммунистические партии (не только во Франции) рассматривали избирательные баталии как второстепенный элемент общей стратегии, нацеленной на полный захват власти и ее тоталитарное отправление [43, с. 36].

Рассмотренная здесь институциональная теория происхождения политических партий акцентирует внимание на роли парламентов и избирательных систем в появлении политических партий и их дальнейшем функционировании в политической системе западных стран и в других регионах мира. Наряду с партиями парламентского и электорального происхождения большое развитие получили так называемые партии внешнего происхождения, в появлении и функционировании которых большую роль сыграли профсоюзы, кооперативы, образовательные и иные организации. Теория институционального происхождения партий продолжает оставаться полезным инструментом изучения политических партий в современном мире.

Теория социальных расколов и возникновение политических партий

Теория социальных расколов и политических партий С. Липсета и С. Роккана, связывает появление политических партий в западных странах с социальными противоречиями модернизации конца XIX-начала XX вв., которые они определили как социальные расколы [86]. Свою теорию социальных расколов и возникновения политических партий Липсет и Роккан основывают на теории социального действия Талкотта Парсонса [87]. Теория социального действия Парсонса задает универсальную социологическую парадигму функционирования человеческого общества, понимаемого как система ролей и функций акторов в социальных системах. В самом общем виде каждое обществу, по теории Парсонса, включает в себя четыре функциональные системы и взаимосвязи между ними, число которых составляет шесть. Четырьмя важнейшими функциями человеческого общества являются: адаптивная, интегративная, целеполагающая и латентная. Функция адаптации направлена на приспособление системы к своему окружению. Целеполагающая функция направлена на достижение целей и использование ресурсов системы на их достижение. Интегративная функция направлена на

поддержание единства и целостности системы. Функция латентности имеет своей целью сохранение внутреннего порядка системы.

Четырем важнейшим функциям человеческого общества соответствуют социальные системы и структуры, которые реализуют эти функции. Так, адаптивной функции соответствует экономическая система; целеполагающей функции соответствует политическая система; функция интеграции связана с публичной сферой общества, его сообществами и ассоциациями; латентная функция связана с домохозяйствами и системой образования.

Важнейшие функции человеческого общества и соответствующие им социальные системы и структуры взаимодействуют между собой посредством определенных типов социальных связей. Так, экономическая система вместе с соответствующей ей адаптивной функцией взаимодействует с политической системой, реализующей функцию целеполагания, посредством мобилизации ресурсов в обществе. Политическая система взаимодействует с интегративной системой посредством политической поддержки. Экономическая система взаимодействует с домохозяйствами и образовательной системой посредством потребительского рынка и рынка труда. Домохозяйства и образовательная система, реализующие латентную функцию, взаимодействуют с публичной сферой общества, реализующей интегративную функцию, посредством лояльности, солидарности и обязательств. Экономическая система связана с интегративной системой посредством различных стандартов распределения, аллокации. Наконец, латентная функция/система взаимодействует с политической системой на основе легитимации.

В своей теории социальных расколов и возникновения политических партий Липсет и Роккан опираются не на все шесть видов взаимодействий между социальными системами общества, а только на те из них, которые способствуют появлению и выдвижению на первый план политических партий. В этом плане авторы теории социальных расколов и политических партий рассматривают связи между политической и интегративной системами. Кроме того, авторы теории социальных расколов и политических партий рассматривают взаимообмены между интегративной и латентной системами, помогающими установить различные связи между идентификацией, членством и готовностью к мобилизации между партиями и категориями подданных и домохозяйств. Среди многочисленных отношений между латентной и политической системами, в рассматриваемой теории интерес представляет только один вид этих отношений, связанный с выборами во властные органы и формальным представительством [45, р. 6-8].

Развивая теорию социальных расколов и возникновения политических партий на основе теории социального действия Парсонса, С. Липсет и С. Роккан выделяют две пары дуальных оппозиций, которые определяют территориальное измерение национальной структуры расколов и функциональное измерение структуры расколов в стране. В территориальном измерении дуальная оппозиция представлена локально-региональными оппозициями, с одной стороны, и оппозициями внутри национальной элиты, с

противоположной стороны. В функциональном измерении дуальная оппозиция состоит из оппозиций специфических интересов, с одной стороны, и идеологических оппозиций, с противоположной стороны [45, р. 9-10].

По мере продвижения по функциональной оси структуры расколов более сложными и диффузными становятся критерии связи партий и их электората, в том числе более интенсивной становится идентификация избирателей со своей группой и более бескомпромиссным отрицание чужой группы. На другом конце функциональной оси, который Липсет и Роккан определили как место идеологических оппозиций, в которые вступают жестко связанные между своими членами религиозные или идеологические группы, мы находим характерные для таких оппозиций отношения «друг-враг» противостоящих партий. Предметом конфликтов здесь являются не какие-то специфические потери и приобретения материального или предметного характера, но отношения, связанные с моральным правом и интерпретации истории и человеческой судьбы. Членство в этих социальных группах и их партиях не может быть вопросом свободного выбора индивида сразу в нескольких организациях, но только лишь жесткой его привязки к своей группе и партии. Соответственно, коммуникации групп и партий не могут происходить свободно вдоль линий их раскола с соперничающей группой и партией, но строго ограничиваются и регулируются каждой из социальных групп и их партий с целью защиты от проникновения чужих идей и намеков на компромисс [45, р. 11].

Анализ возникновения политических партий и партийных систем в теории Липсета и Роккана предполагает широкий процесс модернизации на Западе, который порождает внутри себя две большие революции – индустриальную и национальную. Эти две революции, по мнению Липсета и Роккана, порождают четыре вида социальных расколов, по две пары расколов, относящихся к каждой из революций. Пара социальных расколов, относящихся в теории Липсета и Роккана к национальной революции, состоит из раскола между доминирующей и подчиненной культурами, а также раскола между церковью и государством. Пара социальных расколов, относящихся к индустриальной революции, включает в себя раскол между первичной и вторичной экономиками, а также раскол между рабочими и хозяевами индустриальных предприятий [45, р. 14].

Порожденная модернизацией на Западе национальная революция перекроила политическую карту мира начиная с XIX века, создав национальные государства сначала в США и Европе, а затем распространив эту модель социально-политического устройства общества на другие регионы мира. Национальное государство представляет собой единство трех своих основных измерений – территории, населения и юрисдикции [54, р. 3-84]. Территория национального государства исторически складывается как земля, на которой в течение длительного времени из поколения в поколение проживает население, объединенное единой культурой, языком, религией, обычаями, исторической памятью и т.д. Такое население называется этносом,

народом, но в процессе модернизации, перехода от традиционного общества к индустриальному обществу этнос трансформируется в нацию. Для формирования национального государства необходима юрисдикция посредством элит и государственного аппарата, в результате чего нация и территория сливаются в единое целое.

Одной из главных трудностей в построении национального государства является то, что соответствие территории и нации существует далеко не везде. Очень часто на территории государства живут и другие народы, которые имеют свои претензии на эту территорию или ее часть. Между этими народами возникают конфликты из-за территории и сопротивления местных элит централизующей политике государственного аппарата и связанных с ним элит. На этой основе возникают противоречия и социальные расколы национального государства, имеющие главным образом культурно-языковой характер. Политика национального государства направлена на то, чтобы гомогенизировать культуру и язык на всей территории государства. Речь идет о том, чтобы культура и язык крупнейшего, или ядерного, этноса стали общей культурой и языком для всего полиэтнического и поликультурного общества. Этот процесс также называется стандартизацией культуры и языка.

В результате стандартизации культура и язык ядерного этноса становятся общими для всех проживающих в государстве этнических групп, то есть приобретают центральное значение для общества. В таком случае культура и язык этнических меньшинств становятся средствами общения и взаимодействия только этих групп, которые вместе с тем стремятся стать культурой и языком всего государства. Поэтому доминирующую в национальном государстве культуру и язык ядерного этноса называют центром, а культуры и языки национальных меньшинств периферией не в географическом, а социологическом смысле слова. Возникающий в таких условиях социальный раскол между доминирующей и подчиненной культурами в социологической литературе также называется расколом между центром и периферией.

1.3 Эволюция политических партий Казахстана сквозь призму теории социальных расколов

Модернизационное структурирование общества в начале XX века в Российской империи и ее колониях, включая Казахстан, привело к созданию организаций, которые оказывали заметное влияние на политические процессы того времени. Следует отметить, что в Казахстане среди появившихся организаций особо выделялись две политические партии. В 1917 году часть националистически настроенной интеллигенции либерально-демократического движения «Алаш-Орда» трансформируется в первую политическую национальную партию «Алаш». Параллельно, левое революционно-демократическое крыло национальной интеллигенции образовали Киргизскую социалистическую партию «Уш жуз».

Первый опыт партийного строительства в Казахстане оказался недолгим. В октябре 1918 года в Казахстане произошли коренные изменения, связанные с приходом к власти большевиков, в результате чего в казахских землях стала складываться однопартийная коммунистическая система с присущими ей жестким идеологическим контролем и отсутствием какого-либо политического плюрализма. Поэтому сегодня, выстраивая многопартийную политическую систему в Казахстане, важно учитывать опыт развития плюрализма, первые ростки которого появились еще в первые два десятилетия двадцатого века.

Необходимо отметить, что исторически, то есть до Февральской революции 1917 г. в России, а затем в советский период, в Казахстане практически отсутствовала традиция идеологического и политического плюрализма. Идеологический и партийный плюрализм существовали в Казахстане в течение краткого периода после Февральской революции 1917 г., когда на политической арене действовали партии «Алаш», «Уш жуз», идеологические платформы которых значительно различались между собой, но они тем не менее могли свободно действовать в политической системе и конкурировать друг с другом.

Изучая эволюцию политических партий и партийной системы в Казахстане, многие эксперты относят ее начало к обретению независимости страной и переходу от коммунистической системы к открытому обществу с более плюралистичной политической системой. При этом считается, что в советской системе и в более ранний период начала двадцатого века в стране не было условий для появления политических партий. Мы, однако, считаем, что зарождение политических партий в Казахстане можно отнести к началу двадцатого века и связывать появление первой партии в Казахстане с партией-движением «Алаш», проводшей свой первый съезд в июле 1917 г., но действовавшей в политическом пространстве царской России гораздо раньше, со времени выхода на арену первых представителей казахской интеллигенции, среди которой возник отряд представителей с ярко выраженной национальной идентичностью.

Поэтому анализ генезиса политических партий в Казахстане, который мы собираемся провести в данном подразделе, мы хотели бы связать с партией «Алаш» сквозь призму теории социальных расколов Сеймура Липсета и Стейна Роккана. В дальнейшем коммунистический режим разрушил социальные расколы и связанную с ними социальную инфраструктуру, способствующие появлению политических партий [88-90].

Этот аргумент носит исторический характер, обосновывая слабость политических партий в России и Казахстане историческими причинами. Однако речь идет о таких факторах исторического характера, которые наложили сильнейший отпечаток на социально-политическое развитие Казахстана в течение всего периода его независимости.

Рассматривая генезис политических партий в Казахстане с позиций теории социальных расколов, мы должны в первую очередь обратиться к

историческому анализу модернизационных процессов в обществе, способствовавших зарождению политических партий, либо же, наоборот, препятствовавших появлению партий в Казахстане. Исторически модернизацию в Казахстане можно разделить на три больших периода, значительно разделявшихся между собой в социальном, политическом, культурном и иных отношениях.

Исторически первым периодом модернизации в Казахстане является время вхождения казахского народа в состав Российской империи. Казахи приняли подданство Российской империи еще в XVIII в., однако, начало колонизации казахских земель относится к 1820 гг. Проходившая в рамках колониальных отношений казахов и русской администрации модернизация в Казахстане имела вследствие этого колониальный характер и поэтому данную модернизацию можно назвать колониальной модернизацией. Ее начало можно отнести к середине XIX в., а конец к установлению советской власти в Казахстане, поэтому ее продолжительность можно оценить приблизительно в 60-70 лет. Политические события, происходившие в Российской империи в конце XIX-начале XX вв., способствовали появлению политических партий в разных частях империи, в том числе в Казахстане.

Второй период модернизации относится к советской эпохе, когда Казахстан был включен коммунистическим режимом в 1920 г. в состав СССР. В литературе ведутся дискуссии о том, можно ли рассматривать социалистические преобразования в СССР как модернизацию, поскольку модернизацию принято рассматривать как зародившийся на Западе переход от традиционного аграрного общества к индустриальному обществу в контексте капиталистической системы. Не отрицая этого, некоторые авторы считают, что преобразования в СССР и странах социализма можно соотносить с модернизацией, имея в виду, что эти преобразования были направлены на формирование индустриального общества, хотя в этом обществе не было частной собственности и других связанных с модернизацией элементов либерального общества. Несмотря на это авторы предлагают рассматривать преобразования в СССР и его союзниках как особый вид модернизации, называемый социалистической модернизацией. В СССР была однопартийная система, и никакие другие политические партии, кроме коммунистической партии, не допускались. Возникшие в Казахстане до революции партии были ликвидированы коммунистическим режимом.

Третий период модернизации Казахстана начинается с 1991 г., когда в результате распада СССР и коммунистической системы страна обретает свою независимость. Как независимое государство Казахстан осуществляет у себя модернизацию на основе принятой в современном мире модели, связанной с формированием рыночной экономики и демократической политической системы. В условиях независимости в Казахстане появляются предпосылки для политической модернизации на основе многопартийной системы. Наш анализ политических партий и партийной системы Казахстана включает в себя их анализ не только за период тридцати с лишним лет независимости страны,

но также с позиции исторических периодов модернизации в Казахстане, о которых мы здесь упомянули.

По нашему мнению, из четырех видов социальных расколов по теории Липсета и Роккана для Казахстана наиболее релевантным является раскол «центр-периферия» в его национальной форме. Этот раскол вполне отчетливо стал проявляться еще в колониальный период вхождения Казахстана в состав Российской империи со второй половины XIX в. Начиная с этого периода все европейские империи, включая Россию, отмечает Бенедикт Андерсон, начинают трансформироваться, превращаясь из чисто династического владения своими территориями и проживающими в них народами, в национальные государства [91]. Это не является удивительным, поскольку с середины XIX в. происходящая в Европе национальная революция универсализирует модель национального государства, делает ее примером, объектом для подражания и внедрения ее в своих владениях и для империй.

Политика модернизации – это политика развития. В силу исторических особенностей социально-политического развития Казахстана ответственность за политику развития после обретения независимости вынуждено было брать на себя государство. Именно оно осуществляло государственные инвестиции и оказывало поддержку тем или иным отраслям и социальным группам. Иначе говоря, главным субъектом, главной движущей силой модернизации с момента обретения независимости стало государство.

Ведущая роль государства в политической и социально-экономической модернизации Казахстана проявляется в том, что государство ставит перед обществом цели модернизации и предлагает способы их достижения. Формирование казахстанского общества в направлении рыночной экономики и либерально-демократических форм управления является новой социально-исторической задачей.

Распад Советского Союза внес много изменений в государственное строительство в нашей республике. «Точка отсчета качественно нового этапа формационного развития Казахстана с позиций исторической хронологии ведет свое начало с двух основополагающих законодательных актов страны – «Декларации о суверенитете» и учреждении института президентского правления. Если первый закон реализует неотъемлемое право народа на самоопределение, то второй – персонифицирует ответственность за все те программы, успех или неудача осуществления которых будет определять степень самостоятельности национального государства» [52].

Политическая модернизация в Казахстане протекает в рамках президентской формы правления, которая доказала свою социально-политическую эффективность в течение тридцати с лишним лет суверенитета страны [92]. Институт президентства в современном мире многофункциональный и значимый инструмент политической модернизации. Среди новых сформированных государственных институтов ему принадлежит особая роль. Процесс развития президентского правления параллельно сопровождается построением демократического государства, естественно это

отражается во всех сферах жизни общества, в том числе модернизационных изменениях.

По ряду объективных причин институт президентства широко распространился в странах бывшего Советского Союза. Появление института президентства в Казахстане связано с созданием устойчивой и сильной власти, которая сумела стабилизировать внутривластные процессы в республике. Реальное наполнение президентской власти определяется не только политической конъюнктурой, но традициями и историей, экономическими достижениями, национальным духом и менталитетом, статусом государства в международном сообществе.

Модификация президентской власти, сформировавшейся в Казахстане, имеет ряд общих черт с политическими системами Центральной и Восточной Европы (Польша, Словакия, Румыния, Сербия, Черногория, Болгария) [93]. Президентское правление в постсоветских государствах имеет достаточно много общих черт, которые являются результатом советского прошлого и современными социально-политическими условиями.

По мнению одного из отечественных исследователей Е. Сейлеханова к числу полностью или частично объединяющих признаков президентской власти можно отнести следующие:

1. Президент избирается населением по двухтуровой системе абсолютного большинства.
2. Существует самостоятельный пост Главы правительства.
3. Президент осуществляет часть полномочий исполнительной власти, назначает или предлагает к утверждению руководителей Национального банка и прокуратуры, судейский корпус.
4. Президент имеет право досрочного роспуска Парламента, но его условия строго оговорены.
5. Ограничена кратность замещения поста Главы государства одним и тем же лицом [94].

Процесс политического транзита обязательно затрагивает содержательные характеристики политической системы. Страна может иметь любую форму правления – президентскую, парламентскую или смешанную, гораздо важнее обеспечить при этом демократическое наполнение этой формы правления. При этом нам представляется важным проследить становление и эволюцию форм правления. Трансформация формы правления в Казахстане позволит более системно изучить государство как субъект политической модернизации.

Процесс политического транзита обязательно затрагивает содержательные характеристики политической системы. Страна может иметь любую форму правления – президентскую, парламентскую или смешанную, гораздо важнее обеспечить при этом демократическое наполнение этой формы правления. При этом нам представляется важным проследить становление и эволюцию форм правления. Трансформация формы правления в Казахстане

позволить более системно изучить государство как субъект политической модернизации.

Изменения, произошедшие в рамках политических реформ в Казахстане с республиканской формой правления способствовали эволюции от квазипарламентской республики в сторону президентской. Процесс трансформации республиканской формы правления в Казахстане носил комплексный характер и осуществлялся в следующих направлениях: дифференциация государственной и партийной властей, эволюция Верховного Совета и становление Парламента, развитие института Президента и изменения в системе исполнительной власти [15, с. 155].

При этом необходимо обратить внимание на сохранение президентской формы правления на новом этапе модернизации политической системы страны. Безусловно, принципиально важным является возможность трансформации Казахстана в президентско-парламентскую модель республики. По мнению Л. Кармазиной, «В Республике Казахстан крупнейшим модернизационным фактором стала реформа Конституции в мае 2007 г., которая плавно перевела страну на рельсы президентско-парламентского правления, запустив стабильный, рассчитанный на перспективу механизм открытого управления государством, главная ставка в котором сделана на создание устойчиво работающих государственных и общественных институтов [13, с. 98].

Развитие политической системы и политических партий в Казахстане имеет свои особенности, специфику. Известный казахстанский политолог А.Х. Бижанов, к примеру, отмечает, что «именно в особенностях кочевого образа жизни, сложной и разветвленной внутриэтнической структуре, которая, в свою очередь, взаимосвязана сложной системой общественных отношений, можно найти глубинные корни ситуации, когда вплоть до конца 19-начала 20 века в казахском обществе не получили своего развития классические политические партии как выразители интересов социальных слоев и групп населения [8, с. 11].

Это означает, что политические партии как политические институты аккумулируя в себе общественные стремления, направляют процесс реализации неудовлетворенные интересы социальных групп в виде приверженности к выбранной политической партии. «Поэтому процесс институционализации многопартийности в Казахстане и России во многом схож с периодом возникновения партий в Европе и России конца XIX – начала XX вв., когда формирование партийных структур было связано с кризисом экономической и политической систем, ослаблением государственного диктата, становлением более свободного политического режима, идеологическими спорами о выборе путей развития национальных государств» [95].

Темпы развития партийной системы Казахстана во многом схожи с российскими показателями. Опыт партийного строительства в транзитных обществах свидетельствует о том, что скорость формирования партийного

поля в Казахстане гораздо выше, чем в западной Европе. При этом важно отметить, что несмотря на прогрессивные изменения, в процессе институционализации политических партий Казахстана были периоды стагнации, упадка и деградации. «При этом алгоритм существования партий находится в прямой зависимости от действия экономических и политических факторов, а также «сегментарных противоречий» религиозного, идеологического, регионального, социального, культурного и иного характера» [96].

Процесс партийного строительства встраивается в общую логику развития партийных систем в транзитных обществах. Партийная система пока остается неустойчивой и фрагментированной. «Неустойчивой она является потому, что доля избирателей, меняющих свои предпочтения в промежутках между выборами, остается большой, а фрагментированной – потому, что состоит из значительного числа элементов, т.е. партий [97].

Государство выступает как главный актер в формировании многопартийной системы Казахстана, важный субъект политической модернизации. Важно учитывать мировой опыт реформ в странах с доминирующей партией. Этот опыт демонстрирует, что модернизация «партии власти» изнутри обязательно вызывает дополнительные очаги напряженности и может привести к утрате монополии на власть и более того, к системной дестабилизации. «Еще большая опасность подстерегает реформаторов, когда с политической арены уходит харизматический лидер, на политическом авторитете которого, собственно, и был основан этот громоздкий механизм» [98].

В настоящее время Казахстан сталкивается с поиском возможного сочетания традиций отечественной государственности и потребностей политической демократии. Асимметричность институциональных и социокультурных, политических и экономических изменений характеризуются тем, что эти процессы не совпадают во времени и являются содержательно разнонаправленными, создавая предпосылки для возможных социальных кризисов.

Политическая модернизация Казахстана в течение всех лет реформирования страны серьезным образом изменила ключевые характеристики политической системы, в том числе механизмы и принципы функционирования государства.

Тщательный анализ, а также оценка пути становления государственности, укрепления суверенитета и независимости Республики Казахстан поднимают многие вопросы современной политической модернизации. С момента обретения государственной независимости можно отметить успехи и достижения, риски и недочеты, практические результаты, которые характеризуют современный Казахстан, как состоявшееся, устойчивое и эффективное государство.

Относительно короткий исторический период становления и развития Казахстана в политическом измерении выглядит весьма продуктивно. Все

годы государственного строительства Казахстана показали точность найденного направления пути развития и доказали работоспособность политических, государственных институтов. Основным отражением общих усилий и единства руководства страны, общества, политических, общественных объединений, элиты является – государственность и суверенитет.

Институциональные преобразования, которые сопровождались радикальным разгосударствлением экономики привели к социальному расслоению, малочисленности среднего класса, формированию неэффективных моделей адаптации, потере социальных ориентиров и дезинтеграции людей.

Как отмечает казахстанский исследователь С. Булекбаев: «Специфика переходного периода для Казахстана в том, что в республике была плановая экономика со сверхцентрализованным государственным управлением, слом которого неизбежно породил своеобразный вакуум, потерю управления хозяйством в масштабах всей экономики. ...Еще одним аргументом в пользу усиления роли государства в это сложное время является то, что без сильной государственной власти невозможно проводить какие бы то ни было экономические и политические реформы» [99].

Вместе с тем перед Казахстаном по-прежнему стоят модернизационные задачи. Обеспечить их решение может только государство. Приоритетность, стремление соответствовать к «постмодерным» тенденциям глобального развития разрушали единство культурных и цивилизационных компонентов национальной идентичности в гражданской, политической, социально-экономической плоскостях. От того, как и когда будет восстановлено это единство, во многом зависят перспективы казахстанской государственности и устойчивого развития страны. Отношение к государству в большей степени склоняется к патерналистскому, и является основным критерием идейно-политической идентификации граждан [100].

2 СТАНОВЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

2.1 Партийные системы в современном мире: концепции и методы исследования

Системный анализ понятия партийной системы

Важнейшим условием исследования современных политических партий является анализ их взаимодействия с другими партиями, действующими в обществе. В большинстве современных государств существует не одна, а несколько политических партий, вступающих между собой в различные отношения по поводу политической власти, а именно ее достижения и того или иного влияния на власть.

Совокупность партий в государстве, взятых в единстве их взаимоотношений по поводу политической власти, составляют партийную систему общества. Существует различные определения партийной системы, среди которых мы остановимся на определении Мориса Дюверже: «Формы и способы сосуществования политических партий в стране определяют ее партийную систему» [43, с. 263]. Конкретизацией этого определения можно считать формулировку, которую дал Стивен Волинетц: «Политические партии, конкурирующие между собой за выборные органы и контроль власти, формируют партийную систему» [101].

Это определение партийной системы Волинетц дал в своей работе «Партийные системы и типы партийных систем», опубликованной в справочнике по партийной политике (Handbook of Party Politics) под редакцией Ричарда Катца и Вильяма Кротти в 2006 г. [102]. Этот справочник является авторитетным изданием, в котором собраны статьи по различным аспектам партийной политики, написанные известными специалистами по партийной проблематике. В данном подразделе диссертации мы будем обращаться к различным разделам указанного справочника.

Как было сказано ранее в нашей диссертации, возникновение партий стало следствием расширения участия масс в политической жизни общества в ходе его модернизации как широкого и комплексного социального процесса перехода от традиционного общества к современному индустриальному обществу. Возрастание в ходе политической модернизации роли парламента и местных органов власти и расширение всеобщего избирательного права вызвали к жизни политические партии.

Возрастание роли парламента и расширение всеобщего избирательного права можно рассматривать как политические факторы происхождения политических партий в процессе модернизации общества. Более глубокие и широкие социально-мировоззренческие предпосылки возникновения партий можно увидеть в усложнении социальной структуры общества, появлении в нем различных групп, классов и слоев со своим видением общества и условиями жизни в нем, новыми идентичностями и восприятиями себя и других. Изменения в сознании новых социальных групп нашло свое

выражение в политических, экономических и иных социальных интересах, которые приходили в противоречие с интересами других социальных групп. В сознании социальных групп в новых условиях росло понимание, что реализовать свои жизненно важные интересы можно только лишь при достижении политической власти.

Результатом качественно новых модернизационных трансформаций в обществе в политической сфере стало появление партий. Возникновение политических партий стало отражением изменившейся структуры общества в индустриальную эпоху, появления в нем новых классов, слоев со своими интересами. Партии взяли на себя функцию представительства интересов различных групп общества в политической сфере, имеющей решающее значение для реализации интересов референтных групп. Многообразие политических партий, составляющих партийную систему общества, в определенной мере отражает многообразие представляемых ими социальных групп и их интересов.

Как отмечает Волинетц, партийные системы являются ключевым фактором в изучении политических партий, предполагающем сравнительный анализ партийных систем и партий в различных государствах. Причины такого утверждения нетрудно понять: число конкурирующих в выборах партий отражает широту и глубину политического выбора, которую имеет избиратель при голосовании. Количество партий, выигравших депутатские места в законодательном органе, влияет на возможности формирования правительства в парламентских системах и возможности получения поддержки общества исполнительной властью в президентских системах [101, p. 51].

В политической науке исследования партийных систем составляют значительную часть литературы по тематике политических партий. Среди множества вопросов в данной сфере исходными являются те, что направлены на определение того, что представляет собой партийная система, потому что в мире появляется больше разновидностей партий и партийных систем. Поэтому увеличение видов и форм политических партий и партийных систем приводит ученых к необходимости их изучения в сравнительном плане, выделяя общее и различия в разных странах и регионах мира. Большое значение в изучении партий и партийных систем имеет их сравнение в количественном и качественном разрезе. В связи с этим важную роль играет разработка методов анализа и измерения качественных и количественных характеристик партий и партийных систем.

В современном мире политические партии могут существовать и достигать своих целей только через взаимодействие с другими партиями в рамках партийной системы. Это означает, что партийная система является той необходимой средой, в которой существуют и взаимодействуют политические партии. Многообразие партийных систем отражает многообразие и неоднородность современного индустриального общества. Аналогичным образом необходимой средой для существования и функционирования

современного государства является система международных отношений, предполагающая существование не одного, а множества национальных государств, то есть сообщество государств.

Современное государство трудно представить себе без партий в качестве важнейших элементов его политической системы. Однако в прошлом, до середины XIX в., политические системы государств обходились без партий в их сегодняшнем понимании. То есть политическая система существовала в прошлом без партий и в принципе может существовать без партий и сегодня. В наше время, конечно, трудно привести пример государства без партий, поскольку все современные государства, в том числе диктатуры, стремятся представить себя как демократию с политическими партиями как непременным демократическим атрибутом.

XX век дал богатую историю диктатур с однопартийным режимом. В этой связи в политической науке длительное время ведутся дискуссии по вопросам природы политического режима с одной партией и можно ли однопартийную систему рассматривать в одном ряду с двухпартийной и многопартийной системами в демократиях. По этому поводу Морис Дюверже отметил: «Однопартийность принято рассматривать как большую политическую инновацию XX века. На самом деле диктатура стара, как мир; нова лишь диктаторская система, опирающаяся на единственную партию, – такая, какую мы видели в Германии и Италии, или та, что сегодня функционирует в СССР и странах народной демократии» [43, с. 318]. Дюверже написал эти слова в своей книге «Политические партии», ставшей классикой политической науки, еще в 1960 гг., когда существовали СССР и страны социалистического лагеря с их однопартийными режимами.

Рассматривая партийные системы в системном аспекте, Зигмунд Нойман однозначно указывает, что однопартийная система является противоречием в определении и не может рассматриваться как партийная система [103]. Как видим, Нойман принадлежит к тому широкому направлению исследователей партийной политики, для которых партии и партийные системы могут существовать только как части политического целого, состоящего из множества партий. В предыдущем разделе нашей диссертации мы рассмотрели феномен однопартийной системы в теоретическом плане сквозь призму диалектики части и целого, применяя для этого анализа такие понятия как «партия-государство» и «амальгама партии и государства».

Раскрывая содержание понятия «партийная система» сквозь призму системного подхода, один из крупнейших исследователей партий и партийных систем Джованни Сартори, отмечает, что партии образуют «систему» только когда они являются частями (во множественном числе); партийная система является прежде всего системой взаимодействий, возникающих в результате конкуренции партий. Это означает, что партийная система основывается на взаимосвязи и взаимоотношении партий друг к другу, на том, что каждая партия является функцией (в математическом смысле) и реагирует, в рамках конкуренции или как-то иначе, на другие партии [44, р. 44].

Системный подход доказал свою эффективность в исследовании партий и партийных систем, поэтому мы будем опираться на него в нашей диссертации, направленной на изучение партийной системы Казахстана. Ввиду того, что партийные системы тесно связаны с демократическим правлением и формированием власти, политологи стараются не только описать их, но и выявить их причины и следствия, прежде всего, их истоки в избирательных законах и социальных противоречиях, а также их влияние на власть и социальную стабильность и, в более широком смысле, на качество демократии [101, p. 51].

Как известно, системный подход основан на связях и отношениях между элементами, составляющими систему. Изучение главных свойств партийных систем предполагает реляционный подход, предполагающий анализ борьбы партий за завоевание большинства в выборных органах и взаимодействие в электоральном процессе и между выборами как в формировании, так и в поддержке власти и законодательного процесса. Партии конкурируют друг с другом на выборах, борясь за свою долю голосов избирателей, стараясь как укрепить поддержку своего электората, так и отнять у конкурентов часть их электората. Применяемые партией стратегия и тактика основаны на изучении того, что делали другие партии на предыдущих выборах и прогнозах их будущих действий. Возможности партии кооперироваться с другими партиями будут зависеть не только от размера и относительной силы партии, но и от взаимной дистанции партий относительно решения важнейших для общества и партий проблем, а также от того, как партии продемонстрировали себя во время выборов. Вместе с тем партии могут обнаружить для себя, что их прежние решения, например, участие в коалициях или отказ от них, поддержка каких-то политических курсов власти или оппозиции, может оказать влияние на их перспективы в электоральном процессе [101, p. 51-52].

Наряду с выявлением общих свойств партийных систем на основе системного анализа исследователи выделяют и существенные их различия. Выявлению различий партийных систем способствует как системный анализ, так и сравнительный компаративистский подход, позволяющий сопоставлять партийные системы различных стран, находя в них как общие свойства, так и различия. Различия партийных систем вытекают, в частности, из различий в электоральной конкуренции и взаимоотношений партий в ходе выборов и связанными с ними политическими действиями.

К числу важнейших различий партийных систем эксперты относят количество партий, участвующих в выборах и выигрывающих депутатские места в выборных органах, размер (численность) и силу партий; число проблем, вокруг которых между партиями разворачивается борьба на выборах; дистанция, разделяющая партии вокруг решения важнейших для общества и партий проблем; готовность партий сотрудничать при формировании правительства и управления обществом. Партийные системы могут отличаться друг от друга по отдельным из этих аспектов или же по всем из них вместе [101, p. 52].

Различие партийных систем по разнообразным из перечисленных выше и иных аспектов дает возможность исследователям строить классификации партийных систем, группируя их на основе указанных аспектов по самым разным типам. Наиболее распространенная классификация партийных систем основывается на количественных характеристиках политических партий, завоевывающих депутатские места в парламенте и иных выборных органах, а также некоторых реляционных свойствах партий, таких как их размер (численность) и сила, готовность партий сотрудничать друг с другом по тем или иным социально и политически значимым вопросам.

Наиболее очевидное различие обнаруживается между двухпартийной и многопартийной системами. Количественная классификация партийных систем предполагает ответ на важнейший для политической науки вопрос: какие партии следует включать в классификацию партийных систем, а какие, наоборот, исключать из нее. На это обращает внимание Джованни Сартори, который одним из первых среди политологов предложил и разработал свою типологию партийных систем, основанную на количественном (числа партий в партийной системе) подходе [44, р. 3-56].

Если рассмотреть политическую историю с момента, когда партии стали играть в ней ведущую роль, то на основе количественного подхода можно выделить три основных типа партийных систем – однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы. «Противоположность однопартийности, – пишет Дюверже, – англосаксонской двухпартийности и многопартийности – классическая; на это различие наслаиваются и с ним взаимодействуют многие другие: система независимых партий – или входящих в союзы; доминирующие в данной системе – и уравнивающие ее; больших и малых, стабильных и нестабильных, эволюционирующих влево (синистризм) и отличающихся стабильностью» [43, с. 263].

В настоящее время однопартийные системы встречаются достаточно редко, но относительно недавно, начиная с 1920-х до 1980-х гг., эти системы были в значительной мере распространены в мире. Как отмечает Пол Льюис, в период между 1962 и 1968 годами в мире существовало 33 государства с однопартийной системой, большинство из которых были коммунистическими странами. Хотя большинство западных исследователей партий и партийных систем рассматривают однопартийную систему как нонсенс, противоречие в определении, тем не менее Льюис считает, что в определенных странах и регионах мира при определенных исторических обстоятельствах появление однопартийной системы было закономерно, отвечая на определенные политические требования и запросы общества [104].

Как было сказано выше, однопартийные системы функционировали в диктаторских режимах тоталитарных государств Германии, Италии, СССР и государств так называемой социалистической ориентации. С распадом коммунистической системы однопартийные политические режимы стали в сегодняшнем мире большой редкостью. Глобальный обзор политических режимов, проведенный международной организацией Фридом Хаус в 2000

году, показал, что после окончания холодной войны в мире продолжало существовать восемь государств с однопартийной системой, из которых пять являются сохранившимися в той или иной форме до сегодняшнего дня коммунистическими режимами: Вьетнам, Китай, Куба, Лаос и Северная Корея [105].

Хотя диктатуры не исчезли, но они предпочитают представлять себя как демократию, одним из очевидных проявлений которой являются многопартийные системы. Мы в диссертации рассматриваем однопартийные системы, поскольку политические системы Казахстана, России и других постсоветских государств исторически вышли из советской однопартийной системы. Поэтому обращение к этому типу партийной системы является так или иначе неизбежным.

Двухпартийность и многопартийность в политическом анализе

В политической науке достаточно давно утвердилось положение, что «отождествление тоталитарного режима и однопартийности, демократии и плюрализма верно» [43, с. 266]. Поскольку противостояние тоталитаризма и демократии имело фундаментальное значение для политической практики и теории, то, соответственно, исследование противопоставления однопартийной и многопартийной систем имело для политологов главное значение, тогда как различие двухпартийной и многопартийной систем представлялось сугубо внутренним для демократии и выглядело как менее значимое. «По отношению к антитезе однопартийности и многопартийности, – отмечает Дюверже, – противоположность двухпартийности и многопартийности выглядит очевидно менее значительной, и понятно, почему на нее довольно долго не обращали достаточного внимания, так что она оказалась менее изученной. А между тем ее фундаментальный характер неоспорим» [43, с. 266]. В нашем анализе партийных систем мы уделим главное внимание двухпартийным и многопартийным системам.

На формирование партийной системы оказывают влияние различные факторы, одни из которых носят специфический для данной страны характер, а другие имеют общий, универсальный характер. Специфические факторы имеют национально-исторический характер, их действие привело, например, к тому, что в США и Великобритании сложилась двухпартийная система, а в странах континентальной Европы многопартийная (три и более партий) система. Важнейшим среди общих факторов является принятая в государстве электоральная система. Взаимосвязь избирательной системы и партийной системы настолько тесная, что подчас их трудно разделить даже политологам с целью анализа.

Анализ долговременной политической практики и исследований партий на выборах позволил выявить общую взаимосвязь способа голосования и системы партий, которую можно выразить в трех следующих формулах: 1) режим пропорционального представительства ведет к многопартийной системе с жесткими, независимыми и стабильными партиями; 2) мажоритарное голосование в два тура ведет к многопартийной системе,

партии которой характеризуются «мягкой» структурой, склонностью к альянсам и относительной стабильностью; 3) мажоритарное голосование в один тур ведет к дуалистической системе с чередованием у власти больших независимых партий [43, с. 265].

Исторически первой формой партийной системы в демократическом обществе была двухпартийная система в Соединенных Штатах Америки и Великобритании. Не случайно поэтому двухпартийную систему определяют также как англосаксонскую, хотя двухпартийные системы существовали не только в англосаксонском мире, но и в других регионах планеты. Однако нигде в мире двухпартийная система не обладает такой устойчивостью и связью с демократией, как в США и Великобритании.

В философско-мировоззренческом смысле Дюверже считает вполне закономерным существование двухпартийной системы. С его точки зрения, «двухпартийность, очевидно, представляет собой явление естественное. Мы хотим этим сказать, что политические решения, как правило, предстают в дуалистической форме. И далеко не всегда дело в дуализме партий, но почти всегда – в дуализме тенденций. Любая политика внутренне содержит выбор между двумя типами решений... Представление о естественности политического дуализма можно найти во многих социологических концепциях» [43, с. 276].

В США исторически первая форма двухпартийности существовала в виде противостояния партий федералистов и анти-федералистов, возникших еще в конце XVIII века. Федералисты после неудачи конфедеративного устройства молодого государства в начальный период после Декларации независимости выступали за сильный и эффективный центр исполнительной власти. Анти-федералисты, известные также как партия республиканских демократов, наоборот, выступали за права штатов, боясь превращения сильного центра в диктатуру. После распада партии федералистов и некоторого периода неопределенности в 1820-х гг. двухпартийность вновь возродилась в виде противоположности партии демократов во главе с Эндрю Джексоном и партии национал-республиканцев, или виггов. Современная двухпартийная система США в виде противостояния двух главных партий – демократов и республиканцев – приобрела свой вид после окончания гражданской войны в 1860-х гг.

Двухпартийная система приобрела устойчивый характер в США на протяжении практически всей истории независимости страны. В США есть и другие партии помимо демократов и республиканцев, но именно две главные партии играют решающую роль в политической системе страны на федеральном уровне и в штатах. Эксперты выделяют ряд причин устойчивости двухпартийной системы в США. Помимо указанной выше философско-мировоззренческой основы политического и партийного дуализма, эксперты выделяют следующие причины двухпартийной системы в США:

- 1) исторические основания двухпартийной системы;

2) самовоспроизводство главных политических партий и, следовательно, двухпартийной системы;

3) сложившаяся гражданская политическая культура американского общества;

4) мажоритарная избирательная система на основе принципа «победитель забирает все» (the winner-take-all);

5) федеральные законы и законы штатов, ориентированные на двухпартийную систему [106].

Эволюция двухпартийной системы в Великобритании имеет заметное отличие от развития двухпартийности в США. В британской политической истории формирование парламента относится еще к периоду средневековья и в дальнейшем он сохранился как орган противостояния аристократии власти короля. Благодаря устойчивости политических традиций палата лордов в британском парламенте сохранилась до сегодняшнего дня, не имея, однако, никакой власти. В свое время именно в палате лордов сложились партии тори и вигов, как выразители интересов аристократических группировок и формировавшегося буржуазного общества. С внедрением всеобщего избирательного права на основе протопартий тори и вигов сложились партии внутреннего происхождения консерваторов и либералов, конкуренция которых за парламент привела к первой британской двухпартийной системе в ее современном понимании. Это была исторически первая форма двухпартийной системы в Великобритании и ее доминионах – Австралии, Канаде, Новой Зеландии и других.

В начале XX века в мире начался рост социалистических партий, которые были партиями внешнего происхождения. В Великобритании и ее доминионах партией социалистического типа стала лейбористская партия, тесно связанная с профсоюзами и наемным трудом. В связи с этим встал вопрос, трансформируется ли консервативно-либеральная двухпартийная система в трехпартийную систему? Однако, после непродолжительного существования трехпартийной системы Великобритания снова вернулась к двухпартийной системе за счет того, что Лейбористская партия выместила Либеральную партию с ее места. Новая двухпартийная система приобрела консервативно-лейбористскую форму. Однако в британских доминионах Австралии и Канады двухпартийная система более не восстановилась. Она превратилась в Австралии в трехпартийную систему, а в Канаде даже в четырехпартийную.

В своей книге «Британская система власти» Энтони Берч выделяет четыре основные характеристики британской партийной системы.

Во-первых, в ней на протяжении более 150 лет доминируют две главные партии, тогда как меньшие партии играют незначительную роль. Это связано в определенной мере с тем, что, с одной стороны, социальные расколы британского общества, кроме горизонтального классового раскола, не имеют большого значения в стране. С другой стороны, институциональный дизайн

избирательной системы Великобритании благоприятствует крупным партиям и дискриминирует меньшие партии [107].

Во-вторых, крупные партии имеют массовое членство с отделениями по всей стране, собирая со своих членов ежемесячные или годовые взносы. В течение нескольких десятилетий Консервативная партия имеет в своих рядах более миллиона членов, тогда как Лейбористская партия имеет почти 250 тысяч индивидуальных членов, но к ним следует прибавить почти пять миллионов аффилированных членов, которые платят партийные взносы в виде профсоюзных взносов. Многие члены (включая почти всех аффилированных членов Лейбористской партии) ничего не делают для партии, кроме уплаты взносов; немалое число других членов партии участвуют в социальных мероприятиях, а также в акциях по росту бюджета партии; только меньшинство членов могут быть отнесены к партийному активу, участвуя в деятельности партийной организации и выборных кампаниях [107, р. 59].

В-третьих, несмотря на массовое членство партии в Великобритании отличаются высокой степенью централизации. В США реальное управление партиями осуществляется на уровне штатов и местном уровне, тогда как на национальном уровне партии представляют собой рыхлый альянс, сформированный только для избирательной кампании. В противоположность этому в Великобритании местные отделения партий имеют мало полномочий, кроме выдвижения кандидатов. Лидеры партий в Лондоне подбадривают местные отделения участвовать в партийных дискуссиях, чтобы они присылали свои предложения и решения на ежегодные конференции, но на деле их влияние на партийную политику на национальном уровне очень слабое [90, р. 59-60].

В-четвертых, как крупные партии, так и более мелкие партии отличаются высокой активностью в политических дискуссиях, публикуя для них многочисленные предложения и памфлеты. В этом можно так же увидеть отличие британских партий от американских, которые практически ничего не публикуют, не выражают в письменном виде свои предложения и пожелания политическому сообществу [107, р. 60].

В своей классической книге «Политические партии», написанной в 1950-1960 гг., Морис Дюверже писал, что на смену консервативно-либеральной двухпартийной системе и последовавшей за ней консервативно-социалистической системе в Европе может прийти двухпартийность коммунистической партии и партии западного типа. Хотя этот тип двухпартийности еще нигде не реализован (еще раз напомним, что речь идет о 1950-1960-х гг.), но уже вполне определенно вырисовывается в некоторых странах – например, в Италии. Принятие мажоритарного голосования в один тур, бесспорно, ускорило бы его реализацию, но результат был бы катастрофическим, потому что мог бы привести к установлению в стране диктатуры если не советского, то какого-то иного типа [43, с. 275]. Такую угрозу эволюции двухпартийной системы в Европе наблюдали и отмечали многие эксперты. Распад коммунистической системы в конце 1980-х гг. имел

одним из своих следствий ослабление коммунистических партий в западном мире и их дальнейшую маргинализацию. Поэтому угроза возникновения третьего типа двухпартийности на основе коммунистической партии и партии западного типа не нашла своей реализации.

Выше мы указали на то, что важнейшим фактором формирования типа партийной системы в государстве является утвердившийся в обществе способ голосования. В частности, было указано, что мажоритарная система выборов в один тур формирует двухпартийную систему с чередованием у власти двух главных партий. Эта взаимосвязь мажоритарного голосования в один тур и двухпартийной системы была охарактеризована политологами как «железный закон», сформулированный Морисом Дюверже. Он описывает действие этого «закона» следующим образом: «Механизм действия дуализма предельно прост. Возьмем британский округ, где консерваторы имеют 35000 голосов, лейбористы – 40000 и либералы – 15000. Ясно, что успех лейбористов целиком зиждется на присутствии партии либералов: если та снимает своего кандидата, можно полагать, что большая часть предназначавшихся ему голосов переходит к консерваторам, а меньшая достается лейбористам, плюс воздержавшиеся. Далее возможны два варианта: 1) либералы заключают соглашение с консерваторами об отзыве своего кандидата (в счет возможных компенсаций в других округах): тогда дуализм восстанавливается путем слияния или союза, весьма близкого к слиянию; 2) либеральная партия упорно ведет борьбу в одиночку: в этом случае избиратели постепенно от нее уходят и дуализм восстанавливается путем ее вытеснения» [43, с. 285].

Либеральная партия существует в Великобритании и сегодня, причем установившаяся в стране более ста лет мажоритарная система голосования в один тур вынуждает ее часто обращаться к варианту заключения соглашения с консерваторами, с которыми они действительно оказываются близкими к слиянию в отдельных округах. К подобной тактике либералам приходится прибегать практически на каждом выборах. Так, на парламентских выборах 2010 г. две главные консерваторов и лейбористов набрали достаточно близкое число голосов. Тогда консерваторы предложили либералам вступить с ними в коалицию, в которой либералам отводилась роль младшего партнера. Либеральная партия дала согласие на коалицию, и это предопределило победу консерваторов на выборах. Двухпартийная система Великобритании приводит к победе на всеобщих выборах либо консерваторов, либо лейбористов, давая вместе с большинством в парламенте право на формирование кабинета и всей исполнительной власти.

Вытеснение Либеральной партии как второй вариант возврата к двухпартийности превратило ее в малую партию, которая в виду особенностей мажоритарного голосования в один тур, отдающего предпочтение двум главным партиям, приводит к тому, что либералы получают непропорционально меньше мест в парламенте, чем доля поданных за них голосов. Заниженное представительство третьей партии в двухпартийной системе ведет к психологическому фактору оттока электората партии, когда

избиратели понимают, что их голоса будут потеряны и потому лучше их отдать более близкой партии, чем совсем нежелательной. Так возникает эффект поляризации, в результате которого третьи партии остаются на позициях малых партий, неспособных вмешаться в борьбу двух главных партий в борьбе за власть. Поэтому «мажоритарная система в один тур способна сохранять установившуюся двухпартийность, оберегая ее от расколов старых партий и зарождения новых» [43, с. 287].

Двухпартийная система, как известно, зародилась и укрепилась в англосаксонском мире, прежде всего в США и Великобритании. Эти две страны являются ведущими демократиями в современном мире, причем ведущее положение в демократическом развитии во многом связано с существующими в них двухпартийными системами. В странах континентальной Европы, также добившихся большого развития в социально-политической сфере, утвердилась многопартийная система, в которой имеется три и более партий, оказывающих влияние на формирование государственной власти и реализацию политического курса. Многопартийность влияет на функционирование и институционализацию политических систем стран континентальной Европы в отличие от англосаксонских стран, несмотря на их общую демократическую основу.

Философско-мировоззренческими основаниями демократии, как было указано выше, является дуализм тенденций в решении политических вопросов и это находит свое отражение в двухпартийной системе. В этом смысле двухпартийность является естественным институциональным механизмом демократии, которая исторически породила многопартийность. На этой позиции, в частности, стоит Морис Дюверже. История в самом деле говорит о том, что ряд многопартийных систем в западной Европе первоначально имели двухпартийную форму. К числу таких стран можно отнести Голландию, Данию, Францию, Швейцарию и другие. В 1920 г. раскол коммунистов (революционеров) и социалистов (реформистов) почти повсюду в Европе увеличил количество партий [43, с. 291].

Один из главных способов трансформации двухпартийности в многопартийность Дюверже определяет как дробление партий. В любой партии есть свои «твердолобые» и «умеренные», соглашатели и непримиримые, и т.д. По существу, к социологическому различию радикального и консервативного складов можно было бы добавить второе, противопологающее экстремистский склад и умеренный склад, взаимно дополняющие друг друга: так, есть консерваторы-экстремисты и умеренные консерваторы, радикалы-экстремисты и радикалы-умеренные. Пока различия экстремистов и умеренных ограничиваются существованием соперничающих группировок внутри партий, естественный дуализм сохраняется. Но если эти группировки ожесточились и не приемлют больше сосуществования, двухпартийность обречена на поражение и уступает место многопартийности. Именно таким образом раскол радикалов и либералов сломал в Швейцарии зародившуюся в 1848 г. двухпартийность (консервативно-либеральную) и

создал трехпартийность, которую социалисты превратили в 4-партийную систему [43, с. 290-291].

Многопартийность в континентальной Европе связана с появлением в ней в результате дробления центристских партий, чего нет в классических двухпартийных системах США и Великобритании. Центристские партии представляют себя как носителей идеологии центризма, хотя по мнению Дюверже, не бывает взглядов центра, течений центра, доктрин центра, по сути своей отличных от идеологии правых или левых партий – все это лишь ослабленное, смягченное, умеренное их проявление. Во Франции старая либеральная партия (расположенная в дуалистической системе слева) раскололась на либералов и радикалов. В результате Радикальная партия стала первой партией центра во Франции [43, с. 291].

Более важную роль, чем дробление двухпартийных систем в истории многопартийных систем сыграло напластование дуалистических делений в общественном сознании европейских обществ и основанных на них партиях. Это связано с несовпадением различных видов дуалистических оппозиций, взаимное перекрещивание которых приводит к многопартийности. Во Франции, например, старое деление на клерикалов и лаицистов не совпадает с делением на западников и ориенталистов или с делением на либералов и дирижистов. Поэтому французскую многопартийность можно рассматривать как результат недостаточного взаимодействия между двумя основными массивами общественного мнения [43, с. 292].

Это позволяет понять пределы естественной двухпартийности в демократических обществах. Всякое противоречие ведет к соперничеству двух симметрично противоположных позиций, но так как различные пары противоположностей обладают значительной независимостью, принятие какой-то точки зрения в одной области оставляет относительную свободу выбора в другой. Многопартийность порождается относительной взаимной независимостью противоположностей. Она неизбежно предполагает, что различные секторы политической деятельности независимы и отделены друг от друга [43, с. 292-293].

Концепция напластования в образовании многопартийных систем имела большое значение в исследовании партий и партийных систем. Дюверже выдвинул эту концепцию в своей книге «Политические партии» в 1950-е годы. Позднее эта концепция получила свое развитие и систематизацию в книге «Партийные системы и избирательные предпочтения. Межстрановые перспективы» под редакцией Сеймура Липсета и Стейна Роккана в 1967 г. Во введении «Структура расколов, партийные системы и избирательные предпочтения» к этой книге Липсет и Роккан выдвинули концепцию социально-политических расколов как решающих факторов образования многопартийной системы в Европе и на Западе в целом [45, р. 4-156].

Расколы (cleavages) представляют собой социальные конфликты, возникшие в европейских обществах в процессе их модернизации, перехода от аграрного традиционного общества к индустриальному современному

обществу. Среди огромного множества социальных конфликтов Липсет и Роккан выделили четыре крупных раскола: 1) между городом и деревней; 2) между церковью и государством; 3) между центром и периферией; 4) между трудом и капиталом. Эти расколы имели ключевое значение для образования идейно-политических течений в европейских странах, на основе которых в них возникли политические партии и партийные системы [45, p. 26-47].

Как широкая объясняющая схема возникновения партий и партийных систем на основе модернизационных конфликтов концепция Липсета и Роккана имеет не только историческое значение, но и сохраняет высокий уровень актуальности. Эта концепция широко используется современными политологами для объяснения партийных систем стран и регионов, недавно обретших независимость и вставших на путь политической модернизации. В 1960-1970 гг. концепция Липсета и Роккана использовалась политологами для исследования партийных систем стран в регионах деколонизации. Начиная с 1990-х гг., эта концепция применяется для изучения партийных систем посткоммунистических стран, в том числе стран Центральной Азии и других постсоветских государств.

Раскрывая двухпартийную систему, мы указали на мажоритарное голосование в один тур как важнейший институциональный фактор ее формирования. «Железный закон», связывающий двухпартийную систему и мажоритарное голосование в один тур, устанавливает взаимно однозначное соответствие между ними. Из этого следует, что для утверждения в обществе многопартийной системы требуется иной способ голосования, поскольку мажоритарное голосование в один тур с неизбежностью порождает двухпартийную систему. Избирательными системами, порождающими многопартийную систему, было мажоритарное голосование в два тура, а в настоящее время система пропорционального представительства.

Отмечая ценность вклада Мориса Дюверже в исследование партийных систем, Мэтью Шугарт и Джон Кэри указывают, что именно Дюверже поднял значение изучения влияния избирательных правил на партийные системы на уровень важнейшей проблемы политологии [43, с. 201]. Во многом это связано с анализом причин формирования двухпартийных и многопартийных систем под воздействием различных факторов, среди которых решающее значение Дюверже отводит электоральной системе. Среди ученых, выделяющих заслуги Дюверже перед политической наукой, можно выделить Вильяма Рикера, который считает, что благодаря Дюверже политическая наука все больше развивается в направлении точных наук, как математика и физика, законы которых отличаются высоким уровнем объективности [108].

В первую очередь это утверждение Рикера относится к закону (иногда также называют «железный закон») о связи электоральной системы и количестве партий в партийной системе. Закон Дюверже, как известно, провозглашает, что в избирательной системе с мажоритарным голосованием в один тур ведет к дуалистической, то есть двухпартийной, системе с чередованием у власти больших независимых партий. Эта закономерность

подтверждается исторической практикой парламентских выборов не только в западных странах, но и в других регионах мира. Поэтому политологи во всем мире возводят эту закономерность в ранг закона политической науки, касающейся важнейших элементов политической системы, а именно выборов и политических партий.

Что касается утверждения Дюверже о взаимосвязи пропорциональной избирательной системы и многопартийной системы, состоящей из трех и более партий, то оно не имеет такого строго соответствия, как в случае мажоритарной системы и двухпартийной системы. В данном случае можно скорее говорить о гипотезе как форме взаимосвязи пропорциональной электоральной системы и многопартийной системы. Справедливости ради следует отметить, что сам Морис Дюверже неоднократно подчеркивал, что никогда не утверждал, что пропорциональная система голосования жестко, непременно порождает многопартийную систему. Но Дюверже утверждал о мультиплицирующем эффекте пропорциональной системы, проявляющемся в появлении маленьких партий под влиянием этой системы голосования.

В целом Дюверже не придавал большого значения электоральным правилам в формировании партийной системы в той или иной стране. Он считал, что национальные и социальные факторы имеют гораздо большее значение для партийной системы, чем электоральное законодательство. По его мнению, электоральные правила действуют обычно как акселераторы (ускорители) или тормоза [109]. Используя это сравнение, можно сказать, что пропорциональная система голосования на выборах действует как акселератор численности политических партий, тогда как мажоритарная система действует как тормоз для увеличения числа партий, ограничивая их число только двумя.

Дюверже, несомненно, прав в том, что национальные и социальные условия функционирования политических партий в той или иной стране оказывают большое влияние на количество партий, участвующих в политической жизни общества, не говоря уже об участии в формировании правительства и органов власти. Выше мы рассмотрели исторические особенности формирования двухпартийной системы в Великобритании и США, заметно отличающиеся друг от друга несмотря на действующую в обеих странах систему мажоритарного голосования в один тур. Действительно можно увидеть, что помимо электоральной системы в формировании двухпартийной системы в обеих странах сыграли присущие обеим странам национальные и социальные особенности.

Если говорить о социальных предпосылках двухпартийной системы в США и Великобритании, то они связаны с существующими в этих обществах социальными расколами. Выше мы отметили, что в Великобритании для формирования двухпартийной системы решающую роль сыграл классовый раскол, что привело к утверждению двух главных партий – Консервативной и Лейбористской. Консервативная партия может быть отнесена к партиям буржуазного типа, отражающего интересы крупной и мелкой буржуазии, предпринимательских классов. Лейбористская партия может быть отнесена к

партиям социалистического типа, тесно связанной с профсоюзами и организациями людей наемного труда [46, р. 189-209].

В Соединенных Штатах классовый раскол не играет сколько-нибудь значительной роли. Хотя в США люди наемного труда составляют большую, можно сказать значительную часть населения, тем не менее, социалистические и коммунистические идеи никогда не пользовались популярностью в сознании всего общества. Тем не менее здесь, как и в Великобритании, сложилась двухпартийная система с двумя главными партиями – Республиканской и Демократической. Приверженцев Республиканской партии в американском обществе определяют как консерваторов, а саму партию часто называют консервативной партией. Соответственно, приверженцев Демократической партии также называют либералами, а партию – либеральной. Социальные расколы американского общества достаточно многочисленны, однако они дихотомизируются между главными партиями, входя в избирательные платформы каждой из партий в таком виде, что они находят поддерживающих партии избирателей на вполне консолидированной основе. В результате у каждой из главных партий складывается свой электорат, но при этом в американском обществе имеется так называемое болото, состоящее из тех, кто не определился с принадлежностью и симпатиями к той или иной партии, и голосует ситуационно на каждых выборах.

Система мажоритарного голосования в два тура сегодня может быть рассмотрена как исторический факт, поскольку в настоящее время она нигде в мире не применяется. Эта избирательная система имела достаточно широкое распространение в странах западной Европы в конце XIX-начале XX вв., однако в дальнейшем от нее отказались. Сегодня во всех европейских странах, включая посткоммунистические страны применяется пропорциональная система по партийным спискам, либо смешанная пропорционально-мажоритарная система голосования.

Несмотря на сказанное, не следует преуменьшать значение системы мажоритарного голосования в два тура в формировании многопартийности в континентальной Европе. Механизм умножения числа партий в этой системе достаточно прост: при этой системе различие близких партий не мешает их совместному представительству, потому что во втором туре они всегда могут перегруппироваться. Характерные для мажоритарного голосования в один тур феномены поляризации и заниженного представительства не играют при мажоритарном голосовании в два тура большой роли или играют ее лишь во втором туре; каждая партия полностью сохраняет свои шансы в первом туре. Можно заключить, что все страны со вторым туром одинаково относятся к многопартийным [43, с. 301].

Система пропорционального представительства на выборах в парламент и другие выборные органы первоначально возникла в континентальной Европе, но сегодня распространилась на все регионы мира. В ряде стран мира применяется смешанная пропорционально-мажоритарная система выборов, когда часть (как правило, половина или больше) депутатских мест в выборные

органы избирается по партийным спискам, а часть (половина или меньше) депутатов избирается по одномандатным округам. В соответствии с поправками в Конституцию РК, принятыми в июне 2022 г., 70 процентов депутатских мест в Мажилис Парламента РК избирается по партийным спискам, а 30 процентов по одномандатным округам.

Многопартийность, порождаемая пропорциональным голосованием, ставит барьер на пути к двухпартийности. Ничто не побуждает родственным партиям здесь к слиянию, ибо их самостоятельное выступление на выборах не наносит им никакого урона. Ничто не мешает внутрипартийным расколам, так как общее представительство двух отдельных фракций не будет механически сокращено вследствие особенностей голосования. Единственное ограничение глубокой тенденции к сохранению имеющейся многопартийности связано с коллективным характером пропорциональной системы: она требует развитой партийной инфраструктуры, организации, дисциплины [43, с. 311].

Количественный анализ партийных систем

Деление партийных систем на основе их численности, то есть однопартийной, двухпартийной или многопартийной, является исходным для их рассмотрения и анализа, их основой основ. Дальнейший анализ партийных систем основывается на изучении их качественных и количественных свойств. Рассматривая, в частности, число партий в партийной системе, необходимо определиться в первую очередь с тем, какие партии следует учитывать в анализе, а какие не следует принимать во внимание. Например, Алан Уэйр (Alan Ware) считает, что в партийной системе имеют значение только те партии, которые набирают 3 и выше процентов голосов избирателей на парламентских выборах [110]. Это связано прежде всего с особенностями избирательных систем в разных странах.

Так в Великобритании нет минимального порога для прохождения в парламент, поэтому депутатские места нередко берут партии, набравшие всего 0,1% голосов, обеспечивая присутствие в парламенте партиям с одним своим представителем. В то же время британская избирательная система, как известно, благоприятствует двум главным партиям – консервативной и лейбористской – и это ведет к заниженному представительству других партий, в первую очередь, либеральной. Нередко либералы набирают 20 и более процентов голосов избирателей, но это дает им не более 10% депутатских мест, что ведет к тому, что либералы, как правило, не входят в правительство, или кабинет, даже в статусе младшего партнера в правящей коалиции.

На парламентских выборах в Великобритании больше 3% голосов избирателей набирают только консерваторы, лейбористы и либералы, а все остальные партии, число которых больше десяти, набирают каждая меньше 3% голосов. В таком случае, в соответствии с критерием Уэйра, партийная система Великобритании считается состоящей из трех партий. С этим не согласен Джованни Сартори, предлагающий свой критерий вхождения партий в партийную систему только в том случае, если у партии имеется коалиционный потенциал, либо блокировочный потенциал для формирования

правительства по результатам парламентских выборов. Это значит, что малые партии имеют значение только в том случае, если их депутатские места в парламенте необходимы для формирования правящей коалиции, либо, наоборот, количество депутатских мест этих партий мешает формированию коалиций во главе с другими партиями. Поэтому по предложенной Сартори классификации партийных систем Великобритании можно определить как двухпартийную систему [44, р. 3-156].

Если посмотреть на Германию, то здесь мы видим иную картину из-за другой избирательной системы и основанной на ней партийной системе. В Германии на выборах по пропорциональной системе голосования после второй мировой войны борются две основные партии: Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и блок ХДС/ХСС, объединяющий христианских демократов и Баварский христианский союз и фактически выступающий уже не одно десятилетие как одна партия. Помимо этих двух главных партий в Германии имеются другие партии, которые из-за своей меньшей силы и влияния не могут побеждать на выборах, но способны оказывать воздействие на формирование правительственной коалиции по итогам выборов. Поэтому Германию эксперты характеризуют не как двухпартийную, но как многопартийную систему, основанную на системе пропорционального представительства [111].

Если в двухпартийной системе Великобритании третья по силе партия либералов, набирая двадцать и больше процентов голосов избирателей, в условиях мажоритарного голосования в один тур только в редких случаях может войти в состав кабинета, то в Германии третья по силе партия свободных демократов (СвДП) Германии, которую также называют либералами, набирает на парламентских выборах от 6-7 до 12-13 процентов голосов, но при этом регулярно входит в правящую коалицию. Начиная с конца 1960-х гг., когда СДПГ во главе с Вилли Брандтом впервые набрала на выборах в Бундестаг наибольшее число голосов, которого, однако, не хватало для формирования однопартийного кабинета, СвДП вошла в коалицию с социал-демократами и помогла этой партии сформировать левоцентристское правительство.

Если в Великобритании третья по силе партия, набирая высокий процент голосов избирателей, страдает из-за заниженного представительства и поляризации, то в Германии третья партия, набирая значительно меньшую долю голосов избирателей, во многом определяет состав правящей коалиции. В 1960-е и 1970-е гг. СвДП входила в коалицию с СДПГ, но начиная с 1998 г. либералы отказались от союза с социал-демократами, предпочитая коалицию с христианскими демократами. Мы видим, что система пропорционального представительства в Германии способствует тому, что третья по силе партия во многом определяет, какое правительство будет в этой стране – левоцентристское или правоцентристское [101, р. 54].

Анализ партийной системы Германии показывает ту большую роль, которую в многопартийной системе играют небольшие партии, стоящие на

центристских позициях. Такие партии внутренне разделены между своими левыми и правыми крыльями, которые тем не менее сосуществуют, позволяя партии стоять на центристских позициях. В зависимости от сложившейся в обществе политической конъюнктуры центристские партии могут вступать в союз с левыми или правыми партиями. Хотя перед центристскими всегда имеется угроза раскола между ее различными частями, тем не менее, СвДП, возникшая после второй мировой войны в 1948 г. сохраняет свою устойчивость [111, р. 49].

На выборах 2013 г. СвДП не смогла набрать необходимое число в 5% голосов избирателей для прохождения в Бундестаг. Однако на выборах в Бундестаг в 2017 г. СвДП преодолела необходимый порог и была представлена в парламенте, однако не была представлена в правящей коалиции. Зато на парламентских выборах 2021 г., когда с небольшим преимуществом победу одержала СДПГ, партия либералов ФРГ снова вошла в правящую коалицию вместе с социал-демократами и партией зеленых. Возглавляет коалицию лидер СДПГ, нынешний канцлер Германии Олаф Шольц.

До 1983 г., когда в Бундестаг, набрав 5,6% голосов избирателей и выиграв 27 депутатских мест, впервые вошла партия зеленых, в германском парламенте были представлены три партии. Партийную систему ФРГ до 1983 года можно было охарактеризовать как трехпартийную как с позиции классификации Уэйра, так и классификации Сартори. После 1983 г. партийную систему ФРГ можно охарактеризовать как 4-партийную, а после 1990 г., объединения Западной и Восточной Германии, в Бундестаге постоянно присутствует пятая партия, которую называют партией левых, являющейся наследницей бывшей правящей партии ГДР. По классификации Уэйра партийная система Германии с 1990 г. является 5-партийной. Однако с точки зрения Сартори партию зеленых можно включать в партийную систему только с 1998 г., когда они вошли в коалицию с СДПГ, образовав так называемый красно-зеленый блок. Что касается партии левых, то несмотря на присутствие в Бундестаге, Сартори не считает их значимыми для партийной системы Германии, поскольку никто не предлагает им вхождение в правящую коалицию и в то же время сами они не способны своими голосами и депутатскими местами блокировать формирование коалиций другими партиями [101, р. 54-55].

В последние годы в Германии, как и по всей Европе, стали набирать силу популистские партии, спекулирующие на темах миграции, критики различных аспектов политики ЕС и других вопросах. Деятельность этих партий усиливает позиции крайне правых и крайне левых сил, способствуя росту авторитарных тенденций в европейских странах и подрывая демократические основы государства и общества. В Германии такой популистской партией стала «Альтернатива для Германии» (АдГ). Рост популизма в Германии способствовал прохождению этой партии в Бундестаг, начиная с 2017 г., а затем в 2021 г. В результате в Бундестаге сегодня

представлены 6 партий и по классификации Уэйра в Германии 6-партийная система. Однако по классификации Сартори партия левых, как и АдГ не имеют значения для партийной системы Германии на национальном уровне, поскольку обеим партиям другие партии отказывают во вхождении в правящие коалиции и в то же время их блокировочный потенциал недостаточен для формирования коалиций другими партиями.

Тем не менее было бы неправильно недооценивать значение партии левых и особенно АдГ для партийной системы Германии. Эволюция партийной системы ФРГ демонстрирует очевидную тенденцию увеличения в ней числа парламентских партий. Если до 1983 г., когда партия зеленых вошла в Бундестаг, в ФРГ было только три парламентские партии, то сегодня их число возросло до шести, то есть в два раза. Возрастание доли голосов, подаваемых за левых и в особенности за АдГ, уменьшают электорат других четырех партий, в том числе главных партий СДПГ и ХДС/ХСС. Следствием этого становятся трудности с формированием правящей коалиции. Так, по результатам выборов 2013 г. и 2017 г. победивший блок ХДС/ХСС вынужден был пойти на «большую коалицию» с СДПГ, что, конечно, было вынужденным шагом для христианских демократов во главе с Ангелой Меркель. По результатам выборов 2021 г., в которых с небольшим перевесом победили социал-демократы, была образована необычная для Германии коалиция из трех парламентских партий – СДПГ, СвДП и зеленых – которую из-за их идеологических цветов определили как «светофор» (красные (СДПГ), желтые (СвДП) и зеленые партийные цвета).

Рассмотренные нами классификации партийных систем Дюверже, Уэйра, Сартори основаны на численности партий в партийной системе, однако преимущественно используют в их анализе качественные характеристики. Но в исследовании партийных систем разработаны методы, которые основаны на большем применении их количественных характеристик. К ним относятся методы, основанные на применении индекса фрагментации Рэя [112], а также эффективного числа партий Лааксо-Таагеперы [113].

Дуглас Рэй ввел в научный оборот индекс фрагментации электоральных и парламентских систем в своей книге «Политические последствия электоральных законов» (1967). Индекс фрагментации позволил определить влияние электоральных законов на результаты выборов в западных странах с точки зрения пропорциональности, под которой имеется в виду соответствие между долей набранных голосов и количеством депутатских мест, с одной стороны, и числом партий в стране, с другой стороны. Книга Рэя стала первым в политической науке компаративистским исследованием электоральных систем, основанным на применении математических методов в социальных науках, дав толчок широкой волне исследований партийных систем с помощью индекса фрагментации и других количественных индикаторов.

Индекс фрагментации не дает прямого измерения политических партий, но скорее определяет вероятность того, что два произвольно взятых депутата или избирателя будут принадлежать к одной партии [90, р. 3-132]. Если индекс

фрагментации равен 1, это означает, что в парламенте присутствует только одна партия и парламент страны однопартийный. Если индекс фрагментации равен 0,5, то есть половине, то это означает, что в парламенте присутствуют две партии и парламент страны двухпартийный. Индекс фрагментации, равный одной трети, означает трехпартийный парламент и т.д.

Мы видим, что вычисление с помощью индекса фрагментации Рэя вероятности принадлежности двух взятых произвольно избирателей или депутатов к одной партии позволяет косвенным образом определить число партий в парламенте страны. На основе индекса фрагментации финские политологи Маркус Лааксо и Рейн Таагепера разработали другой индекс, дающий возможность напрямую вычислить количество партий в парламенте на основе набранных ими голосов избирателей и завоеванных в ходе выборов депутатских мест. Этот индекс получил название «эффективное число партий» (Effective number of parties) [77, p. 3-26].

Эффективное число партий измеряется делением 1 на сумму квадратов численных долей голосов избирателей (эффективное число электоральных партий, ENEP) или долей депутатских мест (эффективное число парламентских партий, ENPP). ENEP и ENPP дают число, меньшее, чем число реально участвующих в выборах или представленных в парламенте партий. Возведение в квадрат численных значений долей результатов голосования или долей депутатских мест при вычислении эффективного числа партий дает дополнительный вес крупным партиям. Значение малых партий в этом индексе еще больше уменьшается. На это обращает внимание Сартори, указывая, что индекс фрагментации Рэя и эффективное число партий Лааксо-Таагеперы поднимает значение больших партий и сжимает (compressing) значение малых партий [112, p. 3-33].

Указанные два индекса, то есть индекс фрагментации Рэя и эффективное число партий Лааксо-Таагеперы, связаны между собой отношением обратной зависимости. Чем ближе индекс фрагментации к 1, тем меньше эффективное число партий. Как мы указывали выше, при индексе фрагментации, равном 1, в стране и парламенте существует только одна партия и речь идет об однопартийной системе. Значение 1 является максимальным для индекса фрагментации, а минимальным является 0, хотя оно никогда не достигается, а к нему можно только приближаться. При значении индекса фрагментации равном 1, сама фрагментация партийной системы и, соответственно, парламента, минимальная, поскольку здесь существует только одна партия.

Если индекс фрагментации стремится к нулю, это означает, что два произвольно взятых избирателя или депутата принадлежат к одной партии, это означает, что в стране и ее парламенте много партий. Для двухпартийной системы в стране и ее парламенте эффективное число партий составляет 1,8 или 1,9. Такой показатель характерен для Великобритании и США, которые относятся к странам с классической двухпартийной системой. Для государств с многопартийной системой эффективное число партий больше. Для Германии, в парламенте которой пять и даже шесть партий, эффективное

число партий, как правило, находится в районе 4, что отражает число партий, которые могут входить в правящие коалиции.

Необходимо отметить, что индекс фрагментации Рэя является важным инструментом определения уровня плюрализма партийной системы и в целом политической системы государства. Если индекс фрагментации равен 1, то партийная система страны является, как мы указывали выше, однопартийной, то есть в политической системе государства действует только одна партия, а другие партии в политическую и государственную систему не допускаются правящим в стране режимом. Такая ситуация означает политическую и идеологическую монополию одной партии, что характерно для тоталитарной партийно-политической системы.

Если индекс фрагментации отличается от 1, то это означает отход от тоталитарной партийно-политической монополии и стремление партийной системы государства к плюрализму. При индексе фрагментации 0,5 эффективное число партий находится в районе 2 с незначительным отклонением, поскольку кроме двух главных партий в стране имеются другие партии, которые могут оказывать определенное влияние в электоральных кампаниях на национальном и региональном уровнях, а также иногда при формировании правящей коалиции и правительства. Великобритания и США с их двухпартийными системами считаются классическими демократиями с высоким уровнем политико-идеологического плюрализма, обеспечивающим необходимый уровень социальной стабильности в обществе. Однако в США в последнее десятилетие, прежде всего в период правления Дональда Трампа, наблюдается высокий уровень партийной и идеологической поляризации, ставящей под угрозу демократические основы политической системы.

При стремлении индекса фрагментации к нулю в обратной зависимости растет эффективное число партий. Как мы указывали выше для Германии эффективное число партий по результатам последних парламентских выборов соответствует примерно 4. Такое же значение этого индекса характерно и для Японии, а для Италии оно соответствует 5, поскольку после 1993 г. в этой стране произошло изменение партийной системы и на авансцену вышли новые партии, а старые партии, наоборот, ушли в тень. Значение 5 эффективного числа партий указывает на то, что в парламенте имеется 8 и даже большее число политических партий.

Существует определенное соответствие между эффективным числом партий и уровнем плюрализма в обществе. Большие значения эффективного числа партий соответствуют росту плюрализма. Опасным для общества и политической системы может быть тенденция к сверхплюрализму, что находит отражение в больших значениях эффективного числа партий. Работы С. Мэйнвэринга [114, 115], П. Майра [116] и других показывают, что фрагментация и, тем более, гиперфрагментация партийной системы иногда приводит к слому конституционного порядка под давлением большого числа партий в законодательной власти.

2.2 Партия-государство и однопартийность в Казахстане

В данном подразделе диссертации мы продолжим анализ эволюции политических партий и партийной системы Казахстана, остановившись на однопартийности советского периода, когда в СССР существовала только одна коммунистическая партия. Однопартийная система наложила отпечаток на все стороны жизни советского общества, причем это влияние ощущается и сегодня в независимом Казахстане. Поэтому выявляя основные этапы эволюции партийной системы и переходы из одного этапа эволюции в другой, мы считаем, что анализ однопартийности позволит нам понять логику изменения от однопартийной системы советского периода к тому состоянию многопартийности, которое сложилось в политической системе Казахстана на сегодняшний день.

Мы при этом исходим из того, что существующая в стране партийная система и изменения в числе политических партий, их отношениях друг с другом и соответствующих этим отношениям типам партийной системы определяются главным образом доминирующей в государстве политической системой и политическим режимом. Несмотря на наличие целого ряда политических партий, по мнению многих экспертов в Казахстане в постсоветский период сложилась партийная система, которая определяется как полупартийная [94, с. 3-56]. Однако полупартийная система, как считают эксперты, практически не отличается от однопартийной системы. Поэтому анализ советской однопартийности имеет, на наш взгляд, большое значение для понимания той партийной системы, которая сложилась в современном Казахстане.

Однопартийность в условиях политики коренизации в Казахстане

Поднятая большевиками Октябрьская революция 1917 г. резко изменила политическую ситуацию в России, поскольку все политические силы, включая партию «Алаш», осознали, что к власти в стране пришел диктаторский режим. В новой ситуации «Алаш» изменила свое требование и вместо автономии поставила задачу образования и провозглашения независимого казахского государства. Однако, провозглашенное независимое казахское государство просуществовало очень недолго, потому что у «Алаш» не было достаточно сил для того чтобы отстаивать независимость.

После Октябрьской революции и последовавшей за ней гражданской войной большевики завоевали власть в прежней Российской империи и создали новое советское государство. После поражения партии «Алаш» и других политических сил в Казахстане была установлена советская власть, а в самом Казахстане в 1920 г. была образована советская республика, ставшая частью Российской федерации. Казахская АССР была первой формой национальной государственности на территории Казахстана современного типа, однако во многом это было квази-государство, номинальная государственность. Власть в советском Казахстане осуществляли назначенцы

и ставленники из Москвы, а местные руководители из числа коренной нации беспрекословно проводили политику коммунистического режима.

В новых условиях лидеры партии «Алаш» стали сотрудничать с режимом большевиков, прежде всего, в национальной политике. Такое сотрудничество облегчалось тем, что в первые годы своего правления режим большевиков проводил национальную политику, которая получила название «коренизация». Смысл этой политики большевистского режима состоял в том, чтобы максимально завоевать расположение коренного населения созданных национальных республик.

Основное содержание политики коренизации большевистского режима было сформулировано в резолюциях, принятых в апреле 1923 г. на XII съезде Российской коммунистической партии (большевиков), сокращенно РКП(б), и на специальной конференции ЦК партии по национальной политике в июне 1923 г. [117]. Эти две резолюции наряду с выступлениями И. Сталина в их поддержку стали главными документами национальной политики режима большевиков и всей эпохи сталинизма. До июня 1923 г. национальная политика была предметом жарких споров и дискуссий на различных партийных собраниях и мероприятиях. После принятия указанных резолюций всякие публичные дебаты по национальному вопросу в партии и обществе были прекращены. Партийные резолюции 1923 г. утвердили те формы национальной государственности в СССР, которые не входили в противоречие с единой центральной властью советского государства и его национальной политикой. Имеются в виду такие формы национальной государственности, как национальная территория, национальный язык, национальные элиты и национальные культуры [115, р. 73].

Советская национальная политика в годы коренизации заложила основы национального строительства в республиках. Основой национального строительства в СССР была поддержка коммунистическим режимом национальной идентичности и национального самосознания среди нерусских народов страны. Это означало, что советская политика осуществлялась не только через образование национальных территорий, в которых действуют национальные элиты, общающиеся на национальном языке, но также всемерную поддержку режимом символических форм национальной идентичности: народной культуры, музеев, одежды, пищи, оперы, поэзии, исторического сознания и национальной литературы [115, р. 74-75].

Для казахского народа, национальное строительство имело особенно важное значение, дав толчок другим социальным процессам, способствовавшим модернизации Казахстана. Национальное строительство в Казахстане в годы коренизации, осуществлявшееся по стандартной советской схеме во всех республиках, способствовало развитию казахского языка, культуры, истории, системы образования, формированию национальной интеллигенции и руководящих кадров для различных социальных сфер [118]. В отличие от политики русификации, проводимой царскими властями, коренизация в советских республиках была направлена на развитие местных

языков, их широкое использование в государственном управлении и других сферах социальной коммуникации.

Мы можем заключить, что первоначально, в годы коренизации, национальная политика советской власти снимала напряжение социального раскола «центр-периферия» в Казахстане, которое достигло своей высокой степени в имперской России. Это дало возможность многим лидерам партии «Алаш» сотрудничать с большевистским режимом в вопросах национальной политики. Например, Ахмет Байтурсынов вступил в РКП(б), занимал в 1920 годы должность наркома просвещения в Казахской советской республике, поддерживая распространение образования среди казахов и осознавая, что образование будет способствовать формированию казахов как нации. Как свидетельствует мировой опыт, система образования имеет большое, можно сказать, решающее значение для формирования нации и национального строительства [119].

Политика коренизации большевистского режима продолжалась недолго, к началу 1930 гг. она стала сворачиваться. Режим увидел в коренизации угрозу казахского национализма и стал постепенно сворачивать национальную политику в направлении коммунистической идеологии и возврата к русификации. Партия «Алаш» была уничтожена правящим режимом, а ее лидеры репрессированы как «буржуазные националисты». Подтверждением крутых поворотов в национальной политике большевистского режима стала трагическая судьба Ахмета Байтурсынова [112]. Несмотря на его сотрудничество с правящим коммунистическим режимом он был репрессирован сначала в 1929 году и отправлен в лагеря на строительство Беломор канала, но освобожден в 1934 году. Однако в октябре 1937 г. вновь был арестован и расстрелян в декабре 1937 г.

Подавление этнического национализма стало основой советской национальной политики, в которой вместо этнического национализма утверждался интернационализм. Но тем самым в СССР правящий коммунистический режим ликвидировал социальные основы этнического раскола «центр-периферия». Следовательно, были ликвидированы социально-идеологические основы для появления политических партий на базе этого раскола.

Диалектика части и целого в анализе однопартийности

Советская власть образовала в августе 1920 г. на территории Казахстана национальную республику с казахами как ее коренной и титульной нацией. В течение 71 года (до августа 1991 г.) в Казахской советской социалистической республике (Казахская ССР) существовала только одна политическая партия – КПК как подразделение КПСС, которая определяла функционирование и развитие всех сфер жизни советского Казахстана. Национальных партий, как, например, «Алаш», которые возникли еще в досоветский период, в СССР существовать не могло, как не могло существовать никаких иных партий на любой социальной основе.

Советский период с господствовавшей в нем однопартийной коммунистической системой наложил огромный отпечаток на становление каждого из новых независимых государств, возникших на месте СССР. Этот отпечаток касается в первую очередь политической системы постсоветских государств, образовавшихся в них политических режимов, в том числе политических партий и партийных систем.

В литературе, освещающей партийную систему Казахстана, утвердилось представление, что однопартийная система существовала в республике в советский период, а с наступлением независимости в стране сформировалась многопартийная система. Существовавшая в Казахстане в советский период однопартийная система связывается с тоталитарным коммунистическим режимом, поскольку исторически однопартийные системы были характерны для тоталитарных режимов в Германии, Италии и СССР. Многопартийная система ассоциируется с демократическим режимом. В этом смысле появление нескольких политических партий в период независимости расценивается многими как свидетельство демократизации Казахстана в аспекте партийного строительства.

Вопрос о связи существующего политического режима и его партийной системы с коммунистической однопартийной системой периода практически не исследовался ни в казахстанской, ни в зарубежной научной литературе. Без исследования этого вопроса невозможно, по нашему мнению, правильно понять ни политический режим, ни партийную систему независимого Казахстана. При этом требуется анализ однопартийности как отправной точки демократического транзита в Казахстане с точки зрения перехода от одной главенствующей партии к многопартийной системе.

Логический анализ однопартийной системы дал в своей классической книге «Партии и партийные системы» Джованни Сартори, который показал логическую несовместимость такой системы ни с политической партией, ни с партийной системой. Поэтому в исследовании вопроса о влиянии коммунистической однопартийной системы советского периода на партийную систему независимого Казахстана мы будем опираться на указанную книгу, которая вышла в свет в 1976 в издательстве Кембриджского университета. Позднее эта книга была переиздана издательством Европейского консорциума политических исследований ECPR Press в 2005 году с предисловием автора и введением известного специалиста по политическим партиям и партийным системам Питера Майра [116, p. 82-105].

В своей книге Сартори раскрывает природу политической партии как социально-политического института политического участия масс и предлагает свою классификацию партийных систем. Классификация партийных систем Сартори получила большую известность среди специалистов и широко применяется в исследовании партийных систем в современном обществе.

Политические партии и партийные системы зародились в индустриальном обществе Запада и свое наибольшее развитие получили именно в этой части мира. В процессе индустриализации и модернизации

западных обществ происходило усложнение их социальной структуры, что порождало плюрализм и противоположность интересов, возникавших в этих процессах, разнообразных социальных групп и их стремление реализовать свои интересы через политическое участие. В этом контексте возникли политические партии как институты выражения интересов социальных групп через вхождение в политическую систему общества и органы власти государства. Этому способствовало введение в западных странах всеобщего избирательного права во второй половине XIX – начале XX вв., включение в него рабочих, женщин и других социальных групп.

В политической теории и практике сформировалось понятие партии как плюрального по своей социально-политической сущности института, предполагающего обязательное существование других партий, с которыми она вступает в конкуренцию за власть и образует тем самым во взаимодействии с другими партиями партийную систему. Как подчеркивает Сартори, «партия означает партии, являясь плюральным по своей сущности понятием» [44, р. 35]. Иначе говоря, партия в нормальном понимании этого термина не может существовать одна, но она обязательно предполагает наличие в обществе других партий, с которыми она вступает в борьбу за власть. Такое понимание партии и партийной системы утвердилось в обществах с многопартийной системой.

Тем не менее, в политической практике современного мира существовали и до сих пор существуют партийные системы, состоящие только из одной партии. Однопартийные системы возникли впервые после первой мировой войны в государствах, которые определяются как тоталитарные политические системы, а именно, в коммунистическом СССР, нацистской Германии и фашистской Италии. После второй мировой войны и в период холодной войны однопартийная система сохранилась и окрепла в СССР и утвердилась в так называемых социалистических странах, в которых господствовала коммунистическая идеология.

Для Сартори само выражение «однопартийная система» представляется абсурдным по своей сути, очевидным противоречием в определении [44, р. 35]. Сингулярность в понятии партии в ее отношении к обществу как целому, когда в обществе существует только одна партия, является для Сартори нарушением логики партии и общества, то есть нарушением диалектики части и целого. Партия по самой своей сути означает часть общества, часть целого, но не само это целое. Поэтому если партия не является частью, то она является псевдо-партией; а если целое отождествляется только с одной партией, то оно точно так же является псевдо-целым [44, р. 35].

В диалектике части и целого, примененной к отношению между партией и обществом, партия представляет часть, а общество является целым. При этом важнейшей характеристикой партии как части является ее плюрализм, множественность. Партии не в единственном числе, а во всей своей существующей в обществе совокупности и конкурентном взаимодействии

между собой образуют партийную систему, через которую репрезентируется социальное целое.

В однопартийной системе единственная партия не является «частью» в любом из смыслов, в котором партии в плюралистической системе репрезентируют часть целого. Единственная партия выражает характеристики целостности в том виде, в каком она отрицает идею целого, возникающего из конкурентного взаимодействия его частей. В однопартийной системе даже внутри единственной партии любой вид чисто формального деления этой партии запрещен как ересь, нетерпимое отклонение. Говоря об однопартийной системе в идеологическом плане, Сартори утверждает, что коммунизм, нацизм и (с меньшей интенсивностью) фашизм свидетельствуют о существовании, или возрождении, монохроматической системы верований, основанных на принципе единогласия и подавлении несогласия [44, р. 35].

С другой стороны, если целое представлено только одной партией, оно не может перейти в новое качество, когда целое не сводится к своим частям, а стоит выше суммы своих частей. Если плюралистическое целое является многосторонним, то монистическое целое является односторонним. Не только часть без своей противоположности является псевдо-частью, но и целое, не содержащее своих частей (во множественном смысле), лишено полноты реального целого. Такое целое Сартори определяет как «частичное» целое (*partial whole*) [44, р. 35-36], то есть как несоответствующее своему определению целое, в котором целое оказывается частью.

В стремлении понять однопартийную систему с позиций диалектики целого и части Сартори обращается к двум вопросам, ответы на которые, как он считает, могут углубить понимание этой системы. Эти вопросы Сартори формулирует следующим образом: 1) в каком смысле единственная партия является «партией» и может называться партией?; 2) имеет ли смысл говорить об однопартийном государстве как «партийной системе»? [44, р. 38].

Рассматривая первый вопрос в терминологическом плане, Сартори отмечает, что для ясности понимания единственной партии в однопартийной системе было бы хорошо терминологически различать партии, не имеющие другие партии как свои противоположности, от партий, являющихся частью партийной системы общества как целого. По всей видимости, однако, альтернативного обозначения для одной единственной в обществе партии не существует, и приходится поэтому подчиниться лингвистическим правилам, получившим широкое распространение [44, р. 39].

Более того, Сартори указывает на генетическую связь между партиями в плюралистическом смысле и сингулярной партией. В частности, что действительно и радикально меняется при переходе от партийного плюрализма к однопартийности, это понимание системы. Сингулярная партия, как правило, до того, как она стала единственной партией в политической системе, существовала в условиях многопартийности, и поэтому она переносит в новые условия свою организационную структуру и другие партийные элементы. Но сингулярная партия, пребывая во власти в

однопартийной системе, уничтожает другие партии, сохраняя при этом подобие партии. Хотя плюралистическая партия и сингулярная партия принципиально различаются по своей политической сущности, однако, в определенном смысле их можно и приходится терминологически определять как партии [44, р. 39].

Ясно, что одна единственная в обществе партия не может породить многопартийную систему, в которую входит не одна, а несколько партий, которые находятся между собой в определенных отношениях, главным среди которых является отношение конкуренции. Другим важнейшим фактором партийной системы является автономность каждой из партий, составляющих эту систему. Единственной зависимостью для политической партии является ее зависимость от своих избирателей, но партия по самому своему определению не может быть зависимой от какой-либо иной политической силы или государственного органа.

Вот почему для Сартори и других западных теоретиков партий и партийных систем вызывает любопытство и стремление понять такое необычное для привычного для них политически и идеологически плюралистического общества явление как однопартийная система с одной единственной партией с ее особыми отношениями с обществом и государством. Для Сартори сам термин «однопартийная система» выглядит как неправильное название (*misnomer*), бессмыслица, порождающая другие бессмыслицы. Самый главный вопрос: как может одна партия в одиночку породить систему? Систему чего? Ясно, что не систему партий [44, р. 39].

В схожем ключе рассуждают другие западные политологи, изучавшие однопартийные системы. Габриэль Алмонд отмечает: «Структура, которую мы называем партией в тоталитарной системе, вовсе не является партией» [57, р. 397]. Эрнест Баркер утверждает: «Когда государство... отменяет все партии, кроме одной, оно на самом деле отменяет сущность самой партии» [121]. Лесли Липсон указывает: «... партия является по определению частью целого. Это означает существование других партий, то есть сосуществование партий. Говорить поэтому об однопартийной системе значит впадать в противоречие в определениях» [122].

Тем не менее, как указывалось выше, в литературе по политическим партиям и партийным системам утвердилось терминологическое единство по отношению к партиям как части общества и к единственным партиям, совпадающим с целым. На это единство указывает Сартори, соглашаясь с тем, что трудно изменить сложившуюся в литературе практику. В то же время невозможно не признать, что эта практика затрудняет исследование и понимание однопартийных систем и их единственных партий. Трудность состоит в том, что для специалистов, исследующих партии и партийные системы в рамках сложившегося в плюралистическом обществе понимания диалектики части и целого, приходится отказываться от этого понимания и пытаться понять, как выглядит такая диалектика в условиях, когда искажается взгляд и на часть, и на целое, и на их взаимодействие.

Главное различие между двумя типами партий и партийных систем, а именно, между многопартийной и однопартийной системами, состоит в том, что в многопартийной системе партии образуют систему благодаря своей автономности и отношениям конкуренции, тогда как в однопартийной системе нет ни автономности, ни конкуренции партий, а есть только монополия одной единственной партии. Как монополист такая партия озабочена главным образом сохранением своего монопольного положения в политической системе. Логика монополизма диктует единственной партии необходимость проведения агрессивной политики в политической системе, направленной на уничтожение других партий и недопущение межпартийной конкуренции. Но недопущение появления других партий и межпартийной конкуренции означает насилие по отношению к обществу в целом, подавление естественной для индустриального общества тенденции к политическому участию масс. Агрессивность единственной партии по отношению к другим партиям и обществу возможна только в том случае, если в такой политике участвует государство, которое мощью своих ресурсов, в первую очередь силовых, поддерживает монопольное положение одной партии.

Такой анализ, как считает Сартори, ведет к правильной постановке вопроса о природе однопартийной системы. Если одна (и единственная) партия не может породить собственную (то есть, партийную) систему, то где же тогда существует эта система? Можно этот же вопрос переформулировать иначе: к какой системной единице принадлежит единственная партия? Принимая во внимание факт, что единственная партия не взаимодействует с другими партиями (которых в этом обществе попросту нет), встает вопрос о том, с кем и где эта партия взаимодействует и находится в отношениях взаимозависимости? В этом вопросе ключевым является слово «где». Оно ориентирует на выявление той социальной и политической области структурированных и самовоспроизводящихся отношений взаимозависимости, в которые вступает партия-монополист для постоянного утверждения своего господствующего положения в обществе [44, p. 39].

Для ответа на этот вопрос Сартори обращается к понятию «партия-государство», введенному ранее Яном Триской и другими авторами для исследования коммунистической партийной системы [123]. Хотя Сартори считает, что это понятие применимо и к нацизму, итальянскому фашизму и к любой иной системе, связанной с этими прототипами. Для Сартори обращение к понятию партия-государство важно потому, что оно позволяет дать различие между плюралистическими партиями и сингулярной партией. Плюралистическая партия, то есть партия как часть, не может по самому своему определению идентифицироваться с государством, тогда как сингулярная партия, то есть партия как целое, может вполне идентифицироваться, в идеальном смысле, с государством. Два целых не могут сосуществовать пока они не стремятся совпасть. В этом смысле сингулярная партия является можно сказать удвоением государства. Хочет ли партия поглотить государство или же, наоборот, государство стремится

поглотить партию, в любом случае, как утверждает Баркер, система партии-государства является системой унитаризма [121, р. 3-40].

Как отмечает Сартори, на абстрактном языке рационализации главным аргументом в вопросе однопартийной системы является то, что если партии, понимаемые по своей этимологии как часть, не могут в силу этого совпадать с государством, в однопартийной системе партия оказывается целым (поскольку других партий не существует), которое, в идеале, может идентифицировать себя с государством. Две целостности не могут сосуществовать, если только они не стремятся совпасть. В этом смысле можно сказать, что единственная партия (в однопартийной системе) дублирует государство. Стремится ли партия поглотить государство или, наоборот, государство хочет поглотить партию, система партия-государство является системой унитаризма [44, р. 40].

Мы видим, таким образом, что для изучения однопартийной системы невозможно применение диалектики части и целого в том виде, как она применяется для изучения многопартийной плюралистической системы. Из-за того, что в однопартийной системе и партия, и общество (в лице государства) выступают как целое, то происходит искажение диалектики части и целого в том виде, как она действует в многопартийной системе. Диалектика части и целого в многопартийной плюралистической системе является логической нормой, тогда как диалектика части и целого в однопартийной сингулярной системе не соответствует этой норме, выходит за ее пределы, имея абнормальный характер.

Амальгама партии и государства и номенклатурное правление в Казахстане

Унитаризм или моноцентрическая структура однопартийной системы определяется тесной связью единственной в этой системе партии с государством. Партия и государство не тождественны друг другу в однопартийной системе, но сама система может существовать только благодаря их теснейшему переплетению в их взаимозависимости и взаимодействии. Характеризуя взаимоотношение партии и государства в однопартийной системе, Сартори говорит об их сплаве, амальгаме (party-state amalgamation) [44, р. 39].

Понятие партийно-государственной амальгамы имеет, на наш взгляд, большое эвристическое значение для понимания механизма действия однопартийной системы в коммунистическом обществе, включая советские республики, в том числе Казахстан. Более того, имея в виду социальную и политическую преемственность между советским и постсоветским периодом в Казахстане, России и государствах Центральной Азии, проявляющейся в преемственности политических режимов и партийных систем, можно увидеть эффективность применения понятия партийно-государственной амальгамы для изучения партий и партийных систем в этих государствах после обретения ими независимости.

Говоря об изучении однопартийной системы, следует отметить, что в литературе по партиям и партийным системам в наибольшей мере

исследована коммунистическая партийная система. Это связано, во-первых, с тем, что коммунистическая однопартийная система исторически просуществовала дольше, чем нацистская и фашистская однопартийные системы, которые прекратили свое существование сразу же после поражения во второй мировой войне Германии и Италии. Коммунистическая однопартийная система в СССР как державе-победительнице во второй мировой войне просуществовала еще более сорока лет до 1991 г. Во-вторых, с распространением коммунистической системы в период холодной войны в восточной Европе, Азии и других регионах мира однопартийная система в них стала привлекать к себе внимание ученых. В-третьих, интенсивное изучение партий и партийных систем на Западе началось в 1950-60 гг., когда к изучению многопартийных и однопартийных систем добавилось еще и изучение политических партий в постколониальном мире.

Если в однопартийной системе решающее значение имеет, как показал Сартори, амальгама партии и государства, то встает вопрос, что представляет собой эта амальгама в коммунистической системе и каков механизм действия такой амальгамы в коммунистическом обществе? Мы считаем, что для ответа на этот вопрос следует обратиться к понятию «номенклатура», которая была господствующим классом в политической системе СССР и его сателлитов из коммунистического лагеря. Сущность номенклатуры для политической системы СССР в краткой форме определил Михаил Восленский в своей ставшей классической книге «Номенклатура»: «В Советском Союзе власть не советская, а номенклатурная. Это диктатура, но не пролетариата, а класса номенклатуры» [124].

Номенклатура в коммунистическом обществе представляет собой высшее руководство партии и государства, которое на несменяемой основе осуществляет контроль за обществом и управление им. Рассматривая номенклатуру коммунистического общества в аспекте амальгамы партии и государства, мы видим, что номенклатура соединяет партийный и государственный аппараты, внутри которого происходит их перетекание из одного в другое как двух соединяющихся сосудов. Поэтому мы можем определить номенклатуру коммунистического общества как партийно-государственную номенклатуру. Вполне понятно, что в партийно-государственную номенклатуру могут входить только члены коммунистической партии, то есть членство в партии обязательно не только для партийного аппарата, но и для государственного и других видов аппаратов управления обществом.

В советском и других коммунистических обществах общее руководство осуществлял партийный аппарат в лице партийных комитетов по территориальному и отраслевому принципу. Партийные комитеты осуществляли руководство обществом посредством разработки стратегии развития страны на основе коммунистической идеологии и назначения кадров в государственных и социально-экономических органах по всей стране. Номенклатура включала в себя как весь руководящий корпус, так и систему

подготовки и выдвижения управленческих кадров в иерархии партийных комитетов.

В составе партийно-государственной номенклатуры как амальгамы партии и государства в однопартийной коммунистической системе существовали разные подразделения. Главными среди них были партийные органы в лице партийных комитетов от низового уровня партийных комитетов в организациях и предприятиях, над которыми стояли районные и городские комитеты (райкомы и горкомы), выше которых стояли областные комитеты (обкомы). В национальных республиках над обкомами находились центральные комитеты компартий республик. Высшим партийным комитетом в СССР был центральный комитет (ЦК) КПСС, а на самом верху партийной иерархии находились политбюро и секретариат ЦК.

Наряду с партийными комитетами важнейшим звеном номенклатуры был государственный аппарат, в который входили руководители исполнительных органов власти, начиная с низового уровня, то есть районов, малых и более крупных городов, затем областей, национальных республик и союзных органов правительства в виде министерств, государственных комитетов на самом верху. Помимо руководителей исполнительных органов в номенклатуру входили руководители органов правопорядка – судов, полиции, государственной безопасности, прокуратуры, юстиции, а также армии и других органов власти.

В номенклатуру входили руководители заводов, фабрик, совхозов, колхозов и других экономических предприятий. Прежде всего, речь идет о крупных предприятиях, имеющих большое экономическое значение для местности. Это подразделение советской номенклатуры можно определить как экономическую номенклатуру. Кроме того, можно выделить еще один отряд номенклатуры в социальной и культурной сфере. Сюда входили руководители вузов, системы образования, здравоохранения, а также ответственные за социальное обеспечение и защиту населения, а также творческая интеллигенция. Это был социально-культурная номенклатура, которая также играла необходимую роль в амальгаме партии и государства в советском обществе.

Между этими подразделениями коммунистической номенклатуры всегда существовала тесная связь, они не были закрытыми друг от друга, что позволяло номенклатуре проникать во все сферы общества. Эти отряды номенклатуры были своего рода сообщающимися сосудами, позволяя направлять кадры из одной сферы в другую. Изучение карьеры крупных представителей партийно-государственной номенклатуры показывает, как на протяжении своего служебного роста они последовательно переходили из одного отряда номенклатуры в другой.

Интересно в этом плане посмотреть на этапы карьерного роста первого президента независимого Казахстана Нурсултана Назарбаева. После окончания сельской средней школы в Алматинской области Нурсултан в 1958 г. едет работать на строящийся Карагандинский металлургический

комбинат (Кармет) в г. Темиртау, откуда его направляют на учебу на Украину в профтехучилище в г. Днепродзержинск для обучения по специальности металлурга. После окончания ПТУ на Украине в 1960 г. Назарбаев возвращается на Кармет, где работает по полученной специальности металлурга.

С этого времени начинается номенклатурная карьера Назарбаева, когда он вступает в КПСС, получает высшее специальное образование в высшем техническом учебном заведении при Кармете, что открывает перед ним перспективы карьеры инженера. Однако, Назарбаев понимает, что *большие* перспективы ему сулит партийная карьера и с этой целью он выбирает для начала комсомольскую работу, вырастая до уровня секретаря комитета комсомола Кармета и затем г. Темиртау. Отметим, что важнейшее значение для начального этапа карьеры Назарбаева имеет вступление в компартию и продвижение по комсомольской линии, которая была трамплином для многих партийных карьеристов.

В 1970 гг. происходит стремительный карьерный рост Назарбаева по партийной линии. Он последовательно становится секретарем парткома Карметкомбината, затем первым секретарем горкома КПСС в Темиртау, после чего становится вторым секретарем Карагандинского обкома партии. После карьеры в Темиртау и Караганде начинается следующий этап карьеры Назарбаева, когда его назначают в 1979 г. секретарем ЦК Компартии Казахстана по промышленности. В 1984 г. Назарбаева назначают председателем совета министров Казахской ССР, то есть он становится главой правительства Казахстана. Здесь мы видим, что Назарбаева перевели из партийной номенклатуры в государственную номенклатуру, но он сохраняет позиции в партийной номенклатуре, оставаясь при этом членом Бюро ЦК КПК, которое было высшим органом партии в республике. Глава правительства был в партийно-государственной иерархии вторым лицом после первого секретаря ЦК компартии союзной республики. Наконец, в 1989 году Назарбаев достигает высшего поста в партийно-государственной номенклатуре Казахстана после назначения Москвой первым секретарем ЦК компартии республики.

Мы привели здесь вкратце карьеру Назарбаева с целью показать, что она является во многом типичной для продвижения индивида наверх в рамках партийно-государственной номенклатуры, хотя, конечно, не все достигают уровня главы национальной республики. Но взяв для примера карьеру Нурсултана Назарбаева, мы хотели бы выделить типичные черты карьеры в системе партийно-государственной номенклатуры. Для этой карьеры, как мы видели, характерна зависимость человека от вышестоящих партийных комитетов при его продвижении вверх. При этом такая карьера в однопартийной системе совершенно не зависит от общества: продвижение наверх в этой системе происходит без контактов претендента во власть с обществом, в котором он хочет занять руководящее положение, управлять им и его ресурсами [125].

Парламентаризм и партийная система

В контактах претендента на власть с обществом решающее значение имеют выборы через открытую конкуренцию с другими кандидатами. Это имеет место в многопартийной системе, где продвижение политиков во власть происходит через последовательность конкурентных выборов, сквозь которые политик проходит в своей карьере, продвигаясь при этом от местных выборов до национальных выборов. В однопартийной же системе продвижение во власть происходит через карьерную лестницу назначений, в которых решающее значение имеет партийный комитет соответствующего уровня, от местного до центрального уровня.

В многопартийной системе продвижение индивидов и партий во власть является открытым социальным процессом свободных демократических выборов, где результаты голосования отражают реальное волеизъявление избирателей. Здесь депутатом или большинство мест в парламенте становится тот или та партия, кому удастся привлечь на свою сторону больше голосов избирателей. В то же время в однопартийной системе продвижение во власть является закрытым процессом подбора и выдвижения кадров в коридорах власти, а именно, в партийных комитетах, построенных на иерархических основаниях, где решающий голос имеет руководитель комитета, тогда как выборы имеют формальное значение для того, чтобы показать демократический характер политической системы.

В политической системе с многопартийным плюрализмом борьба за власть является борьбой за голоса избирателей на выборах, главными среди которых являются парламентские выборы. Поэтому такая политическая система называется парламентаризм, поскольку парламенту в этой системе принадлежит высшая, верховная власть. Получившая наибольшее число голосов на парламентских выборах партия получает право на формирование правительства как высшего органа исполнительной власти, а лидер правящей партии становится главой правительства, премьер-министром. Партия становится правящей только до следующих парламентских выборов, после которых правящей может стать оппозиционная ей партия.

Как верховный орган власти в демократии парламент осуществляет свои полномочия через законодательную деятельность, то есть принятие законов, имеющие высшую политическую силу в стране. Механизм действия парламентаризма осуществляется через приход к власти той партии, которая предлагает обществу наиболее эффективные способы решения злободневных для общества проблем, что находит свое выражение в избирательной платформе, с которой партия выходит на выборы и предлагает обществу поддержать ее платформу, то есть проголосовать за нее. Если большинство избирателей одобряют предложенную партией программу, то они отдают ей голос и партия набирает большинство депутатских мандатов, становясь правящей в парламенте и получая право на формирование правительства, что

означает право партии на реализацию принимаемых на основе избирательной платформы законов.

Именно через принятие законов в парламенте и их реализацию исполнительными органами власти и гражданскими институтами происходят изменения в обществе, трансформация и, в конечном счете, социальный прогресс в различных сферах общества. Отсюда вытекает особая, центральная роль парламента в политической системе общества. Парламент является иной формой выражения государства, его трех важнейших атрибутов: территории, населения как нации и юрисдикции.

Парламент незыблем как верховный орган власти, никакая политическая сила не может устранить его и установить над ним свое господство. Любая попытка установления господства над парламентом является ничем иным как попыткой государственного переворота, установления диктатуры. Парламент не может принадлежать какой-то одной партии или иной политической организации для выполнения ее воли. Партия может быть главенствующей силой в парламенте в смысле победы на выборах и на этой основе как правящей партии получения права принимать законы в соответствии со своей программой и избирательной платформой. Однако этим правом правящая партия может пользоваться только на период до следующих выборов, но не навсегда.

Как и сам парламент, незыблемым является способ его формирования через выборы, которые должны быть свободными и независимыми, отражая волеизъявление народа. Любая попытка установления контроля над выборами является попыткой государственного переворота, установления диктатуры. Установление контроля над выборами в парламент искажает народное волеизъявление, оно равносильно установлению контроля над самим парламентом, что, как было сказано выше, угрожает основам государственного строя.

Необходимо также отметить, что для реализации принципов и практики парламентаризма решающее значение имеет автономия партий. Это означает, что партии как главные субъекты парламентаризма, сами определяют свою политическую стратегию, тактику и решения. Парламент формируется из партий, которые по результатам парламентских выборов становятся правящими самостоятельно, либо в коалиции с другими партиями, тогда как другие партии, не имеющие большинства депутатских мест в парламенте, переходят в оппозицию. В любом случае партии остаются автономными субъектами политической жизни общества, без всякого воздействия извне определяющими свои действия и поведение как в отношении общества, так и в отношении других партий.

Принцип автономности институтов и субъектов имеет большое значение в политической жизни общества, как и для ее понимания и исследования. Однако особое значение этот принцип имеет для анализа партий и партийных систем, потому что в отличие от других социальных систем партийная система находится в уникальном положении посредствующего звена, медиатора между

гражданским обществом и государством. Как указывает Джованни Сартори, автономность партий и партийной системы является отличным индикатором полиархии как синонима демократии в смысле многовластия, то есть наличия в обществе многих и автономных друг от друга центров власти, а также степени свободы общества по отношению к государству. В частности, можно утверждать, что власть общества над государством связана главным образом с автономностью партийной системы. Это объясняется тем, что автономность других систем может способствовать свободе общества от государства, но оказывается недостаточной для того чтобы способствовать тому, чтобы общество свободно воздействовало на государство [44, р. 41].

Об автономности партии в многопартийной системе можно говорить не только в смысле ее независимости от государства и других политических партий и организаций. Для характеристики партии как автономной системы не менее важен способ ее организации и членства. Как автономная организация партия образуется на добровольной основе безо всякого принуждения для ее создания извне. Партия как политическая организация создается добровольно по воле и желанию людей, решивших ее образовать наподобие частного предприятия или фирмы частными лицами. Аналогичным образом членство в партии является добровольным, а каждый индивид свободен выбирать себе политическую партию в соответствии со своими взглядами, предпочтениями и идентичностью. В этом смысле партийная система как автономная подсистема общества является не только независимой, но и открытой подсистемой [44, р. 42].

В противоположность плюралистической многопартийной системе в однопартийной системе, представляющую собой, как было сказано выше, партию-государство, невозможно представить себе политическую партию как добровольную организацию. Отсутствие автономии партийной системы превращает ее в закрытую систему. Независимо от того, существуют ли в ней ограничения на вхождение в единственную партию или нет, в любом случае система не позволяет ни добровольное создание политических организаций, ни свободный выбор индивидам или группам между альтернативными политическими партиями [44, р. 42].

В плюралистической многопартийной системе, основанной на взаимодействии входящих в систему партий, неизбежно возникают разногласия между партиями и, вследствие этого, институционализируется оппозиция. Однопартийная система партии-государства отрицает всякую возможность разногласия и инакомыслия и поэтому препятствует появлению оппозиции. Партии во множественном смысле (в многопартийной системе) являются инструментами выражения (*expression*) мнений и взглядов своего электората, тогда как партии в единственном смысле (в однопартийной системе) являются инструментами извлечения (*extraction*), в смысле навязывания, своей идеологии обществу. Если можно сказать, что общество формирует партийную систему, то совершенно невозможно сказать, что общество формирует систему партии-государства. Как раз наоборот, это

именно партия-государство формирует общество. Во всех отношениях логика одной системы противоречит логике другой системы [44, р. 42].

В данном разделе диссертации мы хотели бы указать важнейшее различие между плюралистической многопартийной системой и моноцентричной однопартийной системой в аспекте ее связи с политической системой государства. Многопартийная система связана с той формой политической системы, которую следует охарактеризовать как парламентаризм, потому что именно через парламентаризм многопартийная система наиболее адекватно реализует свою роль и функции в политической системе. В то же время однопартийная система амальгамы государства и партии, олицетворяемая в СССР в партийно-государственной номенклатуре, является выражением лже-парламентаризма [124, с. 10-56].

Однопартийная система в СССР систему партии-государства, в которой КПСС и советское государство взаимно предполагали друг друга и выступали как единое целое. КПСС была единственной политической силой советского общества, которая посредством репрессивного аппарата государства подавляла в зародыше появление любых политических тенденций и противоречий, представлявших угрозу монопольному положению партии. КПСС была унифицирующей силой советского общества, речь идет об идеологической и политической унификации. КПСС и советское государство уничтожили любые социальные расколы, которые могли бы образовать альтернативные КПСС политические партии.

С точки зрения теории социальных расколов С. Липсета и С. Роккана становится понятным существование и поддержание в СССР однопартийной системы. Это основано на том, что сложившаяся в Советском Союзе система партии-государства подавляла на корню социальные расколы, которые могли привести к возникновению других, отличных от КПСС политических партий в СССР. Мы проанализировали, как в СССР был ликвидирован социальный раскол «центр-периферия», что привело к разгрому партии «Алаш» и предотвращению появления национальной партии в Казахстане. Таким же образом партия-государство в СССР ликвидировала социальные расколы между церковью и государством, между городом и деревней, а также между трудом и капиталом. Ликвидация социальных расколов под угрозой репрессий со стороны государства вела к невозможности появления альтернативных КПСС политических партий.

Надо понимать, что ликвидация социальных расколов советским государством и КПСС далеко не означала, что стоящие за этими расколами социальные противоречия и конфликты получили свое разрешение. Во многом ликвидация социальных расколов вела только к обострению соответствующих противоречий и конфликтов, приведя, в конечном итоге, к распаду СССР. Несостоятельность советской политики и ее политической системы, в том числе партийной системы, проявилась в период перестройки, когда либерализация общества выявила замалчивавшиеся противоречия, а с

другой стороны, привела к появлению политических сил, деятельность которых привела к разрушению государства.

Это разрушение произошло, прежде всего, по национальным линиям, то есть по линиям социального раскола «центр-периферия». Либерализация политической системы и ослабление репрессивных действий советского государства создали условия для возрождения в национальных республиках этнического раскола и появления на политической арене национальных партий. В Казахстане в конце 1980-начале 1990 гг. появились национальные партии «Азат» и «Алаш», а также движение «Желтоксан». Фактически это были первые партии, появившиеся на политической арене Казахстана еще в советское время, когда Казахстан еще не был независимым государством и доминирующее положение сохраняла КПСС. В этот период национальные партии и движения появились практически во всех советских республиках, причем в балтийских республиках и в Закавказье они сразу же набрали большой политический вес благодаря массовой поддержке коренных наций в этих республиках. Во всех шести балтийских и закавказских республиках национальные партии смогли еще при советской власти победить на выборах и сформировать правительство.

В Казахстане национальные партии были далеки от того, чтобы прийти к власти, не имея поддержки в обществе. В Казахстане, как и в других республиках Центральной Азии, в период перестройки и национальной мобилизации оставались сильными позиции правящей элиты, занимавшей руководящие позиции в советском коммунистическом режиме. В ситуации распада коммунистической системы и идеологии произошел отказ правящей элиты от этой идеологии и переход на идеологию этнического национализма при сохранении интернационалистических элементов в реальной политике управления полиэтничным обществом. В результате националистические партии «Азат» и «Алаш» оказались в маргинальном положении и достаточно быстро сошли с политической арены.

2.3 Становление многопартийности в независимом Казахстане

О периодизации партийной системы в Казахстане

В данном подразделе диссертации будет проанализирована эволюция партийной системы независимого Казахстана. Будут выделены пять основных этапов становления многопартийности в Казахстане, начиная с 1989 г. и до сегодняшнего дня. Политическая жизнь общества испытывает на себе различные воздействия от социальных институтов и процессов как внутреннего, так и внешнего характера, что способствует постоянным изменениям политической системы, включая партии. Анализ развития партий и партийной системы в течение тридцати с лишним лет независимости Казахстана показывает высокий уровень изменчивости партийной сферы политической жизни страны. За этой изменчивостью необходимо увидеть логику развития партийной системы, что позволит понять закономерности

трансформации политической жизни Казахстана и предвидеть перспективы ее будущего развития.

Следует отметить, что отечественные эксперты неоднократно обращались к анализу эволюции политических партий и партийной системы Казахстана в период независимости. Опыт партийного строительства постоянно подвергается тщательному анализу, осмыслению и переоценке. Процесс партиобразования и развития партий может быть представлен на основе периодизаций, предлагаемых отечественными исследователями, в частности, С. Дьяченко и Л. Кармазина [126]. В самом общем виде периодизация выглядит следующим образом:

- 1985-1991 гг. – этап генезиса политических партий и общественно-политических объединений;
- 1991-1995 гг. – этап фрагментарного политического плюрализма;
- 1995-2002 гг. – этап секторального партийного плюрализма;
- 2002-2007 гг. – становление и формирование современного вида партийной системы;
- начиная с 2007 г. – этап институционализации партийной системы с доминирующей партией.

Подобного рода периодизации достаточно широко распространены в казахстанской литературе и используются экспертами для анализа политических партий и партийной системы в нашей стране. Достоинством этой периодизации является то, что она позволяет увидеть эволюцию политических партий и партийной системы Казахстана в широком социально-историческом контексте трансформации политической системы сначала советской республики, а затем независимого государства. Благодаря этому можно проследить влияние политической, идеологической, избирательной и других систем общества на партии и партийную систему Казахстана в историческом разрезе. Это говорит о том, что такой широкий подход к анализу становления партий и партийной системы в обществе, где на протяжении длительного периода господствовала однопартийная коммунистическая система, является в значительной мере релевантным, можно даже сказать необходимым.

Вместе с тем необходимо отметить, что такой подход к исследованию партий и партийной системы Казахстана не является универсальным, но содержит в себе известные ограничения, которые сказываются на понимании закономерностей становления и функционирования партий и партийной системы в нашей стране. Всеохватность какой-либо методологии имеет несомненные преимущества в исследовании объекта анализа, но в то же время страдает серьезным недостатком эмпиричности, когда внимание эксперта фиксируется на внешних, видимых проявлениях воздействия различных социальных систем на зарождение и формирование партий и партийных систем, упуская при этом сущностные моменты, составляющие специфику изучаемого объекта, отличающего его от других объектов социальной реальности.

Специфика партий и партийных систем в политической реальности общества состоит в их парламентаризме, проявляющемся во вхождении партий во власть через завоевание мест в парламенте и связанном с этим ее участии в законодательной и исполнительной власти. Именно на основе этой специфики построены современные исследования партий и партийных систем в обществе. На этой основе взаимосвязи партий и парламента мы хотим здесь предложить свое видение эволюции политических партий и партийной системы в независимом Казахстане.

Партия как посредник между гражданским обществом и государством

В политической науке давно утвердилось положение, что политическая партия является посредником между гражданским обществом и государством. Широко используется это положение и в казахстанской литературе по политическим партиям. При этом необходимого разъяснения этого положения практически никем из авторов, пишущих на тему политических партий, практически не дается. Мы считаем, что без анализа и прояснения положения о политической партии как посреднике между гражданским обществом и государством невозможно в полной мере раскрыть становление и развитие партийной системы Казахстана. При этом мы будем опираться на указанное выше утверждение о взаимосвязи партий и парламента как сущностном для понимания партий и партийных систем.

Большинство политических партий зарождаются снизу, в гражданском обществе, с целью решения стоящих перед социальными группами и стратами проблем. Партии видятся людям как политические инструменты, с помощью которых они могут войти во власть и, пользуясь механизмами власти, найти решение своих проблем. Но в обществе существует множество социальных групп с различными, порой противоречащими друг другу интересами, поэтому создаваемые партии входят между собой в конкуренцию за право войти в парламент как институт законодательной власти, потому что только через принятие законов социальные группы могут решить свои проблемы. В условиях политической конкуренции партиям необходимо искать поддержку в обществе, потому что только с расширением и углублением связей с гражданским обществом у партий возрастает потенциал для избрания в парламент. При этом чем шире у партии поддержка в обществе, тем большее количество депутатских мест в парламенте завоевывает партия и тем больше у нее возможностей для принятия законов в интересах тех групп и слоев общества, которые партия представляет в парламенте.

Рассматривая партии как посредника между гражданским обществом и государством, мы в той или иной мере обращаемся к теории репрезентации, или представительства, в современных демократических обществах. Если говорить о современной демократии, то одной из важнейших ее характеристик является ее представительский, репрезентативный характер. Поскольку партии, как отмечает Ричард Катц, являются необходимым и неизбежным элементом процессов представительства, это означает, что рассмотрение места

партий в демократической теории закономерно предполагает анализ места партий в теории репрезентации [127].

Если партии репрезентируют, представляют свои социальные группы или округа, то парламент, состоящий из партий, выступает как представитель всего народа, общества как ансамбля его социальных групп, представленных своими партиями. Как представитель всего народа парламент обладает верховной властью в государстве, о чем мы указывали выше, когда указывали на парламентаризм как важнейшую характеристику партийной системы в современном обществе. Мы указывали, что в советской коммунистической системе с ее однопартийным режимом при существовании Верховного Совета как органа законодательной власти на самом деле имела место практика лжепарламентаризма. Вследствие этого в СССР установился диктаторский режим, в котором однопартийная система играла главную роль.

После обретения независимости в Казахстане произошел отказ от коммунистического режима и переход к демократической представительской системе, в которой парламенту принадлежит ведущая роль. Двухпалатный парламент в независимом Казахстане, как указано в его конституции, является самостоятельной ветвью власти наряду с исполнительной и судебной властями, высшим органом представительной власти, осуществляющей законодательные функции [6, с. 3-77]. Ведущая роль парламента в государственной власти дала толчок появлению политических партий, которые в условиях парламентаризма сформировали партийную систему Казахстана.

Когда мы говорим о партии как посреднике между гражданским обществом и государством, то необходимо понимать, что далеко не все из них успешно выполняют эту роль. Критерием здесь является участие в местных и парламентских выборах и процент голосов, который партия набирает на выборах. Если партия набирает много голосов на выборах и получает достаточно депутатских мест в выборных органах власти, то она может более эффективно выполнять представительские функции. Если же партия набирает мало голосов на выборах, значит, она не получает необходимой поддержки от своего электората и не может эффективно выполнять функции представительства своего электората. Такая партия имеет низкую поддержку в обществе, следовательно, она не может стать политическим субъектом.

Специфика партий как политических субъектов состоит, как было сказано выше, в их парламентаризме, то есть стремлении войти в парламент и стать частью законодательной власти. При этом необходимо помнить, что парламент является только частью государственной власти, принимающей законы. Но законы нужно не только принимать, но и исполнять, а для этого партия должна входить в исполнительную власть. В этом случае можно говорить о высоком уровне политической субъектности партии.

Впрочем, политическая субъектность партии может проявляться не только посредством участия в принятии и исполнении законов, но также и через критику и иные формы оппонирования при обсуждении законов.

Оппозиционные партии в парламенте могут сильно влиять на политические процессы в обществе через оппонирование и другие формы воздействия на общественное мнение. Такая деятельность оппозиционных партий направлена на то, чтобы изменить общественное мнение в свою пользу и на следующих выборах на волне критики правящей партии прийти к власти.

Различные теории политических партий и партийных систем изучают главным образом партии с высоким уровнем политической субъектности, регулярно участвующих в парламентских выборах и набирающих на них, как правило, достаточно высокий процент голосов, чтобы стать правящей партией или участвовать в правящей коалиции, либо быть главной оппозиционной силой. Партийные системы, исследуемые в этих теориях, состоят именно из партий с высокой политической субъектностью. Рассмотренные выше классификации партийных систем Дюверже, Сартори и других анализируют только те партийные системы, в которые входят партии, всегда присутствующие в парламенте и входящие в правящую коалицию, либо находящиеся в оппозиции, но обладающие потенциалом выиграть на следующих выборах. Классификации партийных систем как двухпартийных, трехпартийных или вообще многопартийных основаны на анализе именно таких партий и электоральных кампаний.

Классификации партий и партийных систем Дюверже, Сартори и других имеют универсальный характер, то есть применимы для исследования партий и партийных систем не только на Западе, но и в других регионах мира, включая постсоветское пространство и Казахстан. Поэтому мы рассмотрим здесь зарождение и развитие партий и партийных систем в Казахстане под углом зрения связи партий с парламентом и, соответственно, с формированием партийных систем сквозь призму формирования коалиций и оппозиционной деятельности в рамках парламента. Именно такой подход к изучению партий и партийной системы Казахстана в наибольшей мере соответствует теориям и методам их исследования, разработанным в научной литературе на основе западного и мирового опыта партийных систем.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что применение разработанных в мировой литературе теорий и методологии исследования партийных систем требует определенных ограничений. В советский период теории и методологии исследования партий и партийных систем не могли быть применены к изучению коммунистической однопартийной системы в силу ее полной несовместимости с мировым опытом функционирования в обществе партий и партийных систем. После распада СССР и коммунистической системы в новых независимых государствах возникли новые партии и многопартийная система, однако в своем развитии они столкнулись с проблемами, которые в определенной мере препятствуют применению научного аппарата их исследования. Это касается, в частности, основной для исследования партий и партийных систем предпосылки взаимосвязи партий и парламента как основы функционирования политической системы общества и государства.

В соответствии с рассмотренной выше теорией С. Липсета и С. Роккана для возникновения политических партий в обществе должны сформироваться социальные расколы как противоречия и конфликты социальных групп, для решения которых вовлеченные в конфликт группы создают партию [45, р. 3-250]. Однако, как показали исследования западных и российских ученых, в СССР была создана социально-политическая система, в которой не допускалось и не могло возникнуть социальных расколов. Иначе говоря, в СССР была по существу ликвидирована социальная основа для возникновения политических партий и многопартийной системы.

В значительной мере это утверждение, как было показано выше, относится к Казахстану, где в досоветский период социальная структура господствовавшего в то время кочевого общества имела традиционный характер. Социальные расколы только начали в этом обществе проявляться только по линии центр-периферия на основе противоречий между казахским населением и колониальной администрацией по национально-этническому и земельному вопросу, на основе которого в Казахстане появилась первая политическая партия «Алаш». На рубеже 1980-1990-х гг. в Казахстане стали появляться организации и движения на национальной основе, которые можно было считать протопартиями. Однако в силу слабости социальных расколов политические организации не стали партиями и не смогли стать популярными в казахстанском обществе. Во многом это относится и к другим политическим партиям, появившимся в этот период и позднее.

Если говорить о парламенте, то его роль для исследования партий и партийных систем является, как мы неоднократно подчеркивали, является первостепенной в силу связи парламента с политическими партиями для его формирования и деятельности. Однако в постсоветских государствах связь парламента с политическими партиями проявилась далеко не сразу и сегодня не выглядит столь же однозначной, что мы видим в других регионах мира и даже в посткоммунистических странах. Так, например, в Казахстане в начале 1990-х гг. был по существу не связан с политическими партиями (до 1994 г.) или же связан опосредованно (до 1999 г.), затем в очень ограниченной мере (до 2007 г.) и только с 2007 г. стал полностью формироваться на партийной основе. Поэтому исследование эволюции партий и партийной системы в независимом Казахстане на основе разработанных в мировой литературе теорий и методологий следует достаточно осторожно, учитывая постсоветскую специфику социально-политического развития страны и связанные с этим особенности зарождения и функционирования партий и партийной системы в стране.

Имея в виду сказанное, мы предлагаем периодизацию эволюции партий и партийной системы в независимом Казахстане на основе изучения связи партий и парламента. По нашему мнению, можно выделить пять этапов эволюции политических партий в их связи с парламентом.

Первый этап зарождения и формирования партий и партийной системы Казахстана относится к 1990-1994 гг. Этот этап можно определить как

внепарламентскую многопартийность или же как беспартийный парламент, поскольку в этот период в Верховном Совете XII созыва, к деятельности которого относится выделяемый нами этап эволюции партийной системы Казахстана, до августа 1991 г. была только одна партия (коммунистическая), а затем вообще ни одной партии [6, с. 3-76].

Второй этап эволюции партийной системы Казахстана относится к 1994-1999 гг. Этот этап мы определяем как неинституционализированную партийность парламента Казахстана. Этот этап связан с Верховным Советом РК последнего XIII созыва и Мажилисом парламента РК первого созыва. В этих парламентах уже появились партии в виде их представителей, которые избирались по мажоритарным округам и не были институционально связаны со своими партиями ни в период выборов, ни в последующей деятельности парламента [128].

Третий этап эволюции партийной системы Казахстана относится к 1999-2007 гг. Его мы определяем как этап ограниченной партийности парламента Казахстана в рамках основной мажоритарной избирательной системы. Этот этап связан с Мажилисом парламента РК третьего (1999-2004) и четвертого (2004-2007) созывов. В этот период действовала смешанная мажоритарно-пропорциональная избирательная система, при которой 90% депутатов избирались по мажоритарным округам и только 10% на основе пропорциональной системы по партийным спискам. Партийность парламента на этом этапе носила очень ограниченный, но вполне институциональный характер [17, с. 119; 129].

Четвертый этап эволюции партийной системы Казахстана относится к 2007-2022 гг. Его мы определяем как этап партийной институционализации парламента в рамках суперпрезидентского режима. Этот этап связан с Мажилисом парламента РК пятого (2007-2011), шестого (2012-2016), седьмого (2016-2020), восьмого (2021-2022) созывов. В этот период Мажилис полностью формировался на основе пропорциональной избирательной системы на основе партийных списков, при этом во всех созывах парламента большинство депутатских мест забирали представители партии власти Нур Отан [2].

Пятый этап эволюции партийной системы Казахстана относится к 2022-2023 гг., то есть происходит на наших глазах. Мы определяем его как этап партийной институционализации парламента в рамках преодоления суперпрезидентского режима. Этот этап начался после январских событий 2022 г., когда началось реформирование политической системы Казахстана, направленное на формирование Нового Казахстана на основе формулы президента К.К. Токаева «Сильный президент-влиятельный парламент-ответственное правительство» [1; 18, р. 42-49].

Беспартийный парламент: осторожность с многопартийностью и парламентаризмом (1990-1994)

Выделяя пять основных этапов эволюции партийной системы независимого Казахстана, мы определили ее первую начальную стадию в

1990-1994 гг. как беспартийный парламент или внепарламентскую многопартийность. Последнее означает беспрецедентную для Казахстана политическую активность во второй половине 1980-первой половине 1990-х годов, проявившуюся в появлении многочисленных общественных организаций, на основе которых впоследствии возникли политические партии. Как отмечает Юрий Булуктаев, формированию многопартийности в Казахстане предшествовали этапы развития политизированного самодеятельного движения:

– этап клубных структур (осень 1986-февраль 1989 гг.) – создание молодежных политических дискуссионных клубов, неформальных объединений, экологических групп;

– этап общенационального движения (конец февраля 1989-начало 1990 гг.) – образование движения «Невада-Семипалатинск», обществ «Мемориал», «Адилет», «Қазақ тілі» и другие;

– этап политической дифференциации (начало 1990-конец 1991 гг.) – формирование партийных структур, появление социал-демократической партии, партии «Алаш», гражданского движения «Азат» [9, с. 11-12].

Из этих общественных организаций впоследствии возникли политические партии, зарегистрированные министерством юстиции. Самые первые политические партии – Социалистическая партия и Народный конгресс Казахстана были зарегистрированы 21 октября 1991 г. [9, с. 21]. С этого момента в Казахстане пришел конец коммунистической однопартийности и наступило время многопартийности, поскольку за указанными двумя партиями в 1992 г. была также зарегистрирована Республиканская партия «Азат». Из этих трех партий две возникли из общественных организаций, а именно, Народный конгресс возник на основе общественного движения «Невада-Семипалатинск», а партия «Азат» появилась в результате выделения из гражданского движения «Азат». Социалистическая партия возникла в результате роспуска Компартии Казахстана. 7 сентября 1991 г. состоялся чрезвычайный съезд КПК, принявший решение о роспуске компартии и создании новой партии, получившей название Социалистическая партия Казахстана.

В результате роспуска Компартии Казахстана в структуре Верховного Совета республики (в тот момент Казахстан еще был в составе СССР, который распадется позже в декабре 1991 г.) XII созыва с августа-сентября 1991 г. не осталось политических партий, он превратился в беспартийный парламент. При этом необходимо иметь в виду, что буквально через месяц, в октябре 1991 года, в Казахстане были зарегистрированы две политические партии, а в 1992 году появилась еще одна зарегистрированная партия. Возникла интересная ситуация, когда в парламенте Казахстана не было политических партий, а вне парламента при этом уже существовало три партии.

Если говорить о количестве зарегистрированных в 1992 г. в Казахстане политических партий, то оно представляется ростом в сравнении с существовавшей 70 лет одной партией, имевшей неограниченную власть в

Советском Союзе. Однако, если сравнить 3 зарегистрированные партии в Казахстане с большим ростом многопартийности в посткоммунистических странах восточной Европы, то такое количество партий в нашей стране выглядит, конечно, недостаточным для того, чтобы говорить о существовании многопартийной системы в стране. Необходимо иметь в виду и то, что и Казахстан, и страны восточной Европы имели, можно сказать, равные стартовые условия однопартийности в коммунистический период своей истории.

Следует отметить, что в Казахстане в конце 1980-начале 1990-х гг. существовало значительно больше политических партий и общественных движений, чем три зарегистрированные партии, однако многие из них не имели государственной регистрации. На это указывает Ю. Булуктаев: «Отличительной чертой периода первой половины 1990-х годов было существование множества политических партий и социальных движений, являвшихся участниками политических процессов, но по различным причинам не получивших юридического основания на законную деятельность в обществе» [9, с. 47].

В результате сложилась интересная ситуация с регистрацией и работой политических партий и общественных объединений в первой половине 1990-х годов. По словам эксперта, можно говорить о существовавших в то время легальных, разрешенных и зарегистрированных государством, действующих в рамках закона, и полуперегнольных, незарегистрированных, но в то же время незапрещенных партиях и общественных организациях. Характеризуя ситуацию того времени, Р.С. Сартаев делает вывод, что хотя становление многопартийности в стране в основном произошло, тип партийной системы пока еще не устоялся и о завершенности формирования многопартийности утверждать было преждевременно [130].

Из сказанного можно заключить, что у власти в первой половине 1990-х годов существовало настороженное отношение к резко возросшему разнообразию социально-политических интересов, выражаемых многочисленными партиями и общественными организациями. Выражая эту настороженность, президент Нурсултан Назарбаев в книге «На пороге XXI века», написанной в середине 1990-х гг., откровенно говорил: «Существенным своеобразием становления партийной системы в Казахстане является ее формирование «сверху». Но, к сожалению, до настоящего времени политические партии все еще не смогли преодолеть болезни роста. Многопартийность доводится до абсурда. Возникают десятки и сотни партий, которые иногда возглавляют просто авантюристы. В сочетании с острыми социальными, политическими, этническими, конфессиональными, клановыми конфликтами это превращает плюрализм и политические свободы в пустые лозунги, средство дестабилизации общества» [131].

В определенном смысле настороженность власти опиралась на схожую реакцию общества на высокий уровень социально-психологической турбулентности в переходном обществе Казахстана, как и во всех других

посткоммунистических странах. На это обращает внимание Джек Беласяк, исследуя отношение посткоммунистических обществ к многопартийности и другим явлениям раннего транзитного периода. Его рассуждения представляются нам интересными для понимания отношения общества и партий в процессе перехода от коммунистической системы однопартийности к многопартийности в транзитном обществе.

Д. Беласяк отмечает, что ликвидация монополии коммунистической партии порождает надежды и создает возможности для амбициозных личностей приблизиться к власти и даже захватить ее. Политические перспективы для таких людей представляются широкими, поскольку действующие в обществе партии не могут привлечь на свою сторону те или иные социальные группы. Организации разделяются или перегруппируются, чтобы выдвигать новые программы и инициативы; партийные программы и платформы размыты; политики появляются из ниоткуда, чтобы попытаться счастья в борьбе за власть. В этой ситуации политические предпочтения избирателей становятся еще более запутанными. Политическая поддержка партий оказывается крайне неопределенной, а партийная система характеризуется высокими уровнями волатильности между выборами, а эффективное число партий в переходных обществах значительно выше, чем в институционализированных системах. Фракционализация и волатильность партийных систем способствует политическому хаосу, провоцируя экспериментирование с институциональными условиями: электоральные правила становятся подверженными манипуляции в надежде установить более устойчивую партийную систему. Такое понимание перехода к партийной системе посткоммунистического типа определяется как «чистый лист бумаги» (*tabula rasa*) [46, p. 190]. Через связанную с этим подходом политическую практику проходят все посткоммунистические общества.

В то же время посткоммунистические общества вырабатывают в отношении многопартийности и другой подход, называемый экспертами структурным. В отличие от чистого листа структурная перспектива видит посткоммунистические государства как определенные партийные системы. Политические и социологические аргументы относятся здесь соответственно к траекториям перехода и политическим связям между электоратом и партиями. Важный политический аргумент касается процесса зависимости от предыдущего пути развития (*path-dependent process*), охватывающего тип коммунистического режима, способа транзита и баланса между режимом и оппозицией, воздействующего на электоральные технологии [132]. Но пути-исторические траектории различаются между собой. Некоторые из путей ведут к нестабильным политическим результатам, но другие создают хорошо отрегулированные партийные системы. Другие ученые обращают внимание на электоральный «фильтр», обменные механизмы конкурентной политики, которая превращает чистое посткоммунистическое пространство в структуру, определенную политическими партиями, представляющими электорат и социальные деления [133, 134].

Социальноэкономическая дифференциация вполне вписалась в переходное общество, приобретая форму экономических, культурных, этнических или демографических расколов; эти социальные деления порождают идентичности и интересы, которые трансформируются в партийные предпочтения [135]. Это утверждение остается справедливым даже в том случае, когда в той или иной посткоммунистической стране не было исторического опыта партийной идентификации или социальных капитал посредствующих ассоциаций остается неразвитым, поскольку социальноэкономические условия предоставляют достаточные механизмы для стратегического политического поведения [107, р. 3-56]. Сказанное не означает, что посткоммунистические партийные системы являются консолидированными, но из него следует, что граждане и политики достаточно быстро учатся действовать в новых социально-экономических условиях, руководствуясь своими хорошо усвоенными интересами, двигаясь в направлении прочных характеристик политических устройств, которые, как они считают, должны появиться достаточно скоро [132, р. 487-510].

Сопоставляя два подхода в оценке и поведении населения и элит политических реалий посткоммунистического транзита, можно заключить, что в отличие от осторожного подхода «чистого листа» с его акцентом на неопределенных институтах и процессах, структурный подход подчеркивает решающее значение интересов как ключевых маркеров для политических идентичностей даже в неопределенных условиях посткоммунистической трансформации. Эти идентичности формируют электоральные предпочтения, оттачивающих партийные системы в условиях разнообразия путей, зависящих от типов коммунистического режима, траекторий исторического развития, и мощи политических сил в процессе транзита [121, р. 3-40].

В Казахстане доминирующим оказался подход «чистого листа», что проявилось в настороженном отношении к новым политическим партиям, число которых оказалось небольшим и не соответствовало зарождающимся интересам различных слоев населения. С другой стороны, осторожный подход правящей элиты проявился и в отношении парламента, который сыграл большую роль в посткоммунистическом транзите в восточной Европе. В странах восточной Европы с уходом коммунистического режима произошла смена государственных органов власти в направлении парламентаризма. Здесь главную роль сыграло возрастание роли парламента как верховной власти государства, в котором главную роль играли политические партии.

В Казахстане не произошло структурной перестройки парламента, которым по-прежнему оставался сохранившийся практически без изменений Верховный Совет, приспособленный для однопартийной системы коммунистического режима. С ликвидацией Компартии Казахстана Верховный Совет РК двенадцатого созыва более двух лет оставался беспартийным, не имеющим в своем составе политических партий, хотя вне парламента уже существовали новые партии, прошедшие государственную регистрацию. Пользуясь теоретическими концепциями партийных систем в

условиях посткоммунистического транзита, мы можем интерпретировать ситуацию с партийной системой и парламентом Казахстана как достаточно четко выраженное проявление в обществе и в правящей элите доминирования перспективы «чистого лица».

Заключая анализ первоначального этапа эволюции партийной системы Казахстана, мы можем сказать, что уже на самой ранней фазе независимости страны не произошло соединения партий и парламента. Два политических института, смысл существования которых состоит в выражении интересов различных социальных групп и слоев общества, оказались разъединенными, изолированными друг от друга. Верховный Совет РК двенадцатого созыва, несмотря на свою настроенность на преобразование казахстанского общества и принятие ряда важнейших решений, прежде всего указа о независимости и образовании Республики Казахстан, оказался по своей структуре беспартийным органом. В то же время политические партии, зарегистрированные и незарегистрированные исполнительной властью, горели желанием войти в состав парламента, но не могли этого сделать в силу отсутствия соответствующих законов. В результате политические партии не получили институциональной поддержки от парламента для формирования партийной системы, а парламента в свою очередь не получил от партий возможностей для своей институциональной трансформации.

3 ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ПАРЛАМЕНТА В КАЗАХСТАНЕ

3.1 Партийная система и парламентаризм в Казахстане

Неинституционализованный партийность парламента Казахстана (1994-1999)

Мы переходим к рассмотрению второго этапа эволюции партийной системы Казахстана, который относится к периоду 1994-1999 гг. В основе нашей периодизации лежит, как было сказано, взаимосвязь политических партий и парламента, которая основана на формировании парламента партиями, когда весь состав законодательного органа или его часть составляют депутаты, избранные от политических партий. Независимо от электоральной формулы выборов в парламента, мажоритарной или пропорциональной, депутаты избираются по партийным спискам или на индивидуальной основе, но как представители партий. Это означает, что и на выборах и в дальнейшем в парламенте депутат полностью идентифицирует себя и выступает от лица партии, представляя электорату предвыборную платформу и в случае избрания в парламента реализуя ее через разработку и принятие законов. Избранный от партии депутат полностью подчиняется партийной дисциплине и решениям руководства партии и партийной фракции в парламенте. В этом случае мы говорим об институционализации партийности парламента.

Если обратиться к взаимоотношениям политических партий и парламента в Казахстане в указанный период, то партийной институционализации парламента мы не видим. Речь идет о двух парламентах этого периода – Верховном Совете РК тринадцатого созыва и Мажилесе первого созыва парламента РК. Эти парламента значительно различаются между собой по многим характеристикам, но в то же время имеют многие общие черты, главной среди которых является отсутствие институционализации мест и роли партий в деятельности парламента. Мы рассмотрим оба парламента в хронологическом порядке, а именно, сначала Верховный Совет РК тринадцатого созыва (1994-1995) и Мажилесе первого созыва парламента РК (1995-1999).

Выборы в Верховный Совет РК тринадцатого созыва состоялись в марте 1994 г. Электоральная формула этих выборов в сравнении с выборами в ВС РК двенадцатого созыва не изменилась, это была мажоритарная избирательная система, в которой кандидаты конкурировали между собой в одномандатных округах за большинство голосов избирателей в два тура (при необходимости). По существу, Верховный Совет как орган советской системы государственной власти избирался по советской избирательной системе, которая не предполагала участия в выборах политических партий и их конкуренции за депутатские места. Справедливости ради следует сказать, что эти выборы отличались от стандартных советских выборов появлением конкуренции кандидатов, но это важное изменение произошло еще в советский период. Так,

выборы в Верховный Совет Казахской ССР двенадцатого созыва в марте 1990 года проводились на конкурентной основе, причем конкуренция была высокой и принесла несколько неожиданных результатов.

Трансформация политической системы Казахстана предполагала в первую очередь трансформацию избирательной системы, но она осталась неизменной. В этом плане будет справедливым утверждение, что с самого начала независимости Казахстана продолжалось доминирование в сознании масс и правящей элиты подхода «чистого листа», отличавшегося осторожным отношением к новым институтам, в том числе к партиям и законодательной власти.

Впрочем, определенные изменения количественного и качественного характера в институциональной структуре избираемого Верховного Совета по сравнению с предыдущим ВС произошли. Если в ВС двенадцатого созыва было 360 депутатов, то в ВС тринадцатого созыва произошло двойное сокращение депутатского корпуса, то есть число депутатов сократилось до 177, из которых 42 депутата проходили по государственному списку, подписываемому президентом Казахстана, а 135 депутатов избирались по мажоритарным округам. Во-вторых, новый парламент становился профессиональным, то есть работал на постоянной основе, а не по сессиям как в советское время. В-третьих, регламент нового парламент допускал появление в нем депутатов от партий, но избираемых по мажоритарной системе на внепартийной основе.

В результате выборов в марте 1994 г. в ВС РК тринадцатого созыва были избраны 39 депутатов от Союза народного единства Казахстана (СНЕК), 14 депутатов от Социалистической партии, 13 от Народного конгресса, 12 от Федерации профсоюзов, 4 от Славянского движения «Лад» и т.д. Эти депутаты избирались по одномандатным округам или утверждались президентом по государственному списку, но при этом не указывали своей партийной принадлежности. Став депутатами, они заявляли о том, что входят в ту или иную партию или общественную организацию и даже образуют со своими однопартийцами в парламенте партийную фракцию. Хотя, как отмечает Ильяс Карсаков, законодательной и нормативно-правовой базы для оформления партийных фракций в то время не существовало [136].

Партийные фракции в Верховном Совете РК тринадцатого созыва существовали во многом номинально, не имея институциональной основы для своего функционирования. Отсутствие институциональной основы связи партий с парламентом проявлялось с самого начала, то есть с избирательной кампании в парламент. Электоральная база допускала связь партий с парламентом, но в значительной мере номинально. На это противоречие взаимосвязи политических партий с Верховным Советом указывает Карсаков, отмечая, что, с одной стороны, партийная принадлежность половины депутатского корпуса позитивно влияла на образование полноценных партий, выполняющих все специфические функции, свойственные объединениям подобного рода. С другой стороны, в момент выборов в избирательных

бюллетенях указывались только фамилии кандидатов в парламент и не указывались данные о партийной принадлежности [136, с. 16].

Более того, как отмечает другой казахстанский эксперт Ермухамет Ертисбаев, характерной чертой выборов в Верховный Совет тринадцатого созыва стал феномен скрытия партийной принадлежности или дистанцирования от политических объединений кандидатов в депутаты [137]. В этом мы видим еще одно проявление широкого распространения в транзитном Казахстане настороженного отношения масс и правящей элиты к партиям и другим политическим институтам в социально-психологическом духе «чистого листа бумаги».

Для партийной институционализации в стране ключевое значение имеет электоральная институционализация. Важнейшим показателем последней является электоральная формула, но она осталась в Казахстане неизменной в виде мажоритарной системы по одномандатным округам. Эта электоральная формула, как показывает мировой и посткоммунистический опыт, не очень благоприятствует партийной институционализации. Не случайно в большинстве посткоммунистических стран уже в самом начале 1990-х годов отказались от мажоритарной системы и перешли к смешанной мажоритарно-пропорциональной системе или даже к чисто пропорциональной электоральной формуле.

В то же время на выборах 1994 г. изменился другой показатель электоральной системы, который называется размер парламента, то есть количество депутатских мест, открытых для избрания населением. Если в ВС двенадцатого созыва было 360 депутатских мест, избираемых населением, то в ВС тринадцатого созыва общее количество депутатских мест сократилось в два раза, стало 177 мест. Из них 42 места заполнялись депутатами из государственного списка, то есть без голосования. Следовательно, открытыми для прямого голосования населением оставались только 135 депутатских мест, то есть произошло почти трехкратное сокращение по сравнению с ВС двенадцатого созыва.

На выборах 1994 г. В Казахстане при неизменной мажоритарной электоральной формуле произошло резкое, трехкратное сокращение размера парламента, открытого для заполнения депутатских мест через прямое голосование населением. Уменьшение размера парламента привело к резкому увеличению важнейшего показателя электоральной системы, называемого размером округов. Если на парламентских выборах 1990 г. в Казахстане было 360 одномандатных округов, то в 1994 г. количество округов уменьшилось до 135, но при этом почти в три раза увеличилось количество избирателей в одном округе. Это означает трехкратное увеличение конкуренции для представителей партий в борьбе за депутатские мандаты.

Мы можем заключить из сказанного, что электоральная система в первой половине 1990-х гг. мало благоприятствовала развитию партийной системы и парламента, их институциональному соединению. К тому же ее нарушения в отдельных округах в период выборов 1994 г. привели к тому, что

на основании заявлений некоторых кандидатов в депутаты Конституционный суд РК признал как выборы, так и избранный на них парламент нелегитимным. Менее чем через год после своего избрания Верховный Совет РК тринадцатого созыва указом президента был распущен.

В 1995 г. произошли крупные изменения в политической системе Казахстана, которые коснулись законодательной власти. 30 августа 1995 г. была новая конституция Казахстана, приведшая к установлению в стране суперпрезидентской власти. Изменения в законодательной власти проявились с появлением двухпалатного парламента вместо Верховного Совета. Новый парламент с момента своего образования состоит из двух палат. Верхняя палата Сенат включает в свой состав представителей регионов Казахстана плюс семь (с 1995 по 2017 гг.) депутатов, назначаемых президентом. Сенаторы избираются на основании косвенного избирательного права. Нижняя палата Мажилис в момент своего образования включала в свой состав 67 депутатов, избираемых прямым голосованием населения.

Несмотря на заметное изменение формы парламента, важнейшее для его функционирования качество его связи с политическими партиями фактически не изменилось. И Мажилис, и Сенат остались беспартийными парламентами, как и предшествовавший им Верховный Совет. Электоральная формула выборов парламента по-прежнему осталась мажоритарной системой, по которой депутаты Мажилиса избирались по одномандатным округам. Как мы писали выше, электоральная формула является важнейшим показателем электоральной системы, влияющей на институционализацию партийной системы.

На негативное влияние мажоритарной электоральной формулы на партийную систему Казахстана указывает Ю. Булуктаев: «Построенная по мажоритарному принципу избирательная исключала прямое участие партий в предвыборной борьбе, которая носила исключительно персонифицированный характер. В условиях развития казахстанского общества в переходный период аполитичное в своем большинстве население республики обычно голосует за кандидата, исходя из личностных критериев, независимо от его партийной принадлежности» [9, с. 71]. Здесь эксперт подтверждает высказанное нами ранее мнение о доминировании в общественном сознании переходного казахстанского общества социально-психологической установки «чистого листа бумаги».

Кроме этого Булуктаев обращает внимание на другой отрицательный момент влияния мажоритарной системы на развитие политических партий и партийной системы Казахстана. Речь идет о слабой партийной дисциплине избранных депутатов от партий. Политические партии не имели каких-либо механизмов воздействия на своих депутатов, что делало последних независимыми от выдвинувших их партий и позволяло им проводить в Парламенте собственную политическую линию, противоречащую партийным интересам [9, с. 71]. Имея таких безответственных перед партией депутатов,

она теряет возможность проводить свою политическую линию в парламенте и, соответственно, теряет доверие своих избирателей.

Другим отрицательным последствием трансформации законодательной власти при переходе к суперпрезидентскому правлению стало дальнейшее уменьшение размера парламента. Количество депутатских мест, избираемых прямым голосованием, было утверждено в конституции как 67, что означало сокращение вдвое в сравнении с 135 местами в Верховном Совете РК тринадцатого созыва, что в свою очередь было сокращением почти в три раза в сравнении с ВС РК двенадцатого созыва. В результате при двукратном уменьшении количества избирательных округов произошло снижение абсолютного числа зарегистрированных кандидатов в 2,6 раза [16, с. 140].

Выше мы указывали, что электоральный индикатор размера парламента тесно связан с индикатором размера избирательных округов. Между ними существует обратная связь: чем меньше размер парламента, тем меньше число избирательных округов, но одновременно растет число избирателей в каждом электоральном округе. Это увеличивает конкуренцию между кандидатами, включая и партии, которым приходится бороться в более жестких условиях. В таких условиях в транзитном обществе преимущество получают провластные партии, тогда как оппозиционные партии проигрывают, либо отказываются участвовать в выборах. Именно такая ситуация произошла на выборах 1995 г., в которых политические партии приняли менее активное участие. Это объясняется тем обстоятельством, отмечает Булуктаев, что оппозиционные партии практически в этих выборах не участвовали [9, с. 66].

Именно размер парламента и соответствующий ему индикатор размера округа на выборах 1995 г. оказал решающее влияние на изменение состава партий, представленных в парламенте после выборов 1994 г. и выборов 1995 г. По итогам выборов 1994 г. в пятерку ведущих партий и общественных объединений в Верховном Совете РК тринадцатого созыва входили: СНЕК, Федерация профсоюзов, Народный конгресс, Соцпартия, «Лад». Кроме СНЕК остальные четыре партии и объединения в этой пятерке входили в оппозиционный координационный совет «Республика». По итогам выборов 1995 г. в пятерку ведущих партий и общественных объединений вошли ПНЕК (бывший СНЕК), Инженерная академия, Демократическая партия, Крестьянский союз, Федерация профсоюзов. Из этой пятерки более или менее оппозиционной можно считать Федерацию профсоюзов, тогда как остальные четыре партии и организации имели явную провластную ориентацию.

Наконец, мы можем посмотреть на складывающуюся в 1990-х годах многопартийность в Казахстане с точки зрения типологии партийных систем Джованни Сартори на количественной основе. В этой типологии Сартори выделяет семь классов партийных систем:

- 1) однопартийная;
- 2) гегемонистская;
- 3) доминантная;
- 4) двухпартийная;

- 5) ограниченный плюрализм;
- 6) экстремальный плюрализм;
- 7) атомизированная [44, p. 110].

По мнению известного специалиста по партийным системам Риккардо Пелиццо, с позиции типологии Сартори многопартийность в Казахстане по результатам парламентских выборов 1994 г. может быть охарактеризована как атомизированная [42, с. 126].

Этот тип партийной системы Сартори рассматривает как остаточный по отношению к остальным шести типам своей классификации в том смысле, что, если они требуют для своего анализа тщательного подсчета числа партий, то в атомизированной системе число партий не имеет никакого значения. В стране может быть десять, двадцать и больше партий, но это, указывает Сартори, не имеет никакого значения [44, p. 111]. Нам представляется, что данная Пелиццо характеристика партийного поля в Казахстане после парламентских выборов 1994 г. вполне соответствует атомизированной партийной системе по типологии Сартори. Множество действовавших в тот период зарегистрированных и незарегистрированных партий не имели никакого влияния на политическую систему страны, поэтому их число не имело какого-либо значения. Атомизированная партийная система мало чем отличалась от беспартийного общества, поэтому мы охарактеризовали парламент этого периода как беспартийный.

Сложившуюся после парламентских выборов многопартийность в Казахстане Пелиццо характеризует, опираясь на типологию Сартори, как ограниченный, умеренный плюрализм [42, с. 126]. К этому типу Сартори относит партийные системы с количеством партий от трех до пяти [44, p. 154], то есть это во многом формальный, числовой критерий. В Казахстане после выборов в Мажилис первого созыва в 1995 г. сложилась ведущая пятерка партий и общественных объединений, приближенных к власти. По расчетам Пелиццо эффективное число партий в парламенте (ЕНЕР) составило 5,2, что соответствует умеренному плюрализму. Конечно, этот расчет является во многом формальным, основанным на внешних характеристиках, не отражающих сути сложившихся в тот период отношений между политическими партиями и парламентом. Сложившееся в тот период множество политических партий не были связаны между собой в целом, каждая часть которого конкурирует между собой, но в то же время зависят друг от друга. Только в этом случае мы говорим о сложившейся в обществе партийной системе, являющейся важной частью демократической политической системы.

Ограниченная партийность парламента (1999-2007)

В 1999 г. в Казахстане начались изменения в электоральной системе, которые должны были стимулировать институционализацию партийной системы страны посредством вхождения партий в парламент как полноценного участника избирательных и законодательных процессов. В этот год начался отход от мажоритарной системы и переход к смешанной

мажоритарно-пропорциональной электоральной системе. Вследствие этого на парламентских выборах в Мажилис РК абсолютное большинство в 67 депутатских мест избирались по мажоритарной системе, но меньшинство в 10 мест было предоставлено политическим партиям, которые должны были избираться по пропорциональной системе.

Эти изменения в системе выборов в парламент должны были оказать позитивное воздействие на партийную систему Казахстана. На это указывает Ю. Булуктаев, оценивая введение смешанной системы голосования в Мажилис согласно конституционным поправкам 1998 года как значительное трансформационное изменение в политической системе страны. По его мнению, проведение в 1999 г. выборов в парламент на многопартийной основе существенно повысило роль партий в системе избирательного права и в целом в политической системе общества. До 1999 года парламентские выборы в Казахстане проходили по мажоритарной системе и, следовательно, партии как институт не являлись субъектом избирательного процесса [9, с. 73].

Политические партии не были новым явлением для казахстанцев, начиная с 1990-х годов. Однако новизна ситуации состояла в том, что теперь им предстояло выбирать среди партий, голосуя за ту из них, которую они считали отвечающей ближе их интересам. В социально-психологическом плане это означало, казахстанское общество все больше начинало осваивать структурный подход к восприятию и взаимодействию с новыми институтами. Осознание интересов обществом и элитами, составляющее содержание структурной перспективы, находило свое выражение в стремлении раскрыть институциональные основы деятельности политических партий.

В этом ключе можно понять слова Н. Назарбаева из его послания народу Казахстана в 1998 г.: «Нашей целью должно стать обеспечение всестороннего участия политических партий Казахстана в выборах 1999 г. в Мажилис. Это позволит избирателю точнее определить свои политические симпатии, даст гражданам шанс стать полноправными участниками политических процессов, ввести представителей политических партий в новый состав Мажилиса и воспитать парламентских лидеров. Чтобы в нашем парламенте был представлен как можно более широкий спектр взглядов, предлагаю добавить в Мажилис десять дополнительных мест, которые заполнялись бы в соответствии с механизмом пропорционального представительства по партийным спискам [49].

Изменение электоральной формулы парламентских выборов 1999 г. с включением в нее политических партий и пропорциональной системы голосования имело, несомненно, позитивное значение для институционализации партийной системы Казахстана. Как, однако, можно оценить количество десять депутатских мест, выделенных в парламенте для политических партий? Как считает Булуктаев, партии и выборы оказались связаны функционально и организационно на всех стадиях избирательного процесса, правда, пока в незначительной мере [9, с. 87]. Т. Исмагамбетов считает, что десять депутатских мандатов, выделенных для партий, является

чрезвычайно малым количеством для обеспечения пропорционального представительства существующих в республике партий [138].

С введением десяти дополнительных мест для партий произошло изменение в сторону увеличения размера парламента, который был определен выше как один из важных индикаторов электоральной системы в ее отношении к политическим партиям. Произошло увеличение депутатских мест в Мажилисе с 67 до 77. При этом, однако, не произошло изменения другого электорального индикатора в виде размера округа, поскольку число мажоритарных округов осталось прежним, 67. Для политических партий появился свой электоральный округ, охватывающий весь электорат Казахстана.

Для политических партий борьба за десять депутатских мест означала очень жесткую конкуренцию. Необходимо при этом иметь в виду, что число политических партий в 1999 г. возросло в сравнении с 1995 г. На рост числа партий повлияло как раз включение в выборы 1999 г. партий. В результате из десяти участвовавших в выборах партий более половины были образованы и зарегистрированы менее чем за год до выборов. В такой ситуации на выборах в постсоветских странах преимущество получают, как известно, партии власти. Суперпрезидентские режимы постсоветских государств оказывали полную поддержку партиям власти. Как отмечает Ю. Булуктаев, на успех партии «Отан» на выборах 1999 г. в немалой степени повлияло то, что она являлась пропрезидентской партией [9, с. 82].

Эта партия возникла в январе 1999 г. из объединения «Общественный штаб в поддержку кандидата в Президенты Республики Казахстан Н.А. Назарбаева». Как партия «Отан» пришла на место ПНЕК, влившейся в состав «Отан» наряду с другими провластными партиями в марте 1999 г. Тогда же Назарбаев был избран председателем вновь образованной партии, но в соответствии с конституцией не мог возглавлять партию во время исполнения президентских обязанностей, поэтому временно партию возглавил Сергей Терещенко. Тенденция появления пропрезидентской партии относится, таким образом, к 1990-м годам. Сам Н. Назарбаев на третьем съезде «Отана» заявил о том, что «власть должна и будет иметь свою партию, свое лобби в парламенте. Но по многим параметрам «Отан» еще не является таким организованным и сильным партнером в проведении и отстаивании проводимого государством курса» [139]. Пропрезидентские партии «Отан» и в еще большей мере ее наследница «Нур Отан» стали важнейшими элементами суперпрезидентского режима в Казахстане.

Получив поддержку Н.А. Назарбаева и его администрации, «Отан» набрал 30,89% голосов избирателей среди партий, что дало ему 4 депутатских места. Второй по проценту избирателей стала Компартия с 17,75%, что дало ей два депутатских места. Третьей среди партий стала Аграрная партия – 12,63%, обеспечившей ей два депутатских места, и четвертой стала Гражданская партия с 11,23% и также 2 места. Эти четыре партии приобрели статус парламентских, тогда как еще три участвовавшие в выборах партии не

обрели этого статуса, так как не смогли преодолеть порог в 7% голосов избирателей на выборах, необходимый для прохождения в парламент.

Во многих странах, где участие партий является важным элементом электоральной системы, устанавливают пороги для прохождения партий в парламент. На выборах в Мажилис 1999 г. был установлен 7-процентный порог, что представляется нормальным для всего десяти мест для партий. Но этот показатель оставался неизменным и в последующем, когда весь состав Мажилиса заполнялся политическими партиями. Этот порог был снижен только на парламентских выборах 2023 г. до 5%. 7-процентный порог рассматривался многими политиками и экспертами как слишком высокий, как искусственное препятствие для прохождения партий в парламент, мешающий их дальнейшему развитию.

Анализируя эволюцию политических партий и партийной системы Казахстана в 1990-е и в первой половине 2000-х гг. мы хотели бы обратить внимание на еще одну черту, характеризующую связь партий с парламентом в этот период. Мы имеем в виду высокий уровень изменчивости состава представленных в парламенте партий от одних выборов этого периода к другим. Если посмотреть на парламентские выборы 1994, 1995, 1999 и 2004 годов, то мы видим, как состав представленных в парламенте после одних выборов очень сильно изменяется после других выборов и это продолжается вплоть до 2007 г., когда на протяжении почти 15 лет, до 2022 г., в течение которых прошли четыре выборов, состав партий в парламенте в целом стабилизируется. Но в 2023 г. опять происходит заметное изменение состава парламентских партий.

В 1994 г. в Верховном Совете РК тринадцатого созыва политические партии и общественные движения Казахстана представляли СНЕК, Народный конгресс, Соцпартия, Федерация профсоюзов и «Лад». За год-полтора СНЕК превратился в ПНЕК и сохранила как приближенная к власти партия свои электоральные позиции, чтобы ввести на выборах 1995 г. своих представителей в Мажилис. Федерация профсоюзов также провела в Мажилис своих представителей, но ее нельзя считать политической партией. Остальные три партии из состава ВС РК тринадцатого созыва не смогли провести своих представителей и вскоре маргинализировались или вообще перестали существовать как Соцпартия и Народный конгресс.

На выборах 1995 г. своих представителей в Мажилис провели ПНЕК, Инженерная академия, Федерация профсоюзов, Демократическая партия и Крестьянский союз. Но проходит около пяти лет и никого из этой пятерки в составе Мажилиса второго созыва в 1999 г. мы не видим. ПНЕК вошел в новую партию власти «Отан», Инженерная академия и Федерация профсоюзов как общественные организации не участвовали в выборах по партийным спискам, Демократическая партия и Крестьянский союз среди участников выборов уже отсутствовали.

Наконец, на выборах 2004 г. мы видим среди прошедших в Мажилис по партийным спискам партий «Отан» - 60,61% голосов избирателей (7 мест в

парламенте из 10), «Ак жол» – 12,04% (1 место), «Асар» - 11,38% (1 место), блок АИСТ – 7,07% (1 место). Сравнивая со списком партий, прошедших в парламент в 1999 г., в четверке прошедших в 2004 г. осталась только партия «Отан». Остальные три партии в 1999 г. просто не существовали, причем «Асар» была зарегистрирована незадолго до выборов, а блок АИСТ возник уже в ходе выборов. В 2004 г. вновь, как и на предыдущих выборах, произошла перетряска парламентских партий, еще раз подтвердив нестабильность и изменчивость партийной системы Казахстана в 1990-2000 годы.

Комментируя победу партии «Отан» на выборах 2004 г., Ю. Булуктаев замечает, что партия «Отан» позиционировала себя в качестве партии действующего главы государства, личность которого для избирателей должна была ассоциироваться с политической стабильностью, межнациональным и межконфессиональным согласием, дальнейшим повышением уровня благосостояния граждан [10, с. 34].

Если посмотреть на результаты парламентских выборов партии «Отан» в 1999 и 2004 годах, то можно заметить их двукратное увеличение: 30,89% в 1999 г. и 60,61% в 2004 г. Оценивая результат партии «Отан» на парламентских выборах 2004 г. Доннака О'Бичейн (Donnacha O'Beachain) заметил, что результаты парламентских выборов 2004 г. в Казахстане усилили стремление президентской партии «Отан» установить контроль над парламентом [140].

В завершающей стадии нашего анализа третьего этапа эволюции партий и партийной системы Казахстана мы хотели бы обратиться вновь к методологии количественного анализа партийных систем и в первую очередь к их типологии, предложенной Джованни Сартори. Рассматривая итоги парламентских выборов 1999 г., Риккардо Пелиццо охарактеризовал сложившуюся по их итогам партийную систему Казахстана как атомизированную [42, р. 126]. Это означает, что в 1999 г. партийная система вернулась к тому состоянию атомизации, в котором она находилась после парламентских выборов 1994 г. Очевидно, на решение Пелиццо отнести партийную систему Казахстана к атомизированному классу повлияла вновь проявившаяся тенденция изменчивости составляющих парламент партий. Когда после одних выборов в парламент приходят одни партии, которые полностью сменяются после следующих выборов, а после третьих выборов мы видим в парламенте новый набор партий, то в итоге складывается впечатление, что партийная система в этом государстве не подчиняется никаким закономерностям и потому не имеет никакого значения число существующих в обществе партий. Но это и есть характеристика атомизированной партийной системы по классификации Сартори.

Обращаясь к результатам парламентских выборов 2004 г. Пелиццо считает, что сложившаяся по их итогам партийная система Казахстана может быть отнесена к классу двухпартийных систем [42, р. 126]. У нас эта оценка вызывает вопросы. В цитируемой статье Пелиццо не дал объяснения своему

решению и нам остается только догадываться о его причинах. Если даже согласиться с тем, что в Казахстане по итогам парламентских выборов 2004 г. сложилась двухпартийная система, то остается непонятным, какие две партии составили эту двухпартийную систему? Точнее, в одной партией все понятно, это президентская партия «Отан», набравшая по итогам выборов 60,61% голосов избирателей. А какая партия является второй в этой двухпартийной системе, если по итогам выборов оставшиеся три партии, прошедшие в Мажилис, набрали в сумме только 30% и ни одна из них не набрала даже 15% голосов? Скорее, по нашему мнению, по итогам выборов 2004 г. в Казахстане сложилась партийная система с доминантной партией «Отан». В дальнейшем, как показывает история парламентских выборов и партийных систем, тенденция доминирования президентской партии приведет к появлению партийной системы с партией-гегемоном.

3.2 Суперпрезидентский режим и тенденции эволюции партийной системы Казахстана

Партийная институционализация Мажилиса в рамках суперпрезидентского правления (2007-2022)

Мы сформулировали в нашей диссертации два положения, которые раскрывают основные тенденции эволюции партийной системы Казахстана на всем протяжении его независимости. Первая из этих тенденций состоит в высоком уровне изменчивости партийной системы в целом и состава партий в парламенте в частности. Вторая тенденция эволюции партийной системы Казахстана состоит в формировании партии власти и ее контроле над парламентом. Первая из этих тенденций наиболее отчетливо проявилась с 1994 г. и действовала заметно до 2007 г., а затем в партийной системе и в составе парламентских партий наступила стабильность, которая вновь была нарушена в 2023 г. Вторая тенденция была менее заметна в 1990-е гг., но с укреплением суперпрезидентского правления в Казахстане становилась все более очевидной, прежде всего с 2007 г.

Выделенный нами четвертый этап эволюции партийной системы нашей страны имеет свою главную особенность, состоящую в контроле президентской партии «Нур Отан» над парламентом и формировании на основе главной роли «Нур Отана» так называемой полупартийной системы. Партия «Нур Отан» возникла 22 декабря 2006 г. на внеочередном X съезде партии «Отан» путем ее слияния с Аграрной и Гражданской партиями. По этому поводу Нурсултан Назарбаев сказал: «Слияние партий соответствует новым стратегическим задачам, стоящим перед Казахстаном. Достичь поставленных целей мы сможем только при условии мобилизации усилий всего общества, массового проявления лидерской психологии. Единая партия должна стать основной движущей силой дальнейших прогрессивных преобразований, одной из главных опор в реализации стратегии повышения международной конкурентоспособности республики» [141].

Создание крупной партии власти путем объединения под одной крышей существовавших на тот момент провластных партий должно было стать одним из главных условий контроля над парламентом и дальнейшего укрепления суперпрезидентской республики в Казахстане. Другой важнейшей задачей в достижении этой цели должна бы стать конституционная реформа, призванная создать институциональную основу для такого контроля. В марте 2006 г. по инициативе Н. Назарбаева была создана Государственная комиссия по разработке и конкретизации демократических реформ, основной задачей которой являлась разработка предложений по конституционной реформе. Результатом работы комиссии стал проект конституционного закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК», который был представлен президентом Назарбаевым на совместном заседании палат парламента 16 мая 2007 г. [10, с. 47; 14, с. 222; 142, 143].

Принятый 21 мая 2007 г. конституционный закон внес существенные изменения в электоральную систему и порядок формирования органов власти, прежде всего, парламента во взаимосвязи с изменением статуса и роли партий. Самое главное изменение было связано с порядком формирования Мажилиса, который отныне избирался по пропорциональной системе по партийным спискам. В этих целях было увеличено число депутатских мест с 77 до 107, из которых 98 избираются по партийным спискам. Второе новшество касалось президента, который получил право возглавлять партию. Третье новшество касалось правительства, а именно премьер-министр должен был представлять партию парламентаского большинства. От депутатов парламента закон требовал соблюдения партийной дисциплины при голосовании, подчиняясь требованиям партийной фракции по голосованию [10, с. 47-49].

Парламентская реформа представляла собой новую для Казахстана форму соединения парламента с политическими партиями в виде пропорциональной электоральной системы, которая принята в большинстве стран мира, в том числе в посткоммунистических государствах. Можно сказать, произошел прорыв в развитии политических партий и партийной системы Казахстана, когда партии получили право полностью формировать состав парламента и на этой основе должна быть создана партийная система страны. Ведь до сих пор партии играли очень ограниченную роль в формировании парламента и его законодательной деятельности. Даже был на начальном этапе независимости Казахстана и эволюции партийной системы двухлетний период (1991-1993), когда парламента был беспартийным, а партии появлялись и действовали вне парламента.

Однако результаты первых парламентаских выборов в августе 2007 г. по новой электоральной формуле пропорциональных выборов по партийным спискам показали, что в парламента прошла только одна партия, а именно, президентская партия «Нур Отан», а все остальные партии остались вне парламента. Оценивая итоги парламентаских выборов 2007 г., Рико Айзекс указал, что Казахстан имеет теперь парламента, заполненный только депутатами от президентской партии и ни одного депутата от оппозиции.

Соответственно, введившиеся с целью развития демократии конституционные изменения оказались мало что значащими. С послушным парламентом, в котором доминирует его партия, президент Назарбаев консолидировал власть над всеми ветвями политической системы [144].

Можно сказать, что пропорциональная система сама по себе не может автоматически обеспечить демократическое развитие для политических партий и парламента. На это обращает внимание казахстанский политолог Юрий Булуктаев: «Пропорциональная система выборов в идеале должна способствовать повышению статуса политических партий и расширению их доступа к процессу принятия политических решений. Естественно, это возможно только при соблюдении условий проведения честных, свободных и справедливых выборов. С другой стороны, при игнорировании ряда условий истинно демократических выборов пропорциональная система голосования может предоставлять политическому режиму больше возможностей для контроля над политическими партиями оппозиционного толка» [10, с. 49].

Первые парламентские выборы по пропорциональной системе 2007 года завершились победой «Нур Отана», набравшей 88,41% голосов избирателей. Остальные участвовавшие в выборах шесть партий не смогли преодолеть 7-процентный порог и в Мажилис не попали. В результате все 98 депутатских мест в парламенте взяла одна партия «Нур Отан». Казахские эксперты Н. Кузьмин и А. Громов писали по этому поводу о том, что никто в Казахстане, включая оппозицию, не сомневался в том, что на выборах убедительно победит «Нур Отан». Однако мало кто предполагал, что победа будет столь оглушительной [2].

Официальные СМИ преподносили победу «Нур Отана» как вполне заслуженную и призывали не считать однопартийный парламент после выборов 2007 г. как противоречащий демократическим нормам. В том же духе высказывался и Нурсултан Назарбаев, подчеркивая, что победа на выборах одной партии не является трагедией. «В мировой истории не раз были примеры однопартийных и в то же время весьма эффективных парламентов» [145].

Можно сказать, что 2007-й г. стал важной вехой в эволюции партийной системы Казахстана. В этот год на политическую и партийную арену вышла партия «Нур Отан», которая сразу же заявила о своих правах на контроль Мажилиса. Это стало возможным потому, что все общество признало «Нур Отан» как президентскую партию, как партию, возглавляемую президентом Назарбаевым. Конституционные поправки мая 2007 г., как было сказано, сняли запрет президенту страны состоять в политической партии и возглавлять ее. С 1999 г. Назарбаев возглавлял предшественницу «Нур Отана» партию «Отан», однако в силу указанного конституционного запрета временно председателем партии был С. Терещенко. Теперь же Назарбаев еще больше приблизился к правящей партии. Согласно уставу «Нур Отана» Назарбаев стал пожизненным председателем партии. В связи с этим была введена должность первого заместителя председателя партии, который на

повседневной основе руководил партией. Эту должность занимал человек из ближайшего окружения Назарбаева.

Партия «Нур Отан» стала одним из главных элементов политической системы и государственной власти Казахстана, которую определили как суперпрезидентское правление. В этой системе «Нур Отану» отводилась роль контроля над парламентом страны и не допустить в него оппозиционные силы. Эту роль «Нур Отан» выполнял с 2007 по 2022 гг. Аналогичные «Нур Отан» президентские партии были в других постсоветских странах, где сложилось, как и в Казахстане, суперпрезидентское правление. В России, например, такой президентской партией является «Единая Россия».

На протяжении всех пятнадцати лет с 2007 по 2022 гг., когда «Нур Отан» как президентская партия доминировал в парламенте, официальные СМИ преподносили ее как правящую партию в том смысле, в каком правящими являются партии в парламентаризме. Действительно, «Нур Отан» каждый раз побеждала на выборах и премьер-министр, следовательно, все министры возглавляемого им правительства были членами этой партии. Кроме того, все руководители областей, городов, районов также были членами, возглавляя территориальные отделения партии. Это создавало аналогию с правящими партиями в странах парламентского правления. Однако, это была только лишь иллюзия, которую раскрыл А. Дель Сорди, указавший, что «Нур Отан» действует в рамках президентской системы, а не открытой конкурентной политической системы, построенной вокруг партий [40, р. 37].

Зарубежные исследователи политических партий и партийной системы Казахстана большое внимание уделяют роли социальной системы, которые, во-первых, порождают партии и партийную систему, а во-вторых, действуют сами в этой социальной системе. Для любой социальной системы характерно существование и функционирование формальных и неформальных институтов, причем в одних системах доминируют формальные институты, а в других неформальные институты. К числу социальных систем, в которых доминируют неформальные институты, основанные на патрон-клиентных отношениях, относятся патримониальные системы. Многие зарубежные исследователи относят Казахстан, как и другие государства на постсоветском пространстве, к числу неопатримониальных систем и режимов.

Британский исследователь партийной системы Казахстана Рико Айзекс исследует ее под углом зрения функционирования в неопатримониальной социальной системе с доминированием патрон-клиентных отношений. Его получившая известность книга «Формирование партийной системы в Казахстане: между формальной и неформальной политикой» [121, р. 3-40] написана под углом зрения возникновения и функционирования партийной системы Казахстана в контексте ее взаимодействия с формальными, в частности, правовыми институтами и неформальными патрон-клиентными институтами в неопатримониальном обществе.

В этом же ключе написаны его статьи, посвященные партии «Нур Отан», в частности, статья о связи «Нур Отан» с неформальными сетями и о политике

партии противодействия им, которая на самом деле только укрепляет неформальные институты и патрон-клиентные отношения в Казахстане. В этой статье Айзекс аргументирует, что «Нур Отан» как президентская партия позиционирует себя как формальный институт, выступающий против нестабильности, порождаемой борьбой неформальных сетей за политические и экономические ресурсы. Это достигается с помощью консолидации в состав «Нур Отана» партий, связанных с этими неформальными сетями, и синхронизацией партийного и государственного аппаратов. Однако успех в достижении этой стабилизирующей функции «Нур Отана» зависит от политической жизнеспособности самого режима [39, p. 1055].

В результате доминирования в парламенте и на партийном поле «Нур Отана» в 2007-2022 гг. сложилась партийная система во главе с президентской партией. Как можно охарактеризовать эту партийную систему с позиции классификации партийных систем Сартори? Следует отметить, что среди казахстанских экспертов доминирующим стало представление этой системы как полупартийной. В частности, Е. Сейлеханов, характеризуя партийную систему Казахстана, сложившуюся в 2009 г., определяет ее как полупартийную. После выборов 2007 г., указывает Сейлеханов, все более отчетливо проявляется тенденция перехода от (квази-) многопартийной системы к полупартийной системе. Ее становление произошло в результате реструктуризации партийного поля, связанного с объединением пропрезидентских партий, поствыборной фрагментацией оппозиционного лагеря, а также последствиями конституционных реформ 2007 г. в Казахстане [94, с. 185-186].

Под полупартийной системой Сейлеханов понимает наличие в такой системе доминантной партии и ряда более мелких, не играющих заметной роли нишевых партий [94, с. 186]. Следует отметить, что определение «полупартийная система» стало популярным для характеристики партийных систем постсоветских государств с президентским правлением, в которых наряду с главенствующей президентской партией существуют мелкие партии, призванные создать впечатление многопартийности. Таким образом возникают структуры из имеющихся в обществе политических партий, которые удобно назвать полупартийной системой.

Эти постсоветские полупартийные системы аналогичны, по мнению Сейлеханова, тем партийным системам, что сложились в таких странах, как Швеция, Япония, Южная Корея, Индия, Малайзия, Сингапур, Тайвань, Мексика и другие страны [94, с. 186]. Здесь отнесение Индии, Швеции, Тайваня, Мексики к полупартийным системам в соответствии с вышеприведенным определением вызывает сомнение. В этих странах издавна существуют многопартийные системы, в которых, несмотря на доминирование в определенные исторические периоды одной партии, тем не менее происходила смена партий у власти.

Но главное даже не в этом. Мы считаем неправомерным относить партийную систему в Казахстане и других постсоветских государствах с президентским режимом к полупартийным системам в других регионах мира, поскольку это чисто внешнее, формальное сравнение. Здесь, как и в случае отнесения «Нур Отана» к правящим партиям по аналогии с правящими партиями в странах с парламентской системой правления имеет место внешнее, формальное совпадение ситуации в суперпрезидентском режиме с политическими системами, в которых государственная власть строится вокруг автономных институтов политических партий.

В научной литературе по партийной проблематике можно встретить различные классификации партийных систем, основанных на количественном принципе. Среди них имеются типологии, включающие партийные системы с «половинкой». Помимо полупартийных систем достаточное влияние получила классификация Алана Сиароффа, включающая класс «двух-с-половиной» партийной системы [146]. Типичным примером такой системы является Германия 1980-1990-х гг., когда две главные партии страны – Социал-демократическая партия и блок ХДС/ХСС показывали на выборах в Бундестаг близкие результаты, и чтобы сформировать правящую коалицию вели переговоры с маленькой («половинной») партией Свободных демократов [147].

Несмотря на разработку различных типологий партийных систем, классификация Сартори сохраняет свое влияние при изучении партийных систем в различных странах. Мы считаем, что классификация Сартори остается очень важной для изучения партийной системы Казахстана. По этой классификации полупартийная система Казахстана в 2007-2022 гг. определяется как гегемонистская. Риккардо Пелиццо таким же образом определяет партийную систему Казахстана в эти годы [42, с. 126].

Партийная система Казахстана в 2007-2022 гг. является гегемонистской в силу того, что мы имеем одну партию-гегемона, которая постоянно побеждает на парламентских выборах с огромным преимуществом, набирая 80-85% голосов избирателей, оставляя партиям «Ак жол» и НПК оставшиеся 15% голосов, чтобы со скрипом пройти в Мажилис. Не случайно Сартори в своей классификации отнес первые три класса – однопартийную, гегемонистскую и доминантную систему в одну, как он выражается, «кучу», потому что они близки друг к другу по своему отношению к парламенту и к политической системе в целом [44, р. 110].

Применительно к Казахстану и другим постсоветским государствам, где сложились гегемонистские партийные системы во главе с президентской партией, отнесение трех указанных типов партийных систем в одну группу с однопартийными системами выглядит не случайным. Гегемонистские системы, несомненно, отличаются от коммунистических однопартийных систем, однако имеют с ними тесную связь не только в историческом плане, но и в плане отношения к парламентаризму как форме государственного устройства и составляющим его институтам.

3.3 Партийная институционализация парламента в рамках преодоления суперпрезидентского режима (2022-2023 гг.)

Касым-Жомарт Токаев стал президентом Казахстана в марте 2019 г. после добровольной отставки Нурсултана Назарбаева, находившегося у власти 30 лет с июня 1989 г., когда Казахстан еще входил в СССР. Добровольная отставка Назарбаева с поста президента не означала его ухода из власти, поскольку он сохранял важнейшие полномочия и влияние в государственных органах, в первую очередь в силовых. В этой ситуации президентская власть Токаева была ограниченной, поскольку он оставался под контролем Назарбаева и вынужден был согласовывать с ним все решения.

Ситуация изменилась в январе 2022 г. после событий, направленных против Токаева. Охватившие значительную часть Казахстана массовые социальные протесты переросли в противоправные насильственные действия в крупнейшем городе страны Алматы. В результате ответных действий К.Ж. Токаева попытка отстранения его от власти провалилась. Токаев остался у власти, сосредоточив в своих руках неразделяемую ни с кем полноту президентских полномочий.

Сразу после январских событий Токаев приступил к реформированию политической системы Казахстана, используя программу Нового Справедливого Казахстана с ее главной идеей преодоления суперпрезидентского правления, порожденного Назарбаевым, как ключевой причины несправедливости и других проблем, вызвавших протесты в январе 2022 г. Важнейшей реформой в этом плане стало проведение референдума по принятию поправок в конституцию Казахстана в июне 2022 г. На референдум было внесено 55 поправок, основная масса которых направлена на недопущение суперпрезидентского правления. За счет изменения конституции, по словам Токаева, планируется перейти «от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с влиятельным парламентом и подотчетным правительством» [148].

После проведения референдума Токаев пошел на дальнейшую реформу политической системы, введя одноразовый семилетний срок правления для президента Казахстана. По мнению Токаева, предлагаемая им конституционная новелла одноразового семилетнего президентского срока «снизит риски монополизации власти» [48]. В связи с этим Токаев объявил проведение внеочередных президентских выборов на 20 ноября 2022 г. Очередные президентские выборы по конституции должны были состояться в 2024 г., однако, как объяснял Токаев в своем послании народу Казахстана от 01.09.2022, «для реализации кардинальных и всесторонних реформ, направленных на построение Справедливого Казахстана, требуется новый мандат доверия народа», и, соответственно, внеочередные выборы [48].

После проведения внеочередных президентских выборов в ноябре 2022 года Токаев назначил внеочередные парламентские выборы на март 2023 г. Очередные парламентские выборы должны были состояться в 2026 г., но, по мнению Токаева, «избранные по старым лекалам представительные органы

власти должны закономерно обновиться, пройдя через внеочередной электоральный цикл. Мы получим новый состав депутатов, представляющих интересы широких групп граждан, что повысит эффективность работы парламента» [48].

Вскоре после январских событий Токаев подверг жесткой критике сложившуюся при Назарбаеве партийную систему, прежде всего, партию Нур Отан, определявшуюся как президентская. Нур Отан была создана в 2006 г. путем объединения трех провластных партий с целью контроля парламента, который с 2007 г. стал избираться по пропорциональной системе. С тех пор Нур Отан была гегемоном на партийной арене и в парламенте Казахстана благодаря поддержке Назарбаева, бывшего ее пожизненным председателем. В дни событий января 2022 г. офис Алматинской городской организации Нур Отан был частично сожжен участниками протестов. Критикуя Нур Отан, Токаев указал, что партия фактически срослась с государственными органами и призвал к реорганизации и ребрендингу партии. Хотя первоначально Токаев был избран председателем Нур Отана, однако вскоре он отказался от этого и заявил о том, что президент страны в период исполнения своих обязанностей не должен входить в политические партии. Эта норма в июне 2022 г. была утверждена на референдуме по поправкам в конституцию. Сама партия Нур Отан была переименована в Аманат, чтобы в обществе эту партию перестали ассоциировать с Назарбаевым.

Как и в других государствах Центральной Азии в Казахстане сложился президентский режим, где президент обладает большими полномочиями и находится над ветвями власти, занимая доминирующее положение в политической системе страны. Поэтому президентские выборы в регионе рассматриваются как политически более значимые, чем парламентские выборы. Можно заметить, что в президентских выборах в Центральной Азии партийная система не играет значительной роли. Хотя Нур Отан выдвигала Назарбаева на выборах 2011 и 2015 гг. и Токаева на выборах 2019 года, другие партии не всегда выдвигали своих кандидатов, ограничиваясь поддержкой действующих президентов, поскольку главной целью президентских выборов в суперпрезидентской системе была демонстрация лояльности бессменному президенту.

На президентских выборах 2022 г. Токаев был выдвинут не какой-то одной партией, а специально созданной к выборам Народной коалицией «За реформы Токаева», в которую входили все три парламентские партии «Аманат», «Ак жол» и Народная партия, а также несколько общественных объединений. На выборах Токаев не идентифицировал себя ни с одной из входящих в коалицию партий. В большей мере идентифицировали себя с выдвинувшими их партиями Жигули Дайрабаев (партия «Ауыл») и Нурлан Ауесбаев (Общенациональная социал-демократическая партия). Три других кандидата Каракат Абден, Мейрам Кажыкен и Салтанат Турсынбекова были выдвинуты от общественных объединений. По существу, из шести кандидатов в президенты только двое идентифицировали себя с выдвинувшими их

партиями. Отсюда можно заключить, что на президентских выборах 2022 г. значение партийной системы было невелико.

Значение партий и партийной системы значительно выше на парламентских выборах в Казахстане. Абсолютное большинство депутатских мест на выборах всегда забирают провластные партии. Возникшая на месте Нур Отана после ребрендинга партия Аманат лишилась весной 2022 г. своего председателя в лице президента Токаева, но не потеряла его поддержки. Председателем Аманата и спикером Мажилиса стал Ерлан Кошанов, входящий в ближний круг К.-Ж. Токаева. Эти и другие назначения свидетельствуют о том, что Аманат остается приближенной к власти партией. В идеологическом плане Аманат, как и Нур Отан, квалифицируется официальной риторикой как центристская партия.

Две другие парламентские партии «Ак жол» и Народная партия официально представляются как парламентская оппозиция правящей партии Аманат (прежде Нур Отан). Ак жол выступает как партия класса предпринимателей и поэтому определяется как правая оппозиция. Народная партия, в прошлом именовавшаяся Коммунистическая народная партия, определяет себя как левая оппозиция. Исходя из того, как три парламентские партии себя позиционируют, может возникнуть впечатление о существовании полного идеологического спектра в Мажилисе, где имеется центристская правящая партия и оппозиционные партии левого и правого толка. На самом деле все три партии являются провластными, иначе в политической системе Казахстана они не были бы в парламенте. К провластным относится и партия «Ауыл», хотя она до 2023 г. не была представлена в Мажилисе. В партийном спектре Казахстана «Ауыл» позиционирует себя как партия, отстаивающая интересы сельского населения.

К числу оппозиционных партий в Казахстане относят Общенациональную социал-демократическую партию. ОСДП с момента своей регистрации в 2007 г. критикует власть, бойкотировала президентские выборы 2019 г. и парламентские выборы 2021 г. С уходом из власти Назарбаева нынешнее руководство ОСДП стало сближаться с Акордой. Сближение руководства ОСДП с Акордой ударило по ее имиджу, и сегодня она достаточно условно рассматривается как оппозиционная партия.

Наиболее оппозиционной партией считается Демократический выбор Казахстана, возглавляемая проживающим с 2009 г. за границей Мухтаром Аблязовым. Он был непримиримым противником Назарбаева и сегодня остается противником власти в Казахстане. В 2018 г. власти признали ДВК экстремистской организацией и участие в ее акциях грозит уголовным преследованием. Кроме ДВК в последние годы в Казахстане появились новые оппозиционные партии, в частности, Демократическая партия, Алга Казахстан, Ел тірегі и другие, однако власть отказывает им в регистрации и преследует их руководителей.

В руках власти регистрация является мощным инструментом для управления партийной системой страны: регистрацию получают полностью

поддерживающие власть и зависимые от нее партии, тогда как критикующие власть и автономные от нее партии регистрацию не получают, что ведет к незаконности их деятельности. Накануне выборов 2023 г. регистрацию получили новые партии Байтак и Respublica. Байтак представляет себя как экологическая партия, а Respublica как партия предпринимателей. Обе партии являются провластными, принимающими правила игры правящего режима. В целом, легальное партийное поле Казахстана можно охарактеризовать как полностью зачищенное от оппозиции.

Хотя в президентской системе Казахстана парламентские выборы имеют меньшее значение, чем президентские выборы, тем не менее, назначенные на 19 марта 2023 г. парламентские выборы вызвали в обществе достаточно большие ожидания и интерес. Ожидания были связаны, во-первых, с обещаниями власти провести конкурентные выборы. Как указывал в упомянутом послании народу Казахстана Токаев, все институциональные изменения, предусмотренные конституционной реформой, приведут к увеличению количества политических партий, усилят политическую конкуренцию [48]. Во-вторых, вызвало интерес, сколько голосов наберет партия Аманат, сохранится ли в парламенте система партии власти. В связи с этим, в-третьих, экспертов и общество в целом интересовало, изменится ли в результате выборов конфигурация партийной системы Казахстана, которую до сих пор определяли как однопартийную или (что то же самое) полупартийную систему во главе с партией власти. Наконец, в-четвертых, приведут ли возрожденные выборы по одномандатным округам к появлению в парламенте «новой волны народных избранников» [48], причем таких избранников, которые были бы независимы от власти, способствуя большей независимости парламента от президентской власти?

За 69 депутатских мест в 98-местном Мажилисе боролись семь партий: Аманат, Ак жол, Народная, Ауыл, ОСДП, Байтак и Respublica, подтверждая слова Токаева об увеличении количества участвующих в выборах партий и, соответственно, росте конкуренции между партиями за меньшее количество мест для партий по сравнению с предыдущими выборами, когда все 98 мест распределялись между партиями. Высокая активность при выдвижении кандидатов в депутаты Мажилиса наблюдалась по одномандатным округам, по которым было выдвинуто 609 кандидатов, из которых Центральная избирательная комиссия (ЦИК) зарегистрировала 435 кандидатов, то есть 15 кандидатов на один мандат. Из них, согласно данным ЦИК, 76 кандидатов (17,47%) выдвинуто от политических партий и 359 кандидатов (82,53%) являются самовыдвиженцами [149]. Эти данные говорят о высокой конкуренции за депутатские места по одномандатным округам, особенно в двух главных городах страны Астане и Алматы.

Предложенные властью институциональные условия парламентских выборов 2023 г. действительно способствовали их оживлению в сравнении с предыдущими выборами, проходившими скучно и незаметно. Политический ландшафт оживился из-за охватившей социальное пространство Казахстана

активной агитации. По описанию одной из медиа, «кандидаты кричат друг на друга во время телевизионных дебатов, запускают рекламные ролики на YouTube, агитируют в TikTok, их предвыборные листовки и баннеры заполонили улицы городов и аулов». Как показали результаты проведенного в период электоральной кампании опроса общественного мнения, большинство респондентов (38,7%) получали информацию о выборах через уличную рекламу (листовки и билборды), обойдя интернет и телевидение [150].

Эксперты по-разному оценивали участие большого числа кандидатов-самовыдвиженцев на парламентских выборах. По мнению одних, это стало ответом на возросший запрос общества на политическое участие, которое многие годы ограничивалось, и теперь амбициозные граждане используют шанс попробовать себя в политике. Другие же эксперты склонны видеть в большом количестве одномандатников негативные аспекты, как, например, дезориентация электората, дробление протестных голосов, ослабление оппозиционных кандидатов [150].

Итоги парламентских выборов отразили те же противоречивые тенденции развития политической системы Казахстана, что и президентские выборы. Одним из ярких проявлений этих противоречивых тенденций стала явка на парламентских выборах. Несмотря на реформаторскую риторику, участие на выборах кандидатов-самовыдвиженцев и достаточно высокую конкуренцию среди них, активную агитационную кампанию, явка на выборах составила 52,9%, что соответствовало явке избирателей на парламентских выборах предыдущих лет или даже ниже их среднего значения.

Явным победителем выборов по партийным спискам стала Аманат, набравшая 53,9% голосов, что обеспечило ей 40 из 69 депутатских мест, выделенных для партий. Из семи участвовавших в выборах партий необходимые 5% голосов для прохождения в парламент набрали шесть, однако, кроме Аманата остальные прошедшие в парламент партии набрали от 5 до 10,9 процента голосов, что дало им оставшиеся 29 депутатских мест. В итоге только за счет выборов по партийным спискам Аманат получила больше депутатских мест, чем остальные пять парламентских партий. Партия власти Аманат, как и ее предшественница Нур Отан, осталась доминирующей партией в Мажилисе.

Доминирующее положение Аманат в Мажилисе было значительно усилено результатами выборов по одномандатным округам, где представители этой партии забрали 22 из 29 депутатских мест. Остальные 7 мест в Мажилисе забрали самовыдвиженцы. Остальные шесть участвовавших в выборах партий не смогли провести в законодательный орган своих представителей по одномандатным округам. В итоге Аманат забрал 62 депутатских кресла, что составляет 63,3% парламентских мест. Это немного ниже конституционного большинства в две трети мест в парламенте и ниже привычных для Нур Отана 70-80 процентов мест в Мажилисе, но вполне достаточно для полного доминирования в законодательной власти. Местные эксперты утверждают, что в результате прошедших выборов в Казахстане сохранилась

полупарламентарная система, где Аманат, как прежде Нур Отан, составляет единицу, а остальные пять парламентских партий (вместо прежних двух) составляют половину [151].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей диссертации мы предприняли попытку исследовать развитие партийной системы Казахстана под влиянием модернизационных процессов, через которые страна прошла с конца XIX-начала XX в. до сегодняшнего дня. Необходимо отметить, что исследования партий и партийной системы Казахстана активно проводятся как отечественными, так и зарубежными политологами, историками, социологами и другими специалистами. Наша диссертация находится в русле такого направления исследования партийных систем, которые главный акцент ставят на взаимосвязи парламента и партий. Именно в этом русле теоретические исследования партий и партийных исследований получили наибольшее развитие. Этот подход, примененный нами для исследований партий и партийной системы Казахстана в ходе его исторического развития в контексте модернизации позволил получить научные результаты, которые, на наш взгляд, дают возможность углубить понимание становления и формирования партийной системы страны.

На раннем этапе модернизации, произошло зарождение исторически первой политической партии Казахстана «Алаш». Хотя «Алаш» была партией внешнего по отношению к парламенту происхождения, однако ее можно считать партией парламентского типа, поскольку ее зарождение произошло в ходе выборов в Учредительное собрание России, которое формировалось как парламентское по своим целям и форме учреждение. Учредительное собрание должно было сформировать форму государственного устройства России после монархии как республики федеративного типа. Поэтому наш подход к анализу политических партий в их взаимосвязи с парламентом дает теоретические возможности для понимания «Алаш» как политической партии [152].

С теоретических позиций наиболее влиятельных в современной политологии типологий партийных систем Дюверже, Сартори и других в диссертации рассмотрен советский период модернизации в Казахстане и сложившейся в нем коммунистической однопартийной системой. В аспекте взаимосвязи партийных систем и парламента однопартийная система была исследована как проявление лже-парламентаризма советской политической системы. Советский лже-парламентаризм оказал пагубное влияние на партии и другие политические институты, искоренив социальные расколы как те социальные конфликты, благодаря которым происходит зарождение политических партий и формирование партийных систем.

Хотя независимый Казахстан отказался от коммунистической системы вместе с ее однопартийной системой, идеологией и другими институтами, однако их влияние сохранялось на протяжении длительного времени. Это влияние проявилось и на развитии многопартийности на раннем этапе независимости Казахстана и в последующем, в том числе и на важнейшем для развития партий и партийной системы взаимосвязи партий с парламентом. Одним из отрицательных проявлений советского наследия стало широкое распространение в обществе и среди элит социально-психологического

мировоззрения, которое было определено в диссертации как «чистый лист бумаги». В отношении партий и парламента оно проявилось в настороженном и недоверчивом отношении к этим институтам, что оказало негативное влияние на развитие партийной системы в Казахстане в 1990-2000 гг.

В этот период выявились две основные тенденции эволюции партийной системы Казахстана, оказавшие решающее влияние на взаимосвязь партий и парламента и в целом на партийную систему страны. Одна из этих тенденций состояла в высоком уровне изменчивости состава партий, представленных в парламенте в период 1994-2007 гг. Такая изменчивость мешала формированию достаточно устойчивой партийной системы, адаптации населения и партий друг к другу, идентификации политических партий в казахстанском обществе.

В научно-теоретическом плане тенденция сильной изменчивости парламентских партий являлась препятствием для изучения партийной системы Казахстана, применения разработанных в современной политологии классификаций партийных систем, методов и подходов институционализации электоральной системы в их влиянии на становление и функционирование партийной системы Казахстана, сопоставление казахстанских партий с партиями других стран и т.д.

Вторая тенденция эволюции партийной системы независимого Казахстана состояла в появлении партий власти и росте их влияния на политическую систему, в первую очередь на парламент страны. В своем наибольшем проявлении эта тенденция нашла выражение в президентской партии «Нур Отан», которая стала в период 2007-2022 гг. гегемоном на партийном поле Казахстана. В диссертации мы охарактеризовали «Нур Отан» как важнейший элемент суперпрезидентского режима Нурсултана Назарбаева, главной задачей которого был контроль над Мажилисом. Контроль над парламентом привел к стабилизации состава парламентских партий в Мажилисе и всей электоральной системы. На протяжении трех созывов в Мажилисе заседали гегемон «Нур Отан» и мелкие партии «Ак жол» и НДП, что в итоге определило партийную систему Казахстана как гегемонистскую.

Трагические события января 2022 г. привели в конечном итоге к смене власти в Казахстане, в результате которой президент Токаев начал свою программу реформирования страны под лозунгами Нового Справедливого Казахстана. Главная цель реформ состоит в преодолении суперпрезидентского режима и его отрицательного наследия. Большое значение в реформировании политической системы Казахстана Токаев придает формированию влиятельного парламента, в котором будут заседать обновленные политические партии и независимые депутаты, избранные на основе выборов по одномандатным округам. Их появление в парламенте произошло благодаря введению смешанной избирательной системы, в которой 70% депутатов избираются по пропорциональной системе и 30% депутатов избираются по одномандатным округам. Парламентские выборы в марте 2023 г. состоялись

по новой электоральной формуле и существенно обновили депутатский корпус Мажилиса.

Начиная с 2022 г. в Казахстане произошли значительные социально-политические изменения под влиянием реформ Нового Казахстана в различных сферах. Эти реформы и изменения касаются парламента и партий, вызывающие различные оценки в обществе и экспертной среде.

Сегодня трудно дать прогнозы того, как пойдет развитие политических партий и партийной системы Казахстана. Несомненно, что усилия государства по возрастанию роли парламента и политических партий требуют всяческой поддержки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации: послание народу Казахстана от 16 марта 2022 года // <http://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym.25.03.2022>.
- 2 Кузьмин Н., Громов А. Абсолютная победа партии Нурсултана Назарбаева // Эксперт. – 2007, августа – 28.
- 3 Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пос. / пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 538 с.
- 4 Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. – Алматы: Таймас, 2009. – 410 с.
- 5 Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. – Астана: Елорда, 2002. – 304 с.
- 6 Политические партии и общественные движения современного Казахстана: справоч. / сост. Б.Г. Аяганов, С. Баймагамбетов, Г.Ж. Жуманова. – Алматы, 1994. – 80 с.
- 7 Бабакумаров Е., Булуктаев Ю., Кушербаев К. Казахстан сегодня: мир политических партий. – Алматы: ИРК, 1995. – 127 с.
- 8 Бижанов А.Х. Государство и политические партии: история и современность // Государство и политические партии: история и современность: матер. республ. науч.-практ. конф. – Алматы, 1998. – С. 8-27.
- 9 Булуктаев Ю.О. Партийно-политическое строительство в Республике Казахстан (1991-2012 гг.). – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. – Кн. 1. – 240 с.; 2013. – Кн. 2. – 380 с.
- 10 Указ Президента Республики Казахстан. О Государственной комиссии по разработке и конкретизации программы демократических реформ в Республике Казахстан: утв. 20 марта 2006 года, №68 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U060000068_. 10.02.2021.
- 11 Байпаков М.К., Коновалов С.А., Кучинская Ю.В. Политические партии и социально-экономическое развитие Казахстана: эффект отражения // Казахстан – Спектр. – 2017. – №1(79). – С. 20-29.
- 12 Дьяченко С.А. Партогенез в Казахстане: состояние, проблемы и перспективы. – Алматы, 1997 – 220 с.
- 13 Кармазина Л. Политические партии Казахстана и России на современном этапе развития многопартийности // Analytic. – 2008. – №6. – С. 98.
- 14 Кармазина Л.И. Институционализация партийной системы Республики Казахстан: Ретроспектива и современные тенденции // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства: сб. ст. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 198-224.
- 15 Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. – Алматы: ЦПИ, 2000. – 208 с.

- 16 Машанов М. Сравнительный анализ партийного аспекта парламентских выборов 1994-1995 гг. // В кн.: Современный Казахстан: экономика, политика, общество. – Алматы: ИРК, 1997. – Т. 2. – С. 137-146.
- 17 Насимова Г.О. Казахстанский электорат: проблемы выбора и участия. Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия Философия, Культурология, Политология. – 2000. - №1. – С. 119-120.
- 18 Нечаева Е. Перспективы реформирования партийного поля в Казахстане // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. – 2022. – №3-4. – Р. 42-53.
- 19 Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 22.00.05. – М., 2001. – 297 с.
- 20 Uyama T. The Alash Orda's relations with Siberia, the Urals and Turkestan: the Kazakh national movement and the Russian imperial legacy // In book: Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. – London: Routledge, 2012. – P. 271-287.
- 21 Волобуев О.В. К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России: матер. междунар. конф. – М., 1997. – С. 285-289.
- 22 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Изд. 3-е. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
- 23 Huntington S.P. Political Development and Political Decay // World Politics. – 1965. – Vol. 17, №3. – P. 386-430.
- 24 Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. – London; NY.: Routledge, 2007. – 241 p.
- 25 Duch R.M. The Electoral Connection and Democratic Consolidation // Electoral Studies. – 1998. – Vol. 17. – P. 149-174.
- 26 Heineman R.A. Political Science: an introduction. – NY., 1996. – 308 p.
- 27 Hough J.F. The Failure of Party Formation and the Future of Russian Democracy // In book: Growing Pains. – Washington, DC: Brookings, 1998. – P. 669-711.
- 28 Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Los Angeles: University of California Press, 1985. – 697 p.
- 29 Kitschelt H. Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies: theoretical Propositions // Party Politics. – 1995. – Vol. 1. – P. 447-472.
- 30 Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R. et al. Post-Communist Party Systems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 457 p.
- 31 Lieven D. Empire: the Russian Empire and Its Rivals. – London: Pimlico, 2003. – 486 p.
- 32 Martin T. An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism // In book: A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. – Oxford; NY., 2001. – P. 67-92.
- 33 McFaul M. Russia's unfinished revolution: political change from Gorbachev to Putin. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – 404 p.

34 Schmidt S.W., Shelley M.C., Bardes B.A. American government and politics today. – Belmont, CA: Thomson/Wadsworth, 2005. – 712 p.

35 Seton-Watson H. Nations and States: an enquiry into the origins of nations and the politics of nationalism. – Boulder, CO: Westview Press, 1977. – 588 p.

36 Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: constitutional design and electoral dynamics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 316 p.

37 Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. – NY.: Columbia University Press, 2007. – 288 p.

38 Isaacs R. Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics. – London; NY.: Routledge, 2011. – 218 p.

39 Isaacs R. Nur Otan, Informal Networks and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan: Bringing the “Formal” Back in // Europe-Asia Studies. – 2013. – Vol. 65, Issue 6. – P. 1055-1079.

40 Del Sordi A. The party of power of Kazakhstan: The origins, resources and regime-supporting functions of Nur Otan: thes. .. doc. PhD. – Lucca, 2012. – 241 p.

41 Pelizzo R. Continuity and change in Kazakhstani party system // Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет. – 2022. – №1(80). – Б. 67-74.

42 Pelizzo R. Static and Dynamic Properties of the Kazakhstani Party System // Аль-Фараби. – 2023. – №2(82). – С. 122-133.

43 Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2000. – 558 с.

44 Sartori G. Parties and Party System: A Framework for Analysis. With a new preface by the author and an introduction by Peter Mair. – London: ECPR Press, 2005. – 342 p.

45 Lipset S.M., Rokkan S. Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. – NY.: Free Press, 1967. – 582 p.

46 Bielasiak J. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States // Comparative Politics. – 2002. – Vol. 34, №2. – P. 189-210.

47 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // <https://constitution.kz/?ysclid.10.09.2023>.

48 Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев. Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: послание народу Казахстана // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2. 01.09.2022.

49 Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: Демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии: послание народу Казахстана // <https://adilet.zan.kz/rus/docs>. 01.09.2022.

50 Закон Республики Казахстан. О политических партиях: принят 15 июля 2002 года, №344-ІІ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id. 01.09.2022.

51 Закон Республики Казахстан. Об общественных объединениях: принят 31 мая 1996 года, №3 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/>. 01.09.2022.

52 Конституционный Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан

«О выборах в Республике Казахстан»: принят 9 февраля 2009 года, №124-IV // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30381627. 01.09.2021.

53 Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев. Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана: послание народу Казахстана // <https://www.akorda.kz/ru/addresses>. 10.05.2020.

54 Eisenstadt S.N. Modernization: protest and change. – NY., 1966. – 184 p.

55 Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 304 с.

56 Чилкотт Р.Х. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы / пер. с англ. – М., 2001. – 559 с.

57 Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politic. – 1956. – Vol. 28. – P. 391-401.

58 Apter D. Comparative Politics, Old and New // The Handbook of Political Science. – London: Sage Publications, 1996. – P. 374-389.

59 Верба С., Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократий // Полис. – 1992. – №4. – С. 122-134.

60 Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация. Современные исследования: сб. науч. тр. – М., 2003. – С. 66-85.

61 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / пер. с англ. – М., 2014. – 2088 с.

62 Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. – М., 2002. – 288 с.

63 Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. – №3. – С. 44-49.

64 Evans G., Whitefield S. Identifying the Bases of Party Competition in Eastern Europe // British Journal of Political Science. – 1993. – Vol. 23. – P. 541-583.

65 Parsons T. The system of modern societies. – Englewood Cliffs (New Jersey), 1971. – 164 p.

66 Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / пер. с нем. // Социс. – 1998. – №8. – С. 14-26.

67 Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 264 с.

68 Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. – 1998. – №2. – С. 39-40.

69 Красильщиков В.А. Эволюция теории модернизации // Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан: матер. республ. науч.-практ. конф. – Алматы: Независимый университет «Туран», 1995. – С. 22.

70 Джунусова Ж.Х. Институционализация демократии: модель западной политологии для посттоталитарных обществ и опыт Республики Казахстан:

дис... док. полит. наук: 23.00.02. – Алматы, 1996. – 302 с.

71 Сыроежкин К.Л. Государственность и этничность: проблемы и приоритеты переходных обществ // В кн.: Казахстан на пути к устойчивому развитию. – Алматы, 1996. – 368 с.

72 Нургалиева М.М. Политическая модернизация казахстанского общества: итоги и перспективы // Суверенный Казахстан как политическая реальность: матер. междунар. науч.-теорет. конф. – Алматы, 2001. – С. 424-429.

73 Байпаков М.К. Партийно-политическая система Республики Казахстан: аспекты модернизации // Актуальные проблемы модернизации Казахстана: сб. матер. междунар. конф. – Алматы: ИФПР, 2018. – С. 192.

74 Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // Полис. – 1996. – №4. – С. 125-136.

75 Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации // Полис. – 1999. – №1. – С. 10-25.

76 Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – №2(44). – С. 6-38.

77 Laakso M., Taagepera R. Effective number of parties: A measure with application to West-Europe // Comparative Political Studies. – 1979. – Vol. 12. – P. 3-27.

78 Yanai N. Why Do Political Parties Survive? An Analytical Discussion // Party Politics. – 1999. – Vol. 5, Issue 1. – P. 5-17.

79 LaPalombara J., Weiner M. Political Parties and Political Development. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. – 487 p.

80 Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // В кн.: Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 61-80.

81 Grofman B., Lijphart A. Electoral laws and their political consequences. – NY.: Agathon Press, 1986. – 355 p.

82 Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. – 1998. – №4. – С. 101-113.

83 Huntington S. Democracy's third wave // Journal of Democracy. – 1991. – Vol. 2, Issue 2. – P. 12-34.

84 Hofstadter R. The Idea of a Party System. The Rise of Legitimate Opposition in the United States, 1780-1840. – Los Angeles; London: University of California Press, 1969. – 281 p.

85 Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. – Алматы: Мектеп, 2017. – 656 б.

86 Lewis P. Democratization and Party Development in Eastern Europe // Democratization. – 1994. – Vol. 1. – P. 391-405.

87 Parsons T. On the Concept of Political Power // Proceedings of American Philosophical Society. – 1963. – Vol. 107. – P. 232-262.

88 Held D. Models of Democracy. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 344 p.

89 Mair P. Comparing party systems // In book: Comparing Democracies 2:

- Elections and Voting in Global Perspective. – London: Sage, 2002. – P. 88-107.
- 90 Rae D. The political consequences of electoral laws. – New Haven: Yale University Press, 1971. – 203 p.
- 91 Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. – London; NY.: Verso, 1999. – 224 p.
- 92 Байпаков М.К. Государство как главный социальный институт // Адам әлемі. – 2019. – №1(79). – С. 38-52.
- 93 Кынев А.В. Институт президенства в странах Центральной и восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис. – 2002. – №2. – С. 126-137.
- 94 Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 296 с.
- 95 Гаджиев К.С. Политическая наука. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 1995. – 400 с..
- 96 Прозоров Ю.Б. Партии в переходных обществах (латиноамериканский опыт) // Полис. – 1994. – №4. – С. 138-144.
- 97 Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. – 1998. – №1(43). – С. 106-129.
- 98 Власов А.В. Любимая игрушка постсоветских президентов // <https://dialog.kz/articles/politika/2008-01-14/aleksey-vlasov>. 14.01.2018.
- 99 Булекбаев С.Б. Взаимосвязь экономики и государства (социально-философский аспект) // Государство и политические партии: история и современность: матер. республ. науч.-практ. конф. – Алматы, 1998. – С. 143-148.
- 100 Байпаков М., Бижанов А., Кадыржанов Р. Партийная система как элемент политической модернизации Казахстана // Central Asia and Caucasus. Russian Edition. – 2018. – Т. 21, вып. 3. – С. 37-52.
- 101 Wolinetz S. Party systems and party system types // In book: Handbook of Party Politics. – London: Sage Publications, 2006. – P. 51-62.
- 102 Katz R.S., Crotty W. Handbook of Party Politics. – London: Sage Publications, 2006. – 550 p.
- 103 Neumann Z. Modern Political Parties: Approaches to Comparative Politics. – Chicago: University of Chicago Press, 1956. – 480 p.
- 104 Lewis P.G. Party states and state parties // In book: Handbook of Party Politics. – London: Sage Publications, 2006. – P. 471-481.
- 105 Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. – London: Penguin Books, 1998. – 623 p.
- 106 Sakwa R. The Development of the Russian Party System // In book: Elections and Political Order in Russia. – NY.: Central European University, 1995. – P. 169-201.
- 107 Birch A.H. The British System of Government. – Ed. 7th. – London: Allen & Unwin, 1986. – 279 p.
- 108 Riker W.H. The Two-Party System and Duverger's Law: An Essay on

the History of Political Science // American Political Science Review. – 1982. – Vol. 76. – P. 753-766.

109 Duverger M. Duverger's Law: Forty Years Later // In book: Electoral Laws and Their Political Consequences. – NY.: Agathon Press, 1986. – P. 69-84.

110 Ware A. Political Parties and Party Systems. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 460 p.

111 Poguntke T. The German party system: Eternal crisis? // German Politics. – 2001. – Vol. 10, Issue 2. – P. 37-50.

112 Rae D., Taylor M. The Analysis of Political Cleavages. – New Haven: Yale University Press, 1970. – 168 p.

113 Taagepera R., Shugart M.S. Seats and votes: the effects and determinants of electoral systems. – New Haven. CT: Yale University Press, 1989. – 320 p.

114 Mainwaring S.P. Rethinking Party Systems in the Third Wave of Democratization: the Case of Brazil. – Stanford, 1999. – 390 p.

115 Mainwaring S.P., Scully T.R. Building democratic institutions: party systems in Latin America. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. – 608 p.

116 Mair P. Party systems and structures of competition // In book: Comparing Democracies: Elections and Voting in Global Perspective. – Thousand Oaks: Sage, 1996. – P. 82-106.

117 Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии большевиков: стенографический отчет / РКП(б). – М.: Главполитпросвет, 1923. – 709 с.

118 Ubiria G. Soviet Nation-Building in Central Asia: The Making of the Kazakh and Uzbek Nations. – NY.: Routledge, 2016. – 271 p.

119 Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

120 Байтурсынов А. Революция и киргизы // Жизнь национальностей. – 1919, август – 3. – №27(39).

121 Barker E. Reflections on Government. – Oxford: Oxford University Press, 1942. – 444 p.

122 Lipson L. The Democratic Civilization. – NY., 1964. – 640 p.

123 Triska J.F. Communist Party-States: comparative and international studies. – NY., 1969. – 392 p.

124 Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – 624 с.

125 Байпаков М.К. Государство как главный социальный институт // Адам әлемі. – 2019. – №1(79). – С. 38-52.

126 Дьяченко С.А., Кармазина Л.И. Республика Казахстан: особенности политической модернизации. – Алматы, 1999. – 144 с.

127 Katz R.S. Party in Democratic Theory // In book: Handbook of Party Politics. – London: Sage Publications, 2006. – P. 34-46.

128 Шоманов А., Мустафаев Н. Партийное строительство в Казахстане: опыт, состояние и перспективы // Analytic. – 2002. – №4. – С. 8-13.

129 Телебаев Г., Коновалов С. Партийное строительство в Казахстане:

от идеологического диктата одной партии к многопартийной системе // Саясат. – 2001. – №9. – С. 68-74.

130 Сартаев Р.С. Партогенез в переходном казахстанском обществе // Восток-Запад: диалог культур: докл. 2-го междунар. симпоз. – Алматы, 1996. – С. 87-93.

131 Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы, 1996. – 285 с.

132 Kendirbay G. The national liberation movement of the Kazakh Intelligentsia at the beginning of the 20th century // Central Asian Survey. – 1997. – Vol. 16, Issue 4. – P. 487-515.

133 Agh A. The Hungarian Party System and Party Theory in the Transition of Central Europe // Journal of Theoretical Politics. – 1994. – Vol. 6. – P. 222-232.

134 LaPalombara J., Weiner M. The Origin and Development of Political Parties // In book: Political Parties and Political Development. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. – P. 3-42.

135 Freedom in the world: The Annual survey of political rights and civil liberties, 2000-2001 / ed. A. Karatnysky. – NY, 2001. – 675 p.

136 Карсаков И. Общественно-политическая жизнь Казахстана. 1985-1995 годы: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алматы, 1996. – 21 с.

137 Ертысбаев Е.К. Генезис выборной демократии в современном Казахстане: проблемы и перспективы. 1990-2000. – Алматы: Қазақ университеті, 2000. – 458 с.

138 Исмагамбетов Т.Т. В Казахстане изменяются электоральные правила игры // Саясат. – 1999. – №1. – С. 21.

139 Назарбаев Н. Консолидация всех политических сил – главное условие процветания общества // Казахстанская правда. – 2001, апрель – 21.

140 O’Beachain D. Parliamentary elections in Kazakhstan, September and October 2004 // Electoral Studies. – 2005. – Vol. 24. – P. 762-769.

141 Во имя процветания страны // Казахстанская правда. – 2006, ноябрь – 11.

142 Власов А. Парламентские выборы 2007 г. в контексте политической реформы // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/parlamentskie>. 10.11.2022.

143 Чеботарев А. Годовщина конституционной реформы в Казахстане — // <https://365info.kz/2023/06/godovshhina-konstitutsionnoj-reformy>. 10.08.2023.

144 Isaacs R. Parliamentary Election in Kazakhstan, August 2007 // Electoral Studies. – 2008. – Vol. 27. – P. 381-385.

145 Глава государства не видит ничего трагического в том, что парламент получился однопартийным // Панорама. – 2007, август – 24.

146 Siaroff A. Comparative European party systems: an analysis of parliamentary elections since 1945. – NY.: Garland Publishing, 2000. – 512 p.

147 Siaroff A. Two-and-a-half party systems and the comparative role of the “half” // Party Politics. – 2003. – Vol. 9. – P. 267-290.

148 Из проекта новой Конституции Казахстана исключили упоминания о Назарбаеве // <https://www.rbc.ru/politics/06/05/2022/62748a8b9a>. 06.05.2022.

149 Об итогах регистрации кандидатов в депутаты Мажилиса Парм,

установлении размеров расходов кандидатов и аккредитации иностранных наблюдателей: пресс-релиз / Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан // <https://www.election.gov.kz/rus/news>. 19.02.2023.

150 Троценко П. «Дежурные фразы», «невнятные лозунги» и «цензура». Агитлистка как отражение политической ситуации в Казахстане // <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-election-campaign-features>. 14.03.2023.

151 Троценко П. Кастинг депутатов проводили в Акорде // <https://rus.azattyq.org/a/32338852.html>. 23.02.2023.

152 Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. – Алматы: Ататек, 1995. – 256 б.